

**СУДЬБЫ
РУССКОЙ
ИНТЕЛЛИГЕНЦИИ**

«НАУКА»

СИБИРСКОЕ ОТДЕЛЕНИЕ

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
СИБИРСКОЕ ОТДЕЛЕНИЕ
ИНСТИТУТ ИСТОРИИ

СУДЬБЫ РУССКОЙ ИНТЕЛЛИГЕНЦИИ

МАТЕРИАЛЫ ДИСКУССИЙ
1923—1925 гг.

Ответственный редактор
доктор исторических наук
В.Л. Соскин

НОВОСИБИРСК
“НАУКА”
СИБИРСКОЕ ОТДЕЛЕНИЕ
1991

ББК 66.017.84
С89

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ:

А.В. Битнер, кандидаты исторических наук С.А. Красильников
(составитель), Т.Н. Осташко, Л.И. Пыстина, доктор исторических наук
В.Л. Соскин (отв. редактор)

Рецензенты

доктор исторических наук *В.И. Шишкин*
кандидат исторических наук *И.С. Кузнецов*

Утверждено к печати
Институтом истории СО АН СССР

Судьбы русской интеллигенции. Материалы
С89 дискуссий. 1923—1925 гг. — Новосибирск: Наука.
Сиб. отд-ние, 1991. — 222 с.
ISBN 5—02—029783—6.

Сборник составлен по материалам проходивших в 1923—1925 гг. дискуссий, посвященных обсуждению места, роли и перспектив развития отечественной интеллигенции в послереволюционном обществе. Атмосферу начавшегося было уникального для советского периода истории диалога между демократической интеллигенцией и политическим режимом передают выступления Н. Бухарина, Г. Зиновьева, Л. Троцкого, в которых рельефно отразилась противоречивость советской культурной политики тех лет. В сборнике публикуются предисловие, комментарии к каждому источнику, биосправки, а также библиография по проблемам интеллигенции, составленная в 20-е гг. Н.М. Сомовым.

Книга рассчитана на специалистов-обществоведов, а также тех, кто интересуется историей культурной и общественно-политической жизни страны.

0503020500—166
С----- КБ—14—2—1991
042(02)—91

ББК 66.017.84

ISBN 5—02—029783—6

© Издательство "Наука", 1991

ПРЕДИСЛОВИЕ

Много говорим мы об интеллигенции и все никак не можем наговориться. Причин этого несколько. Во-первых, мы сами принадлежим к интеллигенции. В сущности, это вопрос нашего самоопределения. Во-вторых, объективно рассуждая, нужно признать, что это вопрос чрезвычайной сложности и жизнь может ежемесячно, если не ежедневно, выдвигать все новые и новые стороны в этом вопросе.

*П.Н. Сакулин, один из крупнейших
литературоведов. 1925 г.*

Я имею ту привилегию или недостаток, что сам выхожу из интеллигенции и прекрасно знаю ее.

*Н.И. Бухарин, член Политбюро ЦК
РКП(б). 1925 г.*

Интеллигенция — это иллюзия, которая очень дорого обошлась стране и революции, с которой давно пора покончить.

*М.Ю. Левидов, популярный публицист.
1924 г.*

Выверенные и суховатые, с налетом академизма слова старейшего русского литературоведа Сакулина, афористическая фраза Бухарина, рассчитанный на эффект парадоксальный вывод Левидова — все это живые штрихи, характеризующие тот феномен эпохи нэпа, каковым являлись общественно-политические диспуты, дискуссии 1924—1925 гг. по проблемам интеллигенции. Дискуссии стали крупным явлением общественной жизни, неотожествимым как с митингами 1917—1918 гг., так и с пропагандистскими кампаниями по осуждению “вредительства” специалистов, прокатившимися по стране на рубеже 20 — 30-х гг. Ведь как первые, так и вторые несли на себе печать политической одномерности, заданности, predeterminedности.

Дискуссии середины 20-х гг. по своему характеру были диалогом между интеллигенцией и властью. Его субъектами выступали яркие, незаурядные личности, влияние которых на формирование общественной атмосферы в стране в целом, на настроения и позиции отдельных групп и слоев было велико.

Именно на таком уровне, когда “полпреды” от культуры и “полпреды” от партии выявляли не только (и не столько) то, что их разъединяло, но и сближало, давало шансы на сотрудничество в будущем, могло быть конструктивным обсуждение вопроса о месте и роли интеллигенции в обществе. Здесь сталкивались и согласовывались позиции выразителей общественного мнения российской демократической интеллигенции (Сакулин, Рейснер и др.), лидеров сменовеховского движения (Ключников, Потехин), идеологов леворадикальных группировок пролеткультовского толка (Вардин, Лелевич, Левидов и др.) — и все это при живейшем участии интеллектуалов из высшего эшелона большевистской партии и Советского правительства (Троцкого, Бухарина, Рыкова, Луначарского и др.).

Разнообразие подходов, выражаемое в литературе так называемыми попутчиками и последователями линии Пролеткульта (“напостовцы”, сгруппировавшиеся вокруг журнала “На посту”), налагало особую ответственность на поведение и оценки, исходящие от партийно-государственных лидеров. В годы революции и гражданской войны сформировался особый тип взаимоотношений между основной массой интеллигенции и властью. Психология, идеология “военно-коммунистических” отношений основательно овладели сознанием значительной части молодой, послереволюционной интеллигенции, для которой и при нэпе привычными оставались “приказные” методы. Они соответствовали убеждению этой категории деятелей в праве на монополию в сфере культуры. Старая же интеллигенция, хотя и была придавлена прессом пролетарской диктатуры, не желала отказываться от своего понимания свободы творчества. В сдержанной форме она напоминала о своих специфических интересах и требованиях, связанных с обеспечением оптимальных условий для работников умственного труда.

Интеллектуалы-большевики в лице Луначарского, Троцкого, Бухарина и других осознавали соблазны и опасности своего положения арбитров, призванных выработать такую культурную политику, которая обеспечивала бы необходимые для специалистов возможности выполнения определенного социального заказа. Свобода творчества при этом по сути дела исключалась или крайне ограничивалась, хотя внешне позиция власти не выглядела категоричной. Типичной можно считать установку, выраженную, например, в следующем бухаринском рассуждении: “Вопрос заключается только в том, какие социально-педагогические методы мы должны употреблять, чтобы обеспечить свободу творчества, чтобы обеспечить развитие общества, а с другой стороны, чтобы не получилось

отсутствие свободы мысли. Это две опасности. С одной стороны, опасность догматическая, где написаны готовые тезисы, а остальное будто бы само приложится. Против этого надо бороться. Но когда у нас говорят, что надо дать свободу творчества, то сейчас у нас возникает вопрос о свободе проповедывать монархизм...“

На том же “оселке” — идее творческой свободы — оттачивались позиции сторон в данном споре. Оппонируя ученому-литературоведу Сакулину, утверждавшему, что без творческой свободы, в том числе свободы преподавания, интеллигенция не способна выполнять свое общественное предназначение, Бухарин говорил: “При такой свободе из наших вузов выходили бы культурные работники, которые могли бы работать и в Праге, и в Москве (Прага в 20-е гг. была одним из центров культурной эмиграции из России. — С. К.). А мы желаем иметь таких работников, которые могут работать только в Москве““.

Принадлежность к высшему эшелону власти налагала на политических лидеров обязательство действовать в рамках согласованных принципов, из которых доминирующими были два. Первый следовал из ортодоксальной марксистской доктрины, отводившей интеллигенции место среди непролетарских классов и групп и определявшей соответствующую этому ее второстепенную роль в союзнических отношениях с рабочим классом. Второй принцип был порожден логикой саморазвития политического режима: захватив, удержать “командные высоты“ в экономике, политике, идеологии, культуре. Уже одно это само по себе означало борьбу, в которой значение умственного труда было весьма велико, однако определялось оно не самоценностью этого труда как культурного феномена, а его прикладными возможностями. Умственный труд рассматривался почти всегда как элемент производства, хозяйственного строительства, обслуживания нужд государства, сугубо направленного воспитания масс, т.е. как средство осуществления политики.

Такому утверждению вовсе не противоречит справедливое заявление Ленина в 1919 г.: «Если бы мы “натравливали“ на “интеллигенцию“, нас следовало бы за это повесить. Но мы не только не натравливали народ на нее, а проповедовали от имени партии и от имени власти необходимость предоставления интеллигенции лучших условий работы»““. При этом, однако, подразумевалось, что политическому режиму нужна

*См. с. 40 настоящего издания.

**См. с. 40 настоящего издания.

***Ленин В.И. Полн. собр. соч. — Т. 38. — С. 220.

была не интеллигенция в традиционном ее понимании, как выразитель широкого общественного мнения, а кадры специалистов. И не просто специалистов, а особого типа — “красных спецов”. Вот красноречивая фраза, вырвавшаяся из уст Бухарина на одном из диспутов: “Нам необходимо, чтобы кадры интеллигенции были натренированы идеологически на определенный манер. Да, мы будем штамповать интеллигентов, будем вырабатывать их, как на фабрике”.

Вместе с тем при общности задачи — с максимальной эффективностью использовать интеллектуальный потенциал страны в интересах идеи социалистического строительства — обозначились различия в подходах руководства к принципам формирования политики в сфере культуры и в отношении интеллигенции. Один из них базировался на так называемом жестком курсе, предполагавшем не только не ослабление, но и усиление идеологического и административного вмешательства в сферу культуры, контроля за профессиональной и общественной деятельностью интеллигенции. Оппонентами сторонников такого курса были приверженцы более либерального подхода, небезосновательно считавшие, что необходимо учитывать своеобразие культурной сферы, социально-профессиональных запросов и ориентаций групп работников умственного труда, их традиционные представления, моральные установки. Для расширения социальной базы режима, его успешного функционирования требовался более тонкий механизм привлечения интеллигенции. А это, в свою очередь, зависело от того, посчитает ли интеллигенция “своими” и лидеров большевизма. Отсюда — идея осуществления более гибкой тактики, организация диалога с интеллигенцией и других мер.

Настоящая книга представляет различных партийно-государственных лидеров, каждому из которых была присуща своя мера мастерства и умения “разговаривать с интеллигенцией на ее языке” (выражение А.В. Луначарского). Здесь выступления Бухарина и Троцкого перед творческой интеллигенцией. Оба — яркие, можно сказать, отчаянные полемисты, нередко сознательно заострявшие центральные тезисы своих выступлений, как бы вызывавшие “огонь на себя”. Им была важна реакция аудитории, контакт с ней. Наличие оппонентов — не помеха, а, напротив, катализатор для мобилизации собственных интеллектуальных ресурсов.

Митинговый опыт времен революции и гражданской войны одним “златоустам” в годы нэпа помогал, зато другим был явно противопоказан. Пример — публикуемая в книге

*См. с. 39 настоящего издания.

речь Зиновьева перед учеными в конце 1923 г. Казалось бы, она соответствует стандартам выступлений партийных вождей перед аудиторией: здесь есть и напор, и аргументация, и демонстрация круозора. Но... Нет, кажется, основного — контакта с аудиторией. Сама речь Зиновьева достаточно жесткая, назидательная, высокомерная. Призыв к сотрудничеству как бы дополняется многозначительным “но” («Учтите, что “мы” (большевики) ничего не забыли...»). Что же касается перспективы, то для Зиновьева она связывалась по-прежнему с надеждой на мировую революцию, ожиданием революционного взрыва в Германии осенью 1923 г. Отсюда и рассуждения тогдашнего председателя Коминтерна в русле сравнения западно-европейской интеллигенции с отечественной, причем чаще всего не в пользу последней.

И еще один характерный штрих. В своей речи Зиновьев как бы отделял себя от интеллигенции (между тем, именно ей он был во многом обязан своим становлением). Такая позиция отнюдь не составляла исключения, она была характерна для высшего руководства страны. Сложилась как будто парадоксальная ситуация. Профессиональные революционеры, интеллигенты в предшествующий период своей жизни — литераторы, юристы, медики, инженеры и другие — взяли на себя выполнение одной из сложнейших функций умственного труда — функции социального управления обществом. Но при этом они отделяли себя от основной массы отечественной интеллигенции, которую стали именовать не иначе как “буржуазные специалисты”.

Подобного рода разрыв, будучи следствием сугубо классово-трактовки социальной структуры, вполне естественной в первые послереволюционные годы, вначале не приобрел фатально необратимого характера. Большевики-интеллигенты не отвергали своего социального первородства: в анкетной графе “основная профессия” Ленин, Бухарин, Луначарский и некоторые другие писали “литератор”. Однако времена менялись, гражданская война должна была смениться гражданским миром. На практике он оказался весьма относительным, поскольку в сознании партийной верхушки оставался не более чем передышкой перед новой бурей.

Наступившее “смягчение” нравов выразилось, в частности, в дискуссиях. Сам же классовый подход, рассматриваемый по-прежнему через призму жестко политизированного отношения к интеллигенции, продолжал быть осью культурной политики. Хотя все больше представителей интеллигенции выражали готовность к сотрудничеству с властью (чему было много причин), взаимодействие этой власти и специалистов представляло собой “союз” седока и лошади. Позднее он

был вообще разрушен. Мясорубка — идейная и физическая — сталинизма “переработала” интеллигенцию так, что ее “интеллигентская” суть едва ли не выветрилась целиком. Плоды этой “работы”, проходившей под флагом классовой борьбы, сегодня роковым образом ощущает начатая перестройка. Острая нехватка подлинной интеллигентности — одна из самых больших трудностей на пути демократического обновления.

* * *

Для конкретизации предмета нашего анализа целесообразно хотя бы несколькими штрихами обозначить основные характеристики интеллигенции тех лет¹. Основной источник — материалы городской переписи служащих, проведенной в марте 1923 г. Перепись зафиксировала 1836 тыс. служащих (с учетом проживавших в сельской местности общая численность этой категории работающих в стране составляла приблизительно 2,3 млн чел.). Характер переписи позволял вычленив из этой массы собственно интеллигенцию (“лиц интеллигентного труда”), находившуюся на государственной службе. Всего (включая безработных специалистов, военных, лиц, работавших по свободному найму, и т.д.) в 1923 г. в стране насчитывался приблизительно 1 млн представителей интеллигенции. Сопоставление материалов переписи 1923 г. с предреволюционными данными свидетельствует: интеллигенция в годы нэпа восстановилась в прежней численности быстрее других групп городского населения.

Очевидно, что в условиях действия неблагоприятных факторов периода революции и гражданской войны (прямые потери на фронтах гражданской войны от красного и белого террора, голода и эпидемий, в результате эмиграции и т.д.) восстановление дореволюционной численности специалистов могло быть достигнуто лишь путем ускоренной их подготовки в вузах, выдвиженчества. Очевидно и то, что за счет этого произошло снижение качественных характеристик. Интеллектуальный потенциал страны оказался значительно ослабленным. Было ясно, что еще долго специалисты старой формации будут определять прогресс общества в различных областях.

К счастью, численно эта категория оставалась пока преобладающей даже среди работников массовых профессий, таких как учителя, врачи, инженеры и техники. Еще более характерным такое положение было для элитных групп (науч-

¹См. данные С.А. Федюкина в кн.: *Изменения социальной структуры советского общества. 1921 — середина 30-х гг.* — М., 1979. — С. 146—152.

но-преподавательские кадры, работники искусства, юристы и т.д.). Среди профессоров вузов только один из каждых 100 чел. в 1923 г. был моложе 30 лет. Значительную долю командных кадров армии составляли бывшие офицеры: среди командиров полков, дивизий и корпусов их было около 80 %.

Занимая базовое положение в сфере духовного производства, специалисты старой формации жили и трудились, однако, в существенно иных в сравнении с дореволюционным временем социально-экономических и политических условиях. Изменились их статус, материальное и правовое положение. Хотя однозначно нельзя, например, определить последнее, в целом вектор изменений имел негативную направленность. Материальный уровень практически всех групп и категорий интеллигенции опустился значительно ниже довоенного. Резко упали социальный престиж интеллектуального труда и авторитет его носителей. Достаточно сильными были обострившиеся в годы революции и гражданской войны антиинтеллигентские настроения. Как ущемление своих прав специалисты воспринимали ограничения при приеме их детей в вузы. Сталкивались специалисты и с политической неправомерностью, в то время как представители рабочего класса и даже крестьянства имели льготы при осуществлении избирательных прав, преимущества при приеме в партию и т.д. Уровень безработицы среди лиц интеллигентных профессий был наивысшим — 12—15 %. Нередко причиной этого являлись не профессиональная некомпетентность, а политические “противопоказания”.

Различные группы интеллигенции имели неодинаковое положение и социальные перспективы и жили как бы в разных временных измерениях. Для одних категорий партийно-советские структуры становились нередко полем для должностной карьеры. Другие подвергались целенаправленной маргинализации и выводились на периферию общества, лишаясь и без того урезанных прав и свобод. Так, фактически против определенных групп интеллигенции было направлено постановление ЦИК СССР, согласно которому ОГПУ начиная с весны 1924 г. получило особые права в части заключений в концлагеря и ссылки лиц, представляющих опасность для политического режима. С этого момента была восстановлена отмененная Февральской революцией административная ссылка — форма внесудебных репрессий, широко применявшихся царизмом в борьбе со своими политическими противниками.

В те дни, когда центральные газеты печатали материалы диспутов о перспективах развития культуры и интеллигенции, для части последней вставала другая мрачная перспектива — стать частью контингента ссыльных на восточных ок-

раинах страны. Эмигрантская печать (“Руль”, “Дни”, “Накануне” и др.) была наполнена сообщениями о том, что прежние районы царской ссылки (Березово, Тобольск, Нарым и т.д.) с весны 1924 г. начали заполняться политическими ссыльными, в том числе “бывшими”. Впрочем, этот факт не склонны были скрывать и сами большевистские лидеры. Бухарин, полемизируя с Сакулиным, откровенно заявил: «Мы прибегаем к целому ряду старых методов... Тюрьмы были и есть, государственные учреждения есть, система принуждения есть, террористический режим есть — только направленный на другие цели... Мы только перевернули понятие “свобода”. Раньше была свобода для помещиков и капиталистов, а мы сделали для рабочих и крестьян». Несколько лет спустя он обмолвился о “кое-каких нытиках”, начавших атаку “против всего нашего дела”, которых пришлось передвинуть в “более северную зону”, чем вызвал смех и бурные аплодисменты слушателей**.

В этом была не только вина, но и беда многих политических лидеров большевизма. Исходя из посылки, что режим имеет право на защиту, они пропустили момент сползания через опасную грань, когда террористические черты режима начали подрывать сам первоначальный государственный строй: вначале подверглись изгнанию сотни “бывших”, затем тысячи членов непролетарских партий, далее десятки тысяч священнослужителей и наконец сотни тысяч крестьян эпохи “великого перелома”. Сказанное, однако, не должно создавать впечатления, что во взглядах руководителей и в официальной политике по отношению к интеллигенции присутствовал лишь своего рода принудительный, ограничительный момент. Ситуация была более сложной. Следует иметь в виду, что в 1924—1925 гг. фатальной предопределенности повторения гражданской войны ни Бухарин, ни Троцкий, ни другие руководящие деятели не предполагали. Как показывает логика их выступлений, они были убеждены в том, что между властью и интеллигенцией будут расширяться сотрудничество и согласие при сужении противодействия и конфронтации.

В пользу такого утверждения свидетельствуют те позитивные акции, которые государство предприняло в 1924—1925 гг. для расширения взаимодействия между властью и интеллигенцией. Речь в первую очередь идет о решениях, связанных с удовлетворением ряда обоснованных социальных потребностей специалистов по целому ряду позиций (материальное, бытовое, правовое обеспечение и т.д.). В па-

*См. с. 51 настоящего издания.

**Бухарин Н.И. Избранные произведения. — М., 1988. — С. 383.

кете решений этого периода целесообразно выделить резолюцию ЦК РКП(б) от 18 июня 1925 г. о политике партии в области художественной литературы и постановление ЦК РКП(б) от 18 сентября 1925 г. о работе специалистов*. Указанные решения явились своеобразным политическим итогом диалогов 1924—1925 гг. с интеллигенцией.

Первая резолюция отвергла притязания “леваков” на монопольное положение в литературе: ЦК высказался за свободное соревнование различных группировок и течений в данной области. Широкий резонанс имело и второе постановление ЦК, в котором декларировались меры по улучшению условий работы и быта специалистов, предоставлению им налоговых льгот, повышению социально-политического авторитета интеллигенции — решительное осуждение проявлений спецедействия, установление льгот по приему детей специалистов в учебные заведения и т.д. Центральным пунктом представляется следующий: “При оценке специалистов принимать во внимание их производственный стаж (особенно советский), заслуги в области определенной специальности как в довоенный, так и в послереволюционный период, ни в коем случае не допуская установления отношения к специалистам исключительно на основе их классового происхождения***. Очевидно, что такого рода решения работали в пользу Советской власти, нейтрализуя в известной мере ее же политику репрессивного толка.

Как видно из приведенных материалов, развитие отношений между властью и интеллигенцией отличалось противоречивостью не только самого исторического опыта этих отношений, но и теоретических постулатов, имевших хождение в обществе. Классовым подходом, о котором говорилось выше, дело не исчерпывалось. Разрушительный элемент содержался в трактовке самого понятия “интеллигенция”, места и роли ее в обществе и других подобных проблем.

Читатель, несомненно, обратит внимание на весьма острые, бурные дебаты вокруг данных вопросов, при этом сама полемика может показаться искусственной. Однако у этого спора, не избежавшего схоластических издержек, в реальном историческом контексте 20-х гг. имелось прагматическое предназначение. Большевики, удержавшие государственную власть в немалой степени благодаря трезвому учету динамики расстановки и развития основных классов и социальных сил в российском обществе 1917—1920 гг., в годы нэпа также

*См.: *Культурное строительство в СССР. 1917—1927: Документы и материалы.* — М., 1989. — С. 229—234; *В.И. Ленин, КПСС об интеллигенции.* — М., 1979. — С. 200—202.

****В.И. Ленин. КПСС об интеллигенции.* — С. 202.

нуждались в знаниях о том, какие силы им противостоят, а какие являются их союзниками. Очевидного, лежавшего на поверхности ответа не было. Основные участники дискуссии о природе интеллигенции исходили из постулатов марксистской теории, что не исключило разнообразия точек зрения.

Основными были три позиции. Представители первой (Залкинд, Вольфсон) предлагали квалифицировать интеллигенцию как разновидность рабочего класса, но закрепленную за особым видом общественно полезного труда. Сторонники второй позиции (Бухарин, Луначарский), несмотря на некоторые разногласия, считали интеллигенцию самостоятельной частью непролетарских, средних слоев общества (“третье сословие”). Наконец, выразители позиции третьей группы (Полонский и др.), видели у каждого общественного класса свою интеллигенцию. Последняя, таким образом, представлялась чем-то вроде “отростков” в составе различных классов, что, естественно, требовало дифференцированной политики по отношению к каждому.

Принятие той или иной точки зрения влекло неодинаковые последствия для социальной политики большевистской партии. Первая и третья позиции не оставляли интеллигенции права на самостоятельность и качественную определенность: она превращалась в придаток то ли одного класса, то ли нескольких. Следование этому тезису освобождало от выработки особой социальной политики в отношении интеллигенции. Оставалось только “расскассировать” интеллигенцию по признакам происхождения, положения, политических ориентаций и поступить с каждым “соответственно”. Это, собственно, и сделал сталинский режим.

Почему же “провалилась” верная в целом концепция интеллигенции как особой общности, за которой стоял авторитет таких большевистских лидеров, как Бухарин, Луначарский и др.? Для руководителей партии и государства при всей их несхожести общим было положение о том, что история приведет различные группы интеллигенции на позиции марксизма, что вся интеллигенция станет советской, коммунистической. Вопрос состоял только в темпах, формах и методах данного перехода, непременно регулируемого, управляемого марксистской партией. И хотя Бухарин и Луначарский, будучи сторонниками “мягкой” культурной политики, призывали к терпимости и осторожности в воздействии на интеллигенцию, общая политика партии и государства отрицала подлинно демократические принципы взаимоотношений классов и социальных групп и соответствующий им общественный плюрализм. При таком положении все “дороги” сворачивали к идее переделки интеллигенции по намеченному образцу, что

в итоге стирало грань между “мягкими” и “жесткими” методами.

Существует большой соблазн поддаться упрощенчеству и оценивать все происходившее в 1924—1925 гг. между некоммунистической в подавляющем большинстве интеллигенцией и коммунистическим режимом как политический маневр режима, имеющий целью заставить интеллектуалов поверить большевикам и оказать им “кредит доверия”. Все, однако, не столь однозначно. Действительно, коммунистический режим нуждался в расширении своей опоры среди непролетарских масс. В свою очередь, бывшие буржуазные специалисты для развития своей профессиональной деятельности также нуждались в поддержке, помощи сильной власти.

Интеллигенты — участники дискуссий (Сакулин, Ключников и др.) не только чувствовали, но и прямо говорили о том, что соглашение с властью достигается дорогой ценой — ценой утраты свободы интеллектуального творчества. Сакулин четко сформулировал свое кредо: творчество как процесс несовместимо с идеологической диктатурой, будь то даже марксистская доктрина (“Из истории культурного человечества мы знаем, что внешнее давление на творческую мысль никогда не давало ожидаемых результатов”).

Теряя в большом и главном, интеллигенция настаивала на минимуме: оградить ее от “спецедействия”, причем не только “снизу”, но и “сверху” (последнее явление Сакулин осторожно обозначил как “предубеждение, которое нередко проявлялось в действии руководящих групп”).

Срачивание спецедействия “снизу” и “сверху” произошло не вдруг. Следует иметь в виду, что дискуссии 1924—1925 гг. велись в целом на элитарном уровне, спорили лидеры, обладавшие сравнимым интеллектуальным потенциалом (кстати, примечательно, что на рубеже 20—30-х гг. Сакулин, Бухарин и Луначарский были избраны академиками АН СССР). Однако достигнутое внешне соглашение, обставленное рядом партийных и правительственных решений, не было закреплено на среднем и нижнем “этажах” власти. Здесь “спецедействие”, закрепившись на бытовом уровне, имело глубокие корни. Антиинтеллигентская психология и идеология, выросшая на “дрожжах” гражданской войны, угнездилась в порах общества. Новое поколение “вождей” большевизма (“сталинская когорта”) уже откровенно удаляло себя от интеллигенции, а массам теперь больше импонировали такие личности, как вчерашний луганский слесарь Ворошилов или тверской

*См. с. 31 настоящего издания.

**См. с. 32 настоящего издания.

металлист из крестьянской среды Калинин, нежели “краснобай” Троцкий, “путаник” Луначарский, “умник” Бухарин и др. Синхронно с открытыми карательными мерами по отношению к старой интеллигенции на исходе 20-х гг. протекал процесс “вымывания” интеллектуальной прослойки из большевистского руководства.

Участнику литературной дискуссии 1924 г. Рязанову, крупнейшему знатоку Маркса и Энгельса, ироничному по природе человеку, приписывали следующую фразу, сказанную по случаю разгрома бухаринской группировки: “В Политбюро марксисты больше не нужны”. Сам Рязанов подвергался репрессиям с 1931 г. и погиб в 1938 г. Вряд ли в посленэповской России нашлось бы место Луначарскому и Сакулину: оба умерли до начала эпохи “большого террора”. Террористический режим поглотил большинство их сторонников и оппонентов.

Каково же место рассматриваемого периода, отмеченного полосой диспутов и дискуссий, в послеоктябрьской истории отечественной культуры и интеллигенции? Кратко о нем можно сказать, что это был короткий, по-своему уникальный момент диалога между демократической интеллигенцией и политическим режимом в лице большевистских лидеров-интеллектуалов, когда режим на миг раскрылся перед общественностью не традиционной мобилизационно-директивной или террористической, а творческой, созидательной гранью.

Исторически это очень важная констатация. Принятие ее означает признание того, что в тогдашнем обществе существовала альтернатива иного, демократического по своей сущности развития, которую, однако, исключил в последующие годы сталинизм. Но не свидетельствует ли это и о другом: о возможности и необходимости восстановления потенциала того типа демократического и гуманистического развития, который содержался в названной альтернативе?

* *
*

В сборнике представлена лишь небольшая часть громадно-го массива публикаций 20-х гг., посвященных данной проблематике. Для заинтересованного читателя воспроизводится (в авторской редакции) соответствующий раздел работы Н.М. Сомова “Библиография русской общественности”. Научные комментарии и биосправки подготовлены: А.В. Битнером, С.А. Красильниковым, Т.Н. Осташко, Л.И. Пыстиной.

С.А. Красильников

БУДУЩЕЕ ИНТЕЛЛИГЕНЦИИ

(Диспут в Политехническом музее)¹

Диспут о “будущем интеллигенции“, состоявшийся 6 апреля под председательством В.П. Полонского, интересен в двух отношениях: во-первых, он показал, что вопрос о природе и сущности интеллигенции далеко еще не разрешен в среде сторонников научного марксизма, во-вторых, он подчеркнул остроту и важность проблемы новой советской интеллигенции. Докладчик, проф. М.А. Рейснер, лишь вскользь коснулся теоретической стороны вопроса об интеллигенции². Он охарактеризовал интеллигенцию как социальную группу, которая в профессиональном отношении является группой техников, мастеров, ремесленников и строителей культуры. Как и всякая профессия, интеллигенция имеет свои профессиональные болезни. Наиболее характерной и существенной их этих болезней является тенденция интеллигенции к превращению в касту, к монополизированию просвещения и образования, к обеспечению за собой определенного материально-политического положения. Интеллигенция возникла и развивалась в процессе разделения труда, профессиональной дифференциации в человеческом обществе. В классовом положении интеллигенция неоднородна: отдельные слои ее находятся в связи и зависимости с тем классом, интересы которого они обслуживают. Дореволюционную интеллигенцию проф. Рейснер охарактеризовал как замкнутую группу специалистов, оторванных от жизни, от тех областей ее, которые не имели прямого отношения к их специальности. Привилегированное положение этой интеллигенции, ее кастовый характер привели к уродливому извращению этой социальной группы. Погоня за дипломом, открывавшим доступ в касту, циничный карьеризм — вот специфическая черта этой интеллигенции.

Переходя к новой рабоче-крестьянской интеллигенции, проф. М.А. Рейснер отметил наличие опасных уклонов в ее развитии. Он отметил наличие тревожных признаков карьеристского извращения среди пролетарского студенчества и

¹6 апреля 1924 г.

рабфаковцев. В некоторых кругах этой интеллигенции появляются стремления спекулировать на своем пролетарском происхождении и дипломе, жажда привилегий, проекты новой титулатуры (“инженеры социальных наук” и т.д.). Если к этому прибавить отчаянное экономическое положение наших вузов и их питомцев, то пред нами встанет во весь рост опасность превращения нашей новой интеллигенции в нищую богему, оторвавшуюся от своей среды, страдающую всеми болезнями и уродствами старой интеллигенции. Вот почему начавшееся в последнее время широкое обсуждение “германской” и “американской” системы воспитания имеет огромное актуальное значение. Необходимо выработать такую систему обучения и воспитания новой интеллигенции, которая, с одной стороны, создаст подлинных красных спецов, а, с другой — обеспечит самую крепкую связь между ними и социальной средой, которая их родила и выдвинула. Кроме того, необходимо, чтобы Наркомпрос отказался от той “проповеди идеализма и религиозной аскезы”³, которую он фактически ведет среди вузовцев и преподавательского персонала, заставляя людей напряженно работать, питаясь диким медом и акридами⁴. Вместе с тем в вузах должна быть продолжена та чистка в среде старой интеллигенции, которая началась только в 1923 г.⁵, отставши на целых пять лет от Октября. Интеллигенция как совокупность просвещенных элементов населения, конечно, будет расти и размножаться, но интеллигенция как каста должна быть уничтожена. Весь пролетариат должен стать своей собственной интеллигенцией.

Если проф. Рейснер в центре своего доклада поставил вопрос о новой интеллигенции, то первый оппонент Б.И. Горев посвятил свою речь теоретической стороне вопроса об интеллигенции. Он не видит никакого принципиального различия между “работниками умственного труда” и остальным пролетариатом⁶. Тенденция к образованию касты обща у интеллигенции с квалифицированными слоями остального пролетариата. Интеллигенция является только наименее капитализированным отрядом рабочего класса. Интеллигенция не одна осталась во время социальной революции по ту сторону баррикады. В Западной Европе на стороне умеренного консервативного социализма наряду с интеллигенцией стоят и некоторые квалифицированные элементы пролетариата.

Однако, не отличаясь ничем от пролетариата принципиально, интеллигенция резко отличается от него психологически. В ней очень сильно развит индивидуализм, обязанный своим происхождением самому характеру и условиям работы интеллигента. Интеллигенции чужд тот коллективизм, который характеризует фабрично-заводского рабочего. Но и в

этом отношении интеллигенции родственны некоторые наиболее отсталые элементы самого пролетариата. В будущем социалистическом обществе интеллигенция как специфическая социальная группа исчезнет, хотя сохранится тот умственный труд, носителем которого она является в настоящее время. Но в умственном труде следует различать две стороны: общественно-необходимый труд и свободное творчество. В социалистическом обществе за каждым индивидуумом будет обеспечено право на свободное творчество.

Что касается тех опасных уклонов в развитии новой советской интеллигенции, на которые указал проф. Рейснер, то Б.И. Горев считает их результатом того переходного момента, который мы сейчас переживаем. То фактически привилегированное положение, в которое советское государство ставит по отношению к получению образования детей рабочих и крестьян и с которым связаны некоторые опасные уклоны, отмеченные докладчиком, неразрывно связано с диктатурой пролетариата. Материальное же положение вузов тесно связано с общим экономическим положением государства, хотя Б.И. Горев считает, что докладчик в этой области несколько сгустил краски, ибо новое пролетарское студенчество не только учится, но и служит и работает, облегчая этим свое материальное положение.

Ю.Н. Потехин в своей краткой речи выставил довольно парадоксальное положение, мотивировать и доказать которое он, однако, вряд ли в состоянии. Октябрьская революция является... приходом к власти интеллигенции в лице РКП, которая является ветвью всей русской интеллигенции. Власть эту интеллигенция должна всячески укреплять и углублять⁷.

В.П. Полонский свою речь посвятил полемике с Б.И. Горевым. Он считает взгляд Горева противоречащим воззрениям на интеллигенцию самих Маркса и Энгельса. Последний считал интеллигенцию "идеологическим сословием", возникшим в процессе разделения труда. Интеллигенция — это совокупность людей, которые поднялись до понимания общих задач и интересов своего класса. Это организаторы идеологии своего класса. Ни профессия, ни специальность, ни диплом, отнюдь не характеризуют интеллигента. Можно иметь десятки дипломов, можно быть самым квалифицированным специалистом, оставаясь обывателем, который только одно и твердит: "Моя хата с краю, ничего не знаю". И, наоборот. Можно не иметь никакого диплома, не окончить никакого учебного заведения и дорасти до звания интеллигента — "идеолога" своего класса. Единой интеллигенции не существует. Можно говорить об интеллигенции дворянской, буржуазной, крестьянской, пролетарской. Будущее интеллигенции — это одно-

временно и смерть, и триумф интеллигенции. На место кучки интеллигентов, вождей, идеологов класса станет весь пролетариат, который в целом станет вождем самого себя, своим собственным интеллигентом.

Речь последнего оппонента, М. Левидова (обещанные на афише Лежнев, Гроссман и Лелевич на диспуте не выступили) была посвящена необходимости совершенно устранить из нашего лексикона слово “интеллигенция”, под которым каждый разумел и понимает, что ему вздумается. “Интеллигенция” — это иллюзия, которая очень дорого обошлась стране и революции, с которой давно пора покончить.

СУДЬБЫ СОВРЕМЕННОЙ ИНТЕЛЛИГЕНЦИИ¹

1925 г.

*Доклад А.В. Луначарского,
выступления П.Н. Сакулина, Н.И. Бухарина,
Ю.В. Ключникова*

А.В. ЛУНАЧАРСКИЙ

Товарищи, на тему о судьбах интеллигенции мне пришлось выступать неоднократно и в печати и в подобного рода докладах², и я бы ни в коем случае не согласился еще раз выступать на эту тему, которая не нова и для меня и для некоторой части публики, если бы сегодня не представлялась возможность выслушать мнение других участников дискуссии и, между прочим, Н.И. Бухарина. Я очень уговаривал Бухарина сделать основной доклад, но в виду полного отказа с его стороны и почти саботажа на этот счет принужден выступить с докладом сам.

Я рассматриваю так называемый “основной доклад”, как введение в ту дискуссию, которая будет иметь место, и поэтому постараюсь быть возможно кратким. Должен сказать, что никаких определенных, бесспорных, отштампованных взглядов на судьбы интеллигенции у нас нет. И это может быть хорошо в данном случае, потому что вести дискуссию по вопросу, который уже установлен, не стоило бы. Поэтому те воззрения, которые я буду высказывать, являются моими личными воззрениями.

Прежде всего, что такое интеллигенция? Если мы подойдем к обществу с точки зрения его классовой структуры, то для каждой группы, о которой мы говорим, определение кото-

рой мы ищем, надо найти классовое место. Каково классовое место интеллигенции? Интеллигенция не класс. Об этом вряд ли кто будет спорить. Это довольно пестрая, сложная, своеобразная группа, но если она не класс, то все же она должна найти свое место между классами. Она по очень многим свойствам может быть причислена к ремесленной части мелкой буржуазии. Это производители мелкого масштаба. Большинство их обладает некоторыми производственными навыками и знаниями. Интеллигент вооружен, если не инструментами, как ремесленник, то прежде всего специальными знаниями, которые являются известной привилегией, квалифицируют его по отношению к неквалифицированному рабочему. Конечно, может случиться, что интеллигент работает в некотором объединенном учреждении, скажем врач в больнице, журналист в газетном тресте и т.д. Капиталисты стремятся совершенно так же закупить или организовать интеллигентский "народ", как ремесленников или торговцев. Служащие, клерки в некоторых странах, например, в Англии и Америке, развертываются численно быстрее, чем самый пролетариат³. Но это не меняет определения.

Надо указать еще на одну особенность интеллигенции: она свойственна и мелкой буржуазии, но интеллигенция превосходит ее в этом. Это — величина той разницы социального положения и оплаты, которая наблюдается в ее рядах между верхами и низами. Конечно, и простые ремесленники находятся один от другого на порядочной дистанции, но все-таки разница между ними не так велика. Мы можем иметь ремесленников-художников, скажем, в парижской индустрии, которые оплачиваются высоко, почти так же, как и художники, между тем, как другие ремесленники получают весьма низкую оплату. Интеллигенция еще более разбросана на большое расстояние друг от друга. Во многих странах наблюдается такое перепроизводство интеллигенции, что среди низших слоев ее наблюдается повальное голодание и существование, приближающееся к существованию люмпен-пролетариата. С другой стороны, как вы знаете, скажем, директора банков, фабрик, заводов, главные инженеры, врачи с богатой практикой, крупные ученые и т.д. часто получают огромные гонорары, в их руках скопляется даже некоторый капитал, помещаемый в разные банки. Они являются участниками прибылей, они обращаются с капиталистами за панибрата, между ними устанавливаются чисто родственные отношения. Эта верхушка интеллигенции сливается с крупной буржуазией. Но наше определение полностью охватывает явление интеллигенции. Нельзя попросту сказать, что эта личность принадлежит к мелкой буржуазии, и поэтому психология ее такая-то. Сама

мелкая буржуазия может примыкать в известные моменты к пролетариату, а в другие — к крупной и средней буржуазии. Мы сейчас боремся за то, чтобы максимальное количество крестьянства, по сути мелкобуржуазного, примкнуло к нам, но мелкая буржуазия зачастую примыкает и к крупной буржуазии. Где пройдет граница между влиянием пролетариата и капитала, сказать трудно, так как она зависит от множества условий.

Часть интеллигенции, как и вообще мелкой буржуазии, примыкает к пролетариату не полностью, с оговорочками. Точно также и в лагере крупной буржуазии их фактические союзники юридически или теоретически стараются порою отгородиться в особую партию, хотя по существу принадлежат к лагерю крупного капитала. Интеллигенция настолько испытывает это тяготение в разные стороны, что ее лучшая часть внедряется в пролетариат, другая примыкает только частично. Есть, наконец, колеблющаяся часть интеллигенции, всеми цветами радуги переходящая к допотопно-монархическим окраскам, потому что интеллигентская психология допускает самые абсурдные симпатии и теории.

Таково положение интеллигенции, если мы будем подходить к вопросу с точки зрения классовой структуры общества. Но последнее не только арена борьбы; рабочие не только борются с капиталистами, но и работают на фабриках и заводах. Общество являет собою некоторую систему экономическую и культурную. Если мы присмотримся к делу с этой точки зрения, то увидим, что капиталистическое общество, поскольку оно живет, представляет разделение труда. Мы посмотрим с этой точки зрения, что представляет собою интеллигенция, как часть общества, рассматриваемого, как система. Мы увидим, что, помимо технического и экономического разделения труда, у капиталистического строя имеется разделение труда на труд интеллектуальный и физический. Конечно, это нельзя понимать так, что при физическом труде отсутствует интеллект: всякий физический труд есть вместе с тем и труд интеллектуальный. Это вы можете прочесть у Маркса⁴. Стало быть, это было бы пустой тратой слов, если бы мы играли этими противопоставлениями. Интеллектуальный труд тот, где преобладает работа нервно-мозговой системы. Физический, где преобладает мускульная работа. Если это имеет относительное значение в теории, то на практике имеет глубокий смысл. Те лица, которые приобрели глубокие знания, принадлежат к привилегированным прослойкам. Общество накопило в течение тысячелетнего существования большой опыт, который накоплялся особенно сильно в последние 2—3 столетия. Этот огромный опыт является важной

частью всей структуры общественной жизни. Если бы человечество забыло свой культурный опыт, то оно обратилось бы в труп. Понижение этого опыта, умения понимать те знаки, которые мы находим в книгах, и пользоваться теми вещами, на которые мы должны воздействовать, понизили бы на соответственную ступень общую культуру. Опыт есть огромное благо. Материальная культура есть огромное скопление своеобразных инструментов и фабрикатов, которые становятся мусором, когда отсутствует умение ими пользоваться: оно ценно лишь при предпосылке человека с определенно обогащенным мозгом. Опыт неравномерно распределен между всеми, он является в особенности достоянием известной группы интеллигенции. Интеллигенция в целом располагает этим опытом, каждый отдельный интеллигент располагает какой-нибудь его частью, но все же в большинстве случаев частью, применимой к жизни, достаточно весомой, достаточно существенной. Поэтому интеллигенция играет в жизни общества большую роль. Перефразируя одно построение Сен-Симона, мы можем сказать так: если бы вдруг началась какая-нибудь эпидемия, от которой погибли бы интеллигентные, изоощренные мозги, — на интеллигенцию пошел бы мор, а капиталисты и пролетариат остались бы жить, то на чрезвычайно долгое время жизнь была бы заторможена. Этим примером можно показать, какими средствами обладают люди, располагающие знаниями, опытом.

Из этого надо сделать вывод, что интеллигенция представляется желанным и необходимым сотрудником для сохранения той высокой культуры, на которой пролетарская культура должна стоять для своего дальнейшего продвижения. Стало быть, пролетариату в высшей степени нужно сотрудничество интеллигенции. В некотором случае оно нужно ему и в его классовой борьбе за душу мелкой буржуазии, в борьбе за низложение врага — капиталиста и т.д. Но в тысячу раз больше нужно оно после победы, потому что тогда на долю пролетариата падает обязанность развернуть новый государственный порядок и новое хозяйство. Поэтому саботаж со стороны интеллигенции является колоссальным ударом по всей пролетарской творческой работе. Пролетариат заинтересован в том, чтобы убедить или принудить интеллигенцию работать вместе с собой. Интеллигент, являющийся организатором трудовых процессов, если он внутренне враждебен тому строительству, где участвует, найдет тысячу случаев или сделать не то, что сделать необходимо, или иначе повредить делу. Поэтому завоевание интеллигенции пролетариатом сводится не к физическому завоеванию, не к тому, чтобы посадить к каждому организатору-интеллигенту по комиссару,

оно даже не сводится к тому, чтобы купить интеллигенцию, хотя если дать ей такие условия, чтобы она не чувствовала разницы со старым своим положением, то это скорее примирило бы ее с нами, но и этого недостаточно, ибо этим самым можно до некоторой степени приручить интеллигента и побудить его быть сотрудником, но он только тогда окажется полноценным работником, когда он будет внутренне убежден по крайней мере в приемлемости нашей работы, в ее целесообразности, и уж тем более, если он с энтузиазмом отдается этой работе. Поэтому завоевание интеллигенции не столько идет по линии принуждения, сколько по линии убеждения, хотя верно замечание Владимира Ильича, что если убеждение не действует, то надо принуждение⁵. Но это является суррогатом. Нам надо бороться за то, чтобы разрыв с интеллигенцией длился как можно меньше и произошел как можно выше, т.е. поближе к крупной буржуазии, кроме того, надо, чтобы как можно больше единиц из наиболее квалифицированной интеллигенции были с нами. Нам нужно всю интеллигенцию отвоевать. Почему я говорю, что разрыв должен произойти наивысше? По той простой причине, что наивысшие слои интеллигенции не похожи просто на богатых буржуа. Буржуа, может быть, унаследовал свои капиталы от дедушки, который был шустрым плутом. Если стать на минутку на ту точку зрения, что крупнейшие капиталисты добились богатства и почета в обществе благодаря своим способностям, то и тогда может оказаться, что способности-то эти сводятся к хищничеству. Сен-Симон в своем парадоксе говорит, что при смерти тысячи капиталистов мы не понесли бы большого урона. Если бы подошли тысячи капиталистов, мы не опечалились бы. Но тот же Сен-Симон говорит, что если бы умерли тысяча врачей, тысяча инженеров, то срезывая верхушку, мы срезаем все. В огромном большинстве случаев ученые поднимаются и становятся полезными в меру своего знания, изобретательности, таланта, за редким исключением. Так что с этой точки зрения люди наиболее ученые являются наиболее социально ценными личностями, часто незаменимыми в течение довольно продолжительного времени.

Но ведь мы, не имея возможности обойтись без интеллигенции вообще, можем создать свою собственную интеллигенцию на место старой. Не только можем, но и должны. Во-первых, старая интеллигенция представляет вымирающую категорию. Кто-то должен прийти на смену ей. Неужели придут сливки мелкой буржуазии? Разумеется, нет. Мы постараемся взять рабоче-крестьянскую молодежь и будем в рабфаках и вузах готовить свою собственную интеллигенцию⁶. Но, конечно, каждый из вас поймет, что от этого не уменьшается

вся важность сохранения старой интеллигенции. Как говорят, пока взойдет солнце новой интеллигенции, роса очи может выесть. Во-вторых, эта интеллигенция вначале будет обладать сравнительно ограниченным опытом. Поймите, что если даже будут таланты, то и они нуждаются во времени прежде, чем созреет их опыт. Наконец, учиться новой интеллигенции не у кого больше, как у старой. Так что со всех этих точек зрения ясно, что даже при наличии своей собственной рабоче-крестьянской интеллигенции мы заинтересованы в сохранении старой интеллигенции, и все те рецепты, которые давал Владимир Ильич (сохранять интеллигенцию, создавать лучшие условия для ее существования, давать возможность работать и т.д.), незыблемы и правильны.

Последний вопрос: всегда ли будет необходима интеллигенция? Является ли она такой категорией, которая неизбежно вновь возникает и в нашем обществе? Ясно, что мы в течение долгого времени не сможем передать весь мировой опыт массам в новых наслоениях, даже чисто пролетарским массам, чтобы создать демократию, равную по знаниям, без ущерба для рабочих. Этого скоро сделать нельзя. Нам в течение долгого времени придется иметь организаторов, готовить командный состав по разным областям, только с той оговоркой, что этот командир не должен командовать в дурном смысле, а должен быть организатором, обслуживающим массу, а не повелевающим массой. Общее развитие массы будет подниматься. Из этого вы видите, что в конце концов мы можем ожидать действительного исчезновения интеллигенции. Но я не думаю, чтобы мы дошли когда-нибудь до уничтожения разделения труда, а думаю, что разница между организатором и организуемым постепенно, в процессе развития, будет стираться. Конечно, придет время, когда интеллигенция сыграет свою роль и ляжет в музей рядом с каменным топором и государственной властью.

Теперь я хочу перейти к нескольким конкретным вопросам. Это прежде всего об отношении Коминтерна⁷ и нашего коммунистического движения в цивилизованных странах Европы и Америки к интеллигенции. Нет никакого сомнения, что и там мы должны готовиться к тому моменту, когда власть перейдет в руки пролетариата. Нет никакого сомнения, что и там интеллигенция, как и у нас, будет раскалываться, будет иметь правое и левое крыло. И совершенно очевидно, в зависимости от того, где пройдет граница, легче или труднее будет судьба революции. Нельзя сказать: нам не важно, как интеллигенция относится к революции, какие планы она строит в порядке фашизма или какими предрассудками она отговаривается или отмахивается от нас. Для нас

это важно. Конечно, это не самые важные вопросы; самым важным вопросом является вопрос о завоевании пролетарского единого фронта, вопрос о смычке с крестьянством, с великим фронтом колониальных и полуколониальных народов. Но из этого не следует, что можно закрыть глаза на интеллигенцию. Мы здесь делаем мало. Мы мало разъясняем им марксизм и ленинизм. Мы позволяем свиться в их головах предрассудкам. А между тем мы прекрасно вооружены. Их не трудно в порядке дискуссии разбить. На нас валят что угодно, обвиняют нас в варварстве, в нежелании считаться с цивилизацией. В этом отношении надо было бы разъяснить целый ряд таких недоразумений. Мне передавали наши товарищи из разных стран, из Франции, например, как иногда высокоталантливых людей мы отталкиваем потому, что находим у них ересь. Мы говорим: этот человек подозрительный, потому что в его молоке несколько мух утонуло. Мы вытряхиваем таких людей, а буржуазия их принимает. Затем надо сказать, что некоторые культурные центры западно-европейской интеллигентной мысли представляют отраву, которая привлекает не только интеллигенцию, но и вообще мелкую буржуазию, даже некоторые элементы пролетариата. Ясно, что надо больше уделять времени полемике с такого рода идеологией. У нас в России такого рода полемики почти не существует, так как враждебную идеологию мы заставили молчать, а если посмотрим на Запад, какую работу некоторая часть обуржуазившейся интеллигенции там производит, то это не такой пустяк. Конечно, в разных странах дело обстоит разное, но у нас в общем и целом должен быть лозунг привлечения интеллигенции не только в ряды нашей партии, но и для совместной работы, для чего пригодны попутчики. Это дело серьезное. Если упустим время, то может возникнуть опасность. Ведь мы возлагаем на западно-европейский пролетариат большие надежды и говорим, что ему труднее совершить политический переворот, чем нам, но легче сделать переход к коммунизму⁸. Надо признать, что этот переход не может совершиться в быстрый срок без помощи интеллигенции.

Относительно России произошло то, что мы могли ожидать. Правда, Каутский в 1904—1905 гг. в своей брошюре об американском и русском рабочем говорил, что счастливый русский рабочий найдет поддержку в интеллигенции⁹. В то время, как в Америке интеллигенция представляет чуждую массу, здесь, в России, создались такие отношения, что в решительные дни интеллигенция пойдет с рабочими. Мы знаем, что этого отнюдь не произошло. В общем и целом этот разрыв интеллигенции, когда противоположные полюсы стали растягивать тело, произошел в невыгодном для нас месте.

Элемент, который мог бы быть с нами, всякие молодые писатели, техники, ученые отошли от нас и нашли иное русло. Они сгруппировались вокруг партий, которые играют большую роль собирателей всех контрреволюционных сил. И когда пролетариат боролся против буржуазии, защищая свои собственные принципы пролетарской диктатуры, нам пришлось систематически завоевывать интеллигенцию вновь. Колоссальною помощью в завоевании интеллигенции являлось то, что мы имели власть. Но повторюсь, что если бы мы только при помощи давления власти старались вернуть к себе интеллигенцию, то этого было бы мало. Но в рядах самой интеллигенции начался поворот в нашу сторону, т.е. интеллигенция стала убеждаться, что большевизм не несет губительных последствий для нее, как группы, а, с другой стороны, для той культуры, той цивилизации, с которой она считает себя единосущной. И тут существуют своеобразные градации. Я имею много дела со старой интеллигенцией и вижу разные прослойки. Оставлю в стороне крайне правое крыло, которое носит лишь маску примирения. Дальше идут лица, которые считают, что в конце концов можно работать с большевиками, т.е., что пока эти черти большевики сидят, приходится работать. Но это вовсе не значит, что они работают самоотверженно. Если возьмем дальнейший слой, характеризующий сменовеховцев¹⁰, здесь дело обстоит иначе. Они не отказываются от своего буржуазного мировоззрения, но они учли ту особенность революции, что она отстояла после войны почти всю бывшую территорию. Революция имеет какие-то ресурсы, каких никакое другое правительство не имело бы, и провела некоторые общие финансовые мероприятия, каких не могло бы провести ни одно правительство. Оно имеет за собою энтузиазм рабочего класса. Наконец, это собрание страны имеет в глазах таких патриотов еще одну сторону: большевики, русские большевики, имеют гегемонию среди огромного союза трудящихся, т.е. пролетариев передовых стран и бедноты стран колониальных и полуколониальных. Оказывается, что большевистская дипломатия представляет огромную силу, какой не могло бы располагать иное классовое правительство внутри России. Каждое буржуазное классовое правительство входит в конфликт с буржуазией других стран. Другое дело пролетарское государство. Оно имеет поддержку пролетариата всех стран. Это, вместе с большим ореолом, каким окружена наша революция в глазах всего человечества, является плюсом, выигрышем для страны в целом. Может быть, эти люди думают про себя, что дальше большевизм “образуется”, вылиняет, может быть подойдет под какие-то приемлемые формы. Может быть, будет как-нибудь сломлен, изме-

нен, разжижен. Я думаю, что эта часть думает, что коммунизм является химерой. что он не так страшен, как его малюют. Выигрыш будет, хлынут снизу буйные силы, и все вместе приведет к новому неслыханному расцвету государства, объединяющего интересы различных элементов. Затем, конечно, в интеллигенции есть люди, которые и самый коммунизм могут воспринимать с симпатией через известную призму, которые все больше и больше проникаются восхищением перед той ролью, какую их страна играет. Конечно, такие люди нам особенно ценны. Процесс этого постепенного продвижения к красной окраске от розовой, оранжевой там, в толще интеллигенции, происходит не так быстро, но и не так медленно. И притом с двух сторон: со стороны более сильных умом людей, затем из интеллигентских кругов—низов, от массовика, который чувствует, что его интересы все более защищаются. Вспомните два съезда: съезд ученых, который образовал секцию научных работников, и всесоюзный съезд сельских учителей¹¹. Может быть, средняя прослойка окажется более отсталой. Я полагаю, что в этом порядке мы можем довольно полно использовать интеллигенцию.

Большевики своей энергией и силой вывели интеллигенцию из того бездорожья, на котором она находилась, и перетягивают ее постепенно на свой берег. Но это не заслоняет от нас той важной задачи, которую поставил Владимир Ильич, о спешной выработке собственной интеллигенции¹².

Какую роль играет эта наша собственная интеллигенция и какими опасностями обставлена ее рабфаковская и вузовская колыбель? Нет сомнения, что опасность велика. Во-первых, бросается в глаза сразу, без дальнейшего анализа, что в самом термине рабоче-крестьянской интеллигенции сказывается некоторое внутреннее противоречие. В самом деле, поскольку мы скажем о рабоче-крестьянской интеллигенции, все обстоит как будто благополучно. Как же рабочему классу не выработать своего авангарда? Но если скажешь: рабоче-крестьянская интеллигенция, то вы вносите как будто фальшь. Выходит, что мы из общей массы трудовых элементов выделяем новую интеллигенцию, она отрывается от станка и начинает жить, как жила старая интеллигенция. А ведь бытие определяет сознание. Если сравним, как живет новый студент, то увидим, что его жизнь похожа на жизнь прежнего студента. Второе — очень легко и нечувствительно для себя можно соскользнуть к “привилегиям”. Быть организатором — это лучше оплачиваться, иметь лучшую долю быта, иметь долю власти. Эта доля может быть чрезвычайно большой. Мы не живем еще в такую пору, когда организатор труда, как это будет в пору коммунизма, явится только организатором труда, а не чинов-

ником. Мы в государстве, где агент власти поставлен на некоторую высоту по отношению к остальной массе. От этого предостерегал нас Ленин, он торопился сломать этот новый бюрократизм, но тем не менее существования этой опасности мы отрицать не можем. Ясно, что нужны большие противодействия. Для того, чтобы уравновесить академические знания нового подрастающего интеллигента, подрастающего элемента партийной работой, общественной деятельностью, надо постараться, чтобы как можно более неразрывных крепких нитей привязывало этого интеллигента к массе. Надо принять меры, чтобы искоренить всякое чиновническое чванство, еще худшее, чем комчванство. Оно чревато опасностями. Стало быть, здесь нужен целый ряд мер, чтобы из нашей интеллигенции не выработался как бы известный класс, чтобы не поставить ее под удар, который может ее исказить и сделать менее пригодной для той роли, к которой партия ее призывает. Но этого мало. Хотя мы вырабатываем интеллигенцию из масс, хотя мы тщательно следим за приемом в вузы, но в гигантской стране было бы нелепо, если бы мы стали создавать интеллигенцию только из комсомольцев и коммунистов. Известное преимущество за пролетариатом должно быть сохранено, ибо он есть классовый руководитель, но тут должна быть соблюдена известная мера. Из практики мы видим, что, несмотря на все мероприятия, мы имеем в среде этой новой интеллигенции значительное количество мелкобуржуазной интеллигенции, а долю крестьянства мы сознательно повышаем. Надо сказать, что, в среднем, этот материал более доступен воздействию мелкобуржуазной стихии. Может возникнуть новая опасность: процесс обогащения крестьянства может породить все более толстый слой полукулацких элементов, который может вступить в трения с не столь быстро развивающимся пролетариатом, при нашем столь быстро развивающемся капитализме, государственной форме индустрии. Если бы такой момент наступил, то новая интеллигенция могла бы оказаться между старой коммунистической гвардией, между рабочим классом и мелкой буржуазией, расцветшей под руководством рабочего класса в мелкобуржуазной стране. Эта борьба могла бы привести к разным надрывам в новой интеллигенции. На это надо держать глаза открытыми, потому что опасность будет тем меньше, чем больше мы будем ее предусматривать.

Та трезвая сознательность, та ослепительная яркость понимания процесса, которые марксизм и ленинизм внесли в жизнь общества, являются лучшей гарантией, что мы не споткнемся на такого рода порогах, которыми история изобилует. В знании заключается половина победы. Было бы очень

хорошо, если бы сегодняшней диспут такому знанию подействовал.

П.Н. САКУЛИН

Много говорим мы об интеллигенции и все никак не можем наговориться. Причин этого несколько. Во-первых, мы сами принадлежим к интеллигенции. В сущности, это вопрос нашего самоопределения. Во-вторых, объективно рассуждая, нужно признать, что это вопрос чрезвычайной сложности, и жизнь может ежемесячно, если не ежедневно, выдвигать все новые и новые стороны в этом вопросе.

Примыкая к тем основным положениям, которые развивал А[натолий] В[асильевич] Луначарский, я хотел бы внести несколько дополнительных нот и коснуться тех пунктов, которые для нашего интеллигентского сознания оказываются весьма существенными. Я просил бы разрешения сказать об этом с той откровенностью, какой требует важность вопроса и мое уважение к докладчику и другим представителям власти.

А[натолий] В[асильевич] подошел к проблеме, как это ему, может быть, и подобает, больше всего с точки зрения политической. Мне хотелось бы оттенить культурную или, если угодно, культурно-психологическую сторону проблемы.

Само собой разумеется, А[натолий] В[асильевич], в совершенстве владеющий приемами социологического мышления, прекрасно понимает, что интеллигенцию нельзя мыслить, как нечто единое и целостное. Он намечал по признакам экономическим и политическим некоторые разновидности в составе интеллигенции как русской, так и европейской. Тем не менее, в основном вопросе: что такое интеллигенция? есть моменты, которые требуют разъяснения, даже в плане нашей сегодняшней дискуссии.

Интеллигенция распадается на множество групп, психология которых определяется их социальным положением и их социальными функциями. Можно указать три рода социальных функций, выполняемых интеллигенцией: во-первых, это административно-хозяйственные функции, осуществляемые при помощи труда других лиц; во-вторых, трудовые функции, выполняемые интеллигенцией самостоятельно (трудовая интеллигенция); третья функция — чисто теоретическая: создание идеологии, в особенности идеологии высшего порядка, т.е. науки, философии, искусства, литературы и т.д.¹³ Меня наиболее сейчас интересуют те группы интеллигенции, на которых лежат вторая и третья функции. Особое положение за-

нимают те идеологи, которые в своей деятельности являются политиками по преимуществу. Это область высокого идеологического творчества, но все же особая область. Масса интеллигенции, если рассматривать ее, как культурную категорию, выполняла общественно-трудовую работу, участвовала в создании духовных ценностей, но непосредственного участия в политической работе не принимала. Таков факт нашей жизни. Русская трудовая интеллигенция — мне приходится говорить о прошлом — смысл своего существования видела в культурной работе для страны и прежде всего для трудовых народных масс. Это определяло особую ее психологию. Старая Россия создавала для работы интеллигенции чрезвычайно тяжелые условия, но все-таки могла гордиться тем, что среди огромных масс трудовой интеллигенции были люди, самоотверженно отдававшие своему культурному делу. Русская жизнь знала этот замечательный, поистине героический тип деревенского учителя и учительницы. Несмотря на нищенские условия своего существования, несмотря на всю суровость окружающей их полицейской обстановки, с изумительной энергией творила она свое скромное, но великое дело. Мне лично приходилось наблюдать, как в жалкой полухолодной деревенской школе работает учительница, получавшая тогда 6—8 рублей в месяц. Это был настоящий культурный подвиг. Степень гражданского самосознания была, конечно, различна. Я близко стоял к педагогической среде здесь, в Москве. При Московском университете много лет существовало педагогическое общество, объединявшее все наиболее живые силы Москвы и ее окрестностей. В 1905 году оно сыграло свою роль в освободительном движении и в 1908 году было закрыто по постановлению Комитета Министров¹⁴.

Психология людей, работавших в области народного просвещения, прежде всего определялась их непосредственными задачами. К чести этой интеллигенции, нужно сказать, что, живя в обстановке буржуазного самодержавного строя, будучи таким образом “в плену” у буржуазии, она, тем не менее, по возможности сохраняла независимость своих убеждений и боролась с этим строем. Если А [натолий] В [асильевич], говоря по другому поводу, выразился, что в буржуазном обществе художник бунтует, т.е. защищает свое личное общественное достоинство, то это вполне применимо и к той среде, о которой я говорю. Интеллигенция характеризуемого типа бунтовала каждый день, каждый час. Наши вожди, которые так много сделали для организации революционной борьбы, прекрасно понимают, что эта мелкая борьба изо дня в день имела громадное значение в смысле подготовки условий, в которых протекала революция.

Обращаясь к третьей группе интеллигенции, я буду иметь в виду главным образом психологию деятелей науки. Для них всегда дороже всего была свобода творчества. Мы хорошо знаем, — в социологическом отношении мы достаточно мудрены, — что идеологическое творчество имеет свою обусловленность, и что общественным бытием определяется сознание. Это все так. Но замечательно то, что субъективно каждый сознает себя мыслящим свободно; если бы этого сознания не было, не мог бы состояться творческий акт. На это указывал Фр. Энгельс. Это подтвердит каждый из теоретиков марксизма. Мало того: в известных случаях интеллигенты, вышедшие из определенного класса, окружены условиями, которые мощно определяют свою классовую психологию и внешние условия. Карл Маркс и Фридрих Энгельс, принадлежа по происхождению к буржуазному классу, становятся вождями пролетариата¹⁵. Это чрезвычайно важная сторона — психология интеллигенции, которая творит высшие интеллектуальные ценности. В своей умственной работе интеллигент должен сознавать себя свободным. Иначе его жизнь теряет всякий смысл.

Если исходить из отмеченных особенностей старой трудовой интеллигенции и той ее части, которая, как говорил А.В., занимает вершины, создает художественные литературные и научные ценности, то, во-первых, будет понятно поведение этой интеллигенции в начале революции, а во-вторых, станет ясно, что необходимо для того, чтоб интеллигенция приняла широкое и искреннее участие в общем строительстве. Когда говорят о годах Октябрьской революции, то очень часто не добром поминают русскую интеллигенцию, и А[натолий] В[асильевич] коснулся так называемого саботажа¹⁶. Мне кажется, что понятие саботажа еще не вскрыто в его подлинном содержании, может быть, потому что писать историю нашей революции еще очень рано. Можно говорить в общих лишь чертах, совершенно оставляя в стороне тех, кто вел активную политику в организованных формах (о Милюкове, Кусковой нет и речи), я беру ту часть интеллигенции, в жизни которой преобладали культурные, в частности, научные интересы. Плохо это или хорошо, но так именно было дело. Данная интеллигенция переживала сложные настроения. К сожалению, эта сложность не всегда учитывается, когда осуждают интеллигенцию. Революция и ее конечные цели не могли быть чужды лучшей части интеллигенции: она сама лелеяла мечту о политическом освобождении и о социальном равенстве. Она не только жила до революции, она работала для революции. В последней она не могла не видеть осуществления своих идеалов. Как известно, революция пережила несколько ста-

дий. До Октября та партия, которая ныне возглавляет Россию и с такой твердостью ведет ее к социализму, была все-таки лишь одной из борющихся партий. Для человека, который не был посвящен во все сложные политические контраверзы¹⁷, — а таким был массовый интеллигент, — не легко было сразу дать верную оценку сменявшимся политическим группировкам: кадеты, эсэры, меньшевики и, наконец, большевики¹⁸. В тот момент выступление большевиков казалось одним из эпизодов революционной борьбы. Одержавшая победу партия не могла ожидать и не могла требовать мгновенной перемены настроения в интеллигенции. Мне кажется, интеллигенция даже унизила бы свое достоинство, если бы сразу побежала за колесницей победителя. Психологически интеллигенция была на стороне революции, но ждала, какие политические условия сложатся для ее творческой работы. Новый строй воспринимался ею в зависимости от того, как изменялись условия ее работы. Даже те, которые были в состоянии охватить великий смысл совершающихся событий и готовы были принять посильное участие в созидании новой жизни, не могли не придавать значения условиям, необходимым для осуществления их жизненной задачи. Чтобы быть исторически справедливым, нужно признать, что в то время, когда у нас господствовал военный коммунизм, теперь ходом событий отмененный, положение интеллигенции было очень тяжелым. Помню то волнение, которое переживали академические круги после опубликования известного обращения к ученым (в “Коммунистическом труде“ от 14—XII—1920 года¹⁹). Это очень ценный документ. В нем говорилось о высоких целях, которые ставит себе рабоче-крестьянская власть. Цели эти не отрицались и теми, по крайней мере большинством тех, к кому обращение было направлено. Но в нем отменялась свобода научного преподавания, исследования, провозглашалась идеологическая и методологическая диктатура. Авторы воззвания мотивировали свою точку зрения переходным моментом, обнадеживая, что, когда на земле прекратится борьба классов, в указанных ограничениях не будет надобности. Но ведь работать, т.е. мыслить, нужно теперь же. Выставленные требования находились в глубочайшем противоречии со всей психологией научного творчества. Из истории культурного человечества мы знаем, что внешнее давление на творческую мысль никогда не давало ожидаемых результатов. Это не просто либеральный лозунг, а бесспорная аксиома.

Вот и теперь, когда мы решаем вопрос о возможности участия интеллигенции в социалистическом строительстве, эта сторона дела имеет существенное значение. Не социально-политическая программа Советской власти, не ее конечные це-

ли, а именно психология работы. Ведь речь идет не о механическом использовании живого инвентаря старой культуры, а о творческом участии интеллигенции в новой жизни. А [натолий] В [асильевич] сказал, что в последнее время политика правительства может быть формулирована словами Влад [имира] Ильича Ленина, что надо действовать не принуждением, а убеждением. Мы, — насколько я имею право говорить от некоторой части интеллигенции, — конечно, горячо приветствуем такой принцип. Это единственно правильный метод воздействия, когда речь идет о таких сложных проявлениях жизни, как научное и художественное творчество. Естественно, что известная идеология стремится к господству и пользуется для этого всеми техническими возможностями. Но победить она должна не с помощью внешних принудительных средств, а в силу своего внутреннего превосходства. Нельзя брать монополию на истину. Ее нужно не декретировать, а развивать и пропагандировать. В частности в отношении к университету, высшей школе. Ее существо требует свободы преподавания, исследования и научного соревнования. Надо верить, что учащаяся молодежь, пролетарское студенчество, сумеет сознательно и критически разобраться в том, что ей преподают. Если в науке существуют спорные вопросы, пусть они в таком виде и пройдут перед сознанием молодежи. Это тем более безопасно, что в конце концов жизнь сильнее низших идеологий. Логика жизни и истории все победит. Необходимо покончить с предубеждением, которое нередко проявлялось в действии руководящих групп²⁰, и окружить интеллигенцию атмосферой доверия. Второе существенное условие — это та атмосфера, о которой говорил А [натолий] В [асильевич]. Мы находимся в таком периоде строительства, когда к государственной работе привлекаются все элементы, благожелательно настроенные к основным задачам нашей жизни. В массе своей интеллигенция идет по новой дороге. Факты, о которых мы все знаем, и о которых напомнил А [натолий] В [асильевич], действительно свидетельствуют, что интеллигенция много пережила, переживала, прямо скажу, перестрадала, и теперь она гораздо лучше, чем раньше, различает пути, которые открываются перед ней. Сотрудничество, которого мы все желаем, теперь более, чем когда-нибудь, возможно. В период исторических катастроф расхождения неизбежны, но должен наступить и конец взаимному непониманию.

В качестве одного из представителей русской интеллигенции, — и причем по возрасту старый, — я позволю себе приветствовать молодую рабоче-крестьянскую интеллигенцию. Вместе с ней мы надеемся, что исчезнет та социальная не-

справедливость, которая выражается в факте разобщения физического и умственного труда. Тогда жизнь всех и каждого будет полнозвучным аккордом.

Н.И. БУХАРИН

По поводу речи А.В. Луначарского я могу сделать только одно замечание, имеющее вид некоторого расхождения, как и со многими товарищами нашего марксистского лагеря.

А[натолий] В[асильевич] квалифицирует интеллигенцию как мелкую буржуазию. Давая такое определение интеллигенции, он видит перед собою только российскую интеллигенцию. Если же мы возьмем не только российскую интеллигенцию, а также и западную, то увидим, как это определение недостаточно.

Прежде всего я должен сказать, что мелкая буржуазия есть постоянно распадающийся класс, который в ходе капиталистического развития исчезает. Между тем есть значительные слои интеллигенции, которые в ходе капиталистического развития не исчезают, которые хотя и являются продуктом прошлого, но вместе с тем продуктом специфически капиталистическим, которые становятся все нужнее и которых квалифицировать таким образом нельзя²¹. Вот, если вы возьмете последний американский ценз, то увидите, что из всех общественных группировок категория служащих, в том числе высших, растет быстрее всех других²². А если возьмете рост доходов, то увидите, что ни одна профессия не имеет такого повышения их, как инженерская. Следовательно, это общая картина. Я беру картину капитализма, который не потрясен, не дезорганизован, который стоит на ногах. Тут надо искать основные тенденции капиталистического развития. Существует даже определенный термин, который не в марксистской литературе выдвинут и который имеет все права гражданства: интеллигенцию называют третьим сословием. Ее рост связывают с ростом крупного производства.

Я должен высказать еще одно соображение, которое имеет общетеоретическое значение. Нужно ясно видеть пред собою, что с ростом производительных сил мы имеем не только расширение всего поля материального производства, но с ростом производительных сил мы имеем абсолютное падение роста числа рабочих, занятых в сфере материального труда. В то же время мы имеем в деревне растущий процесс физического труда и труда духовного, т.е. чем дальше идет процесс развития, тем больше создаются новые виды интеллектуального труда. Парадоксально выражаясь, можно сказать в известной

степени, что максимум развития производительных сил совпадает с исчезновением физического труда. В капиталистическом обществе этот процесс совершенно явственно нам демонстрируется.

Это одно замечание, которое я считал уместным сделать, хотя это ни капли не нарушает нашего согласия с т. Луначарским в общем и целом.

Затем еще одно замечание. У нас очень часто в одну категорию относятся совершенно различные величины, которые между собою мало имеют общего. Так происходит и с понятием “мелкая буржуазия”. Я приведу пример. Если берете попа или псаломщика, что это такое? Совершенно ясно, что с известной точки зрения это — составная часть интеллигенции, но, с другой стороны, совершенно ясно, что между попом, псаломщиком и инженером по социальному положению чрезвычайно большая разница.

Теперь я должен опереться на тот материал, который дал т. Сакулин. Я тоже говорю: давайте говорить начистоту. Вы призывали к искренности.

Я должен сделать первое основное замечание. П.Н. Сакулин в своей речи призывает нас идти не вперед, а назад, как это ни странно. Он выдвинул основное положение такое. Конечно, для представителей власти, господствующей партии, можно дозволить такую роскошь, как политический подход, но если рассуждать по чести, то это в лучшем случае односторонность. Что тут правильно и что неправильно? Правильно то, что нельзя подходить к биологу и все время говорить насчет советской системы. Это было бы глупо. Правильно то, что если мы хотим провести какую-нибудь точку зрения собственную или хотим указать метод воздействия, то надо вообще входить в сферу их работы. Если я выступаю на съезде инженеров, то говорю по-одному, на съезде водников — по-другому, в среде крестьян по-особому. Конечно, говорю по-разному не с той точки зрения, что я должен изменять свою политическую линию, но я должен в целях психологического воздействия, в целях смычки учитывать ту обстановку, в которой выступаю. Если я ставлю задачу борьбы, то я должен быть в курсе дела, не барабаня, а действительно понимая все политические и идеологические зацепки. Но дальше следует “но”, которое вырастает из маленького в громадное и которое покрывает все.

Когда вы говорите, что нужно подходить к культурному работнику с точки зрения культуры и что особенно нехорошо подходить с политической точки зрения, то тут есть попытка тащить нас назад с завоеванных позиций. Нам надо научиться изгонять положения, которые к делу не идут, хотя

сами по себе благородны. Можно сказать о целом ряде лиц, что они благородны, серебряных ложек не крадут, цветут розы, они их не сорвут, но, тем не менее, с точки зрения объективного хода событий эта добродетель обретається в “не-тях”. Говорят, что и Столыпин был хороший семьянин, честный человек. Разве трагедия интеллигенции заключалась в том, что это были мошенники или жулики, которые старались вредить народу? Ни капли. Тогда никакой трагедии не было бы. Мы отлично знаем и прямо говорим, что в первое время Октябрьской революции к нам пошла худшая часть интеллигенции или самая квалифицированная вроде Тимирязева, который размахом своей мысли являлся белой вороной. Таких белых ворон было раз-два, и обчелся. Большинство честной интеллигенции было против нас. Почему? Потому, что она разделяла те взгляды, которые у глубокоуважаемого П[авла] Н[икитича] сидят еще и сейчас.

П.Н. Сакулин заявил, что о саботаже мы потом поговорим, историю писать еще рано. Он говорит: с чего вы начали? Вы посягнули на свободу научного исследования. Но разве при царизме была свобода науки? Даже при Керенском, я спрошу вас, сколько было большевистских профессоров? Что вы считали свободой исследования? Вы считали свободой исследования в рамках тех понятий и систем, социологическое построение которых было терпимо для господствующего строя. Но представьте, мы допускаем свободу исследований в рамках нашего режима. С этой точки зрения у нас такие же рамки. Почему же вы то считаете свободой, а это нет? А учительница добродетельная! Вы говорите затем о добродетельной учительнице, которая голодала. С известной точки зрения это определяет ее квалификацию, но это к делу имеет мало отношения. В лучшем случае она боролась с царским режимом, но не выходила из круга тех понятий частной собственности, которые существовали. Почему, когда пролетариат посягнул на частную собственность, она не пошла с ним? Потому, что она отражала идеологию среды. В этом-то и заключалась трагедия, что люди не понимали всего исторического захвата событий. Как представляли себе все эти сливки и не-сливки, которые боролись против нас, положение дела? Они представляли так, что культура накапливалась веками. Россия была великое государство, которое худо ли, хорошо ли вело народ за собою, создавало великие ценности, хотя и под царистским покрывалом, и что вместо этого роста великой стране стала грозить опасность обратиться в ничто. Матрос или проститутка стали являться в храмы науки. Поэтому надо бороться против большевиков. Субъективно честны были эти люди. Я повторяю, что наши противники, которые боро-

лись против нас и хотели положить жизнь свою в борьбе с нами, были честные люди. Но разве дело в оценке их субъективной честности? Утверждать так, значит, тащить нас назад. Они быть могут сколько угодно объективно честными, но эта объективная честность заключалась в том, что они являются бревном, препятствием на пути развития по той простой причине, что не понимали всего исторического масштаба происходивших событий. В голодные годы, когда так называемый привилегированный рабочий класс питался одной картошкой, когда дело доходило до людоедства, когда самый внешний вид городов представлял картину умирающего человеческого общества, когда жутко было выйти за пределы города, — нужно было громадное проникновение в грядущее, чтобы увидеть колоссальный подъем масс, который приведет к новому порядку. И вот все эти добродетельные учительницы и профессора, и сливки, и просто снятое молоко не в состоянии были охватить этого процесса. Повторяю еще раз, что они были субъективно честными людьми, и чем более они были честны, тем более их толкало на борьбу с нами. В этом заключалась трагедия. Этот опыт надо переварить, уяснить и сделать соответствующие выводы.

В связи с этим стоит другой вопрос, который П.Н. поднял. Мы, — говорит П[авел] Н[икитич], — политикой не занимались, мы были культурными работниками. Разве это не добродетель? Нет, это плохо, что вы политикой не занимались. Дело вовсе не в том, чтобы быть спецом от политики, а дело в том, чтобы свободно понимать любой культурный процесс. Вы строите здание таким образом, что культурный ряд является независимым от политики. Таких не бывает. Если бы вы доказали, что бывают концепции, которые лежат вне определенного режима, вне классовой структуры, это было бы другое дело. Но таких концепций нет, и с попытками доказать это мы как раз и боремся²³.

Н.П. Сакулин говорит нам, что мы считаем своим долгом проповедывать определенные взгляды, мы хотим, чтобы была гегемония марксизма. А я спрашиваю, из-за чего же мы стараемся внедряться в одну область за другой, пока не захватим их? Потому что это есть величайшее орудие в наших руках, которое позволяет нам строить то, что мы желаем. Почему царское правительство терпело всякие ценности, но совершенно не выносило марксистских? Не потому ли, что они являлись фугасом против старого порядка? Какой-нибудь деревенской учительнице, которая кроме старых ботинок и книг Ушинского ничего не видела, простительно говорить, что она занималась только культурной работой, но когда заслуженный профессор говорит, что мы не при чем, мы от политики

стояли далеко, позвольте свободу преподавания против марксизма, то это никак не выходит, потому что не продумано. Свобода преподавания — это, можно сказать, есть определенный софизм, потому что речь идет не об отдельных положениях, не об отдельных фактах. Когда речь идет о выработке мировоззрения, мы натываемся на то, что эта система является определенным инструментом, который не только вырастает на определенной базе, но служит средством борьбы. Я имею ту привилегию или недостаток, что сам выхожу из интеллигенции и прекрасно знаю ее²⁴. Первое, что я услышал в 17 году от старых своих учителей, которые даже божьей коровки не обидят: “Да, вы, — говорили они, — пожалуй, немецкий шпион”²⁵. А когда дело дошло до разгона Учредительного собрания²⁶, то все люди не нашего лагеря кричали нам: “Убийцы, палачи!”. Все они милые люди, прекраснодушные интеллигенты, за народ готовы отдать все, только не понимающие, что такое народ, говорят и думают, возвращаясь к старым российским понятиям, становясь на точку зрения добродетельной милой учительницы. А мы говорим, что мы руководства из своих рук не можем выпускать, на что мы имеем историческое право, и то, что нам вменяется в вину, то есть с точки зрения коммунистической величайшая добродетель. Если бы мы вам вручили судьбы России, что бы вышло? Вы бы так одной мертвой лошади испугались, что в панике бросились бы бежать. Когда надо было шагать через трупы, то, извините, для этого надо было иметь не только закаленные нервы, но для этого надо было иметь основанное на марксистском сознании знание тех путей, которые нам история отвела, а вы хотите повернуть назад.

В одной из записок был затронут такой вопрос, да отчасти о нем говорил и П[авел] Н[икитич], что Маркс тоже вышел из интеллигенции. Выходит, что Маркс потому перешел на сторону рабочего класса, что вышел из интеллигенции. Но перешел-то он именно потому, что был Маркс, а не кто иной. Маркс был исключением из интеллигенции. Это был исключительно гениальный человек. Исключительная даровитость людей заключается в широте их умственного интеллекта. Фридрих Энгельс был из фабрикантской среды, но он выскочил из нее, потому что он был исключительный человек. В этой идеологической стычке, которая происходит здесь, различный подход к классовому делу. Вся речь П[авла] Н[икитича] была пропитана с начала и до конца фетишистскими понятиями и старой фразеологией. Я извиняюсь, но я органически не могу переваривать эту фразеологию. “Народ”, “мы желаем служить народу”. Это все шелуха. Когда вы говорите о народе, я скажу, что вы подразумеваете под народом, когда

вы говорите о благе, то я скажу, что вы подразумеваете под благом, когда вы говорите о свободе, то я спрошу, требуете ли вы свободу и для черносотенцев? (*Аплодисменты.*) Я говорю, что все эти категории и все эти словесные значки есть шелуха. Я считаю, что нашей обязанностью является действовать убеждением на всех, в том числе и на т. Сакулина, чтобы он скорее простился со старой идеологией. Мы любую вещь оцениваем с точки зрения ее реальной пользы, с точки зрения великого общественного целого. Если говорить относительно идеалов, то у нас есть, что противопоставить противникам, и несмотря на то, что многое не сделано, мы достигли того, что дай бог сделать другим. Но должен здесь сказать, что не подлежит никакому сомнению большая роль интеллигенции, которую она сыграла в нашей работе. В буржуазном обществе интеллигенты играли и играют крупную роль. Такие крупнейшие организаторы, как Стиннес, были большие люди, но дело в том, что у них все делается на буржуазной основе. Буржуазная интеллигенция есть вождь своего общества, но разница между ними и нами заключается в том, что у них водимые никогда не могут подняться до водителей, как класс, как целое, а у нас могут, к этому мы и стремимся.

Если вы хотите сравнивать один режим с другим, если вы хотите понять динамику режима, если хотите понять ценность этого режима с точки зрения, скажем, социализма, то критерий должен заключаться в том, насколько данный общественный порядок представляет широту подбора действительно настоящих людей, которые двигают все общество вперед. С этой точки зрения, я утверждаю, мы, полунищие, как никто, расширили это селекционное поле подбора во всех решительно областях, мы этот фундамент заложили. Как известно, мелиорация принесет свои результаты только через известное число лет, а не сразу. Кто поднял огромные национальные пласты, кто многоцветность этих новых культур вызвал к жизни, кто может утверждать, что что-либо подобное могла сделать какая-нибудь другая партия, кроме коммунистической? Нам приходится сталкиваться с узбеками, туркменами и приходится удивляться, как за несколько лет такие слои подросли, которые будут скоро чудеса творить. Колоссален размах этой борьбы! А как мы подняли мужиков и рабочих! Нам приходится после целого ряда тяжелых дней спрашивать, не сон ли это? Потому что мы видим новых людей, которые правят на новых основах. Когда я прихожу в эту среду и сравниваю ее с гиблой старой культурой, то получается впечатление несравнимых величин, потому что здесь идет широкая волна, а там идут маленькие лодочки, которые желают плакаться. При сравнении у нас получается размах

гигантский! Мы последнюю кухарку поднимаем до уровня государственных задач. Мы приглашаем всех людей подняться на этот уровень политического развития, который Владимир Ильич находил необходимым для кухарки. Владимир Ильич говорил, что через несколько лет мы будем вести за собою Азию²⁷. Сейчас вся буржуазная печать говорит, что мы уже ведем ее за собой, что у нас существует союз с Азией. Этого еще нет, но это будет! Мы приглашаем вас подумать об этих гигантских всемирных масштабах. Сойдите, пожалуйста, с идеологической позиции, которая восхваляет невежество сельской учительницы, и не призывайте нас к этому невежеству, а идите вперед по указанному нами пути.

Вы говорите, что сейчас не найдется ни одного человека, который сказал бы, что идет против нас; даже при тайном голосовании, мы, пожалуй, собрали бы большинство; поэтому, заключаете вы, давайте свободу творчества. Но я должен сказать определенно, что у нас во всем нашем порядке вещей основная точка зрения заключается в правильном руководстве. Мы никогда не можем стать на такую позицию, что пускай все совершается само собой, — кто в бога верует, пусть верует. Это не есть руководство страной. У нас еще нет коммунистического общества, а если нет коммунистического общества, то на нас лежит обязанность заботиться о судьбах страны. Мы не желаем спуститься на сменевеховских тормозах. Надо всем усвоить, что те идеологи, которые думают, что коммунизм уступит, ошибаются. Никогда мы на это не пойдем! Мы от своих коммунистических целей не откажемся! Нам необходимо, чтобы кадры интеллигенции были натренированы идеологически на определенный манер. Да, мы будем штамповать интеллигентов, будем вырабатывать их, как на фабрике. Я говорю, что если мы поставили себе задачу идти к коммунизму, мы должны этой задачей пропитать все решительно. Тов. Сакулин говорит, что мы должны воспитать культурных людей. Верно. Но не просто культурных, а таких культурных, которые работали бы на коммунизм. Скажите, есть режим, который не ставил бы этой задачи? Где вы найдете учебное заведение высшее, среднее и низшее, которое не вырабатывало бы определенного кадрового состава? Таких стран и таких учебных заведений нет. Разница заключается только в том, что мы других людей вырабатываем для того, чтобы устроить другой порядок. Мы рассуждаем как строители, как архитекторы, а не как люди, которые говорят, что не надо заниматься политикой.

Когда П[авел] Н[икитич] говорил, что сама учащаяся молодежь разберется, то это в политике называется хвостизмом. Профессора обычно жалуются, что мальчишки сейчас указы-

вают профессору, что нужно делать, а сегодня нам говорят, что молодежь сама разберется, сама поймет. А руководство идеологическое! Пускай Пушкин будет этим заниматься, тем более, что он умер и это не опасно.

Вопрос заключается только в том, какие социально-педагогические методы мы должны употреблять, чтобы обеспечить свободу творчества, чтобы обеспечить развитие общества, а, с другой стороны, чтобы не получилось отсутствия свободы мысли. Это две опасности. С одной стороны, опасность догматизации, где написаны готовые тезисы, а остальное, будто бы, само приложится. Против этого надо бороться. Но когда говорят, что надо дать свободу творчества, то сейчас у нас возникает вопрос о свободе проповедывать монархизм, или в области биологии свободу проводить витализм, или в области философии свободу идеалистам кантианского пошиба с субстанцией. При такой свободе из наших вузов выходили бы культурные работники, которые могли бы работать и в Праге, и в Москве. А мы желаем иметь таких работников, которые могут работать только в Москве. Опять мы наталкиваемся на разницу в подходе. Мы подходим к этому вопросу, повторяю еще раз, как строители, а не как идеологи, у которых только фраза, а нет реального содержания.

Я резко вколачивал гвозди, но думаю, что П[авел] Н[икитич] не обидится, потому что он сам первый призывал к откровенности. Мы хотели искренно действовать убеждением. Пора бросить нейтральную по отношению к политике точку зрения. Нет такой! Все поиски ее означают какое-то болото, которое на деле может быть чрезвычайно вредным. На эту точку зрения должна стать интеллигенция, и тогда мы получим великолепную базу. Спросите, почему рабочие делают так много предложений, направленных к улучшению производства, почему у них так развита общественность советская. Потому, что не за страх, а за совесть верят в историческую возможность начатого дела. А вот этой веры у интеллигенции нет. Луначарский верно говорит, что есть разные интеллигентские прослойки, но таких интеллигентов, которые до конца с нами шли бы, таких еще очень мало, а мы всегда их зовем и будем это делать, потому что мы считаем, что идеалы у нас всечеловеческие и всемирные. Если рассуждать с точки зрения исторических идеалов, то все то, о чем нам говорят, есть дохлая собака по сравнению с теми мерами, которые мы провели. У нас огромный размах борьбы, и то, что мы сделали, показывает, какой это размах. Мы не любим, как старые интеллигенты, и не говорим, что мы желаем принести жертву и пострадать, мы прямо говорим, что желаем жить, меньше страдать, черпать свои силы в борьбе и видеть

ту картину, когда забытые и угнетенные выйдут из-под гнета и начнут строить новую жизнь. Вот с этой точки зрения мы говорим, что нам не нужны общие слова о красоте, а нужна работа и обсуждение каждого вопроса деловым образом; надо дать возможность всем делать то, что можно. Поймите, мы имеем историческую ответственность не более, не менее, как за судьбы всего человечества, как зачинатели, но мы не производим экспериментов, мы не вивисекторы, которые ради опыта ножиком режут живой организм, мы сознаем свою историческую ответственность, и именно поэтому мы каждую точку зрения обсуждаем. Вы ссылались на крестьянина, что он может делать, что хочет. Это не так. Мы подходим и к крестьянину только с точки зрения политической целесообразности, с точки зрения вовлечения в практическую работу. Наша задача заключается вовсе не в том, чтобы сказать, что размахнись рука, раззудись плечо, а в том, чтобы всякая единица была использована по тому руслу, которое нужно. Этого мы будем добиваться, это мы будем решать.

Вот почему, товарищи, заканчиваю я свое выступление следующими соображениями. Русская интеллигенция, — отчасти интеллигенция других народов, других национальностей, живущих на территории нашего Союза, — пережила величайшую трагедию. К несчастью, она считает во всем виноватыми большевиков. Сейчас же важнейшая проблема заключается в том, как координировать наши силы. Но идеология известной части нашей интеллигенции является препятствием в этой правильной координации. Особенно плох фетишизм, оперирование словами, которые не имеют содержания. Разбить эти понятия, когда люди привыкли жить в определенных рамках, бояться из них выйти, трудно, они не поймут этого до самой глубины, а чтобы хорошо работать, нужно понимать до конца. Мы говорим, обращаясь ко всем работникам интеллигентского труда, ко всем тем, кто имеет знания, что надо работать дружно. Надо повернуть только в определенную сторону. Наша партия никогда не сможет выпустить руля из своих рук и стать на точку зрения другой идеологии. Мы располагаем колеса, как нужно социализму, мы будем действовать во всех областях под давлением той твердой идеологии, которая есть у нас в руках, и от этой идеологии никогда не откажемся. Конечно, тут могут быть разные пропорции. Ленин сказал, что мы введем всеобщее избирательное право. Мы это избирательное право, П[авел] Н[икитич], введем, но тогда, когда всеобщее избирательное право никем не сможет быть повернуто против нас. Что вообще большинство населения не против нас, это мы знаем. Мы так захватили позицию, что никто не сможет повернуть против нас. Точно

так же и в идеологической области. Когда мы захватываем область естественных наук, мы линию свою поддерживаем, как диктуется интересами пролетарского социализма. Мы тогда сделаем эту диверсию, когда скажет нам политический разум, а разум скажет верно. Я знаю, что в интеллигентских прослойках нарастает интерес к марксизму. Пускай он нарастает дальше. Здесь можно колоссальную работу провести. Для того, чтобы идти по этой столбовой дорожке, не нужно тащить нас с идеологических путей назад. Нужно преодолевать все больше и больше антимарксистские воззрения, нужно становиться под знамя марксизма. Это знамя марксизма. Это знамя проверено во многих революциях. В области нашей революции мы победили. Почему те, кто не считал себя марксистами, оказались пораженными нами? Потому, что мы оказались способными предвидеть, потому что мы были настоящими марксистами.

Поэтому, заканчивая свою речь, я призываю вас идти под знамена рабочей диктатуры и марксистской идеологии. (*Бурные аплодисменты*).

Ю.В. КЛЮЧНИКОВ

После речи тов. Бухарина мне трудно говорить не только потому, что речь эта была блестяща, но и потому еще, что она раскрывала перед нами такие перспективы, к которым можно только стремиться, в которые нужно верить. Перед лицом этих перспектив, замечания и мысли, казавшиеся мне важными, когда я шел с ними на этот диспут, потеряли для меня свое значение. Я согласен во всем основном с тов. Бухариным, с радостью готов идти навстречу тем мировым перспективам, которые он раскрывал перед нами. Что же я могу сказать в порядке дополнения или корректива к его словам, что имело бы достаточный общественный интерес и что хотя бы немного подвинуло бы вперед основной вопрос собрания — вопрос об интеллигенции.

Наш докладчик А.В. Луначарский поставил вопрос об интеллигенции превосходно: интеллигенции должно быть дано место в общем строительстве новой России; Советская власть хочет дать интеллигенции полную возможность работы. Тов. Бухарин уже указывал, что интеллигенции честь и место, но только с тем солидным коррективом, что она должна стать коммунистической. Поскольку Советская власть борется в колоссальном вражеском окружении за свои идеалы и только через их победу может превратить разваливающуюся Россию в мощный союз, ясно, что она имеет право требовать подчи-

нения себе. С этой точки зрения беспартийному интеллигенту остается признать, что его судьба подчиняться и не требовать для себя командных должностей. Его задача — отдавать свои знания и свои творческие силы в порядке культурной помощи, а не в порядке политического руководства. Все это понятно. Но вот уже в работе как беспартийный и интеллигент я спрашиваю: должен ли я внести что-то свое, что у меня есть, как у интеллигента так и беспартийного, или даже ради общей пользы я должен добросовестно стремиться действовать и мыслить, как коммунист. Иначе говоря, нужны ли нам разные типы работников, или все работники должны стать сейчас, как один, и во всем, решительно во всем, действовать одинаково. Мы слышали слова П.Н. Сакулина о свободе и о Марксе. Я понимаю их в том смысле, что нужна известная атмосфера свободы, для социального и культурного творчества, известная возможность идти в Рим разными дорогами, и в этих пределах я хочу присоединиться к П.Н. Сакулину. На мой взгляд, необходимо учитывать следующее обстоятельство: коммунистическая партия и идеалы, которые она проповедует, ведут Россию и мир вперед, к новой лучшей жизни. Но эта партия и эти идеалы сложились в атмосфере борьбы и соперничества с другими партиями и идеологиями. Коммунист сложился и стал социальной силой не потому, что ему всегда поддакивали, а несмотря на то, что против него велись яростные атаки. Следовательно, если раньше, когда трудно было проявлять свободу, являлись разные идеологии и социально наиболее нужные умели преодолеть все препятствия, то надо ли создавать однородность идеологии? Откуда уверенность, что так будет лучше? Я спрашиваю себя только в порядке вопроса: если мы в будущем получим совершенно однородную массу, совершенно одинаково мыслящих людей, то как будет идти общая работа? Нет ли здесь какого-то социологического предела, какой-то опасности, которая рождается не от того, что путь избран неправильный и что, например, марксизм нужно заменить чем-то совсем иным, а исключительно от того, что создалась однородность, достигнуто однообразие мыслительного аппарата человечества. Эту проблему следует ставить совершенно теоретически, как своего рода математическую или алгебраическую теорему: может ли общество достигнуть новых культурных ценностей и двигаться вперед, если оно создает предпосылку до сих пор в человечестве невиданную, полной однородности всего своего состава. Вот то основное, что может и должно отмечать коммунистов, творцов современной истории, и беспартийную массу, которая должна создавать одно общее здание культуры. После невольного перерыва, который был сделан, позвольте мне

прервать прежний ход мысли и прямо перейти к вопросу об интеллигенции. Вопрос об интеллигенции для меня представляется одновременно и культурным и политическим вопросом. Я не разделяю культуры и политики, как П.Н. Сакулин, но вместе с тем я не так понимаю наш вопрос, как товарищ Луначарский. У него оказывалось, что интеллигенция временно необходима для культуры, поэтому до поры до времени ее необходимо сохранять и создать все нужные условия для работы, а затем наступит момент, когда интеллигенция будет излишней и уйдет с арены. Необходимо спросить себя: о каком моменте можно в таком случае говорить, какой этап социального развития приходится здесь иметь в виду? Мне кажется, есть громадная ошибка в представлении о том, будто интеллигенция нужна до известного момента. Я считаю, что задача заключается не в уничтожении интеллигенции во имя того, чтобы остались только рабочие и крестьяне, какими они представляются сейчас, а в том, чтобы все рабочие и крестьянские массы стали интеллигентскими и только интеллигентскими.

Оказывается, т. Бухарин подтверждает мой тезис. Он также высказывал мысль, что в тот момент, когда все станут интеллигентами, не будет интеллигента. Однако, как это понять? Как представить себе такое состояние, когда все превратятся в интеллигента? Еще и еще раз: что такое интеллигенция? Попытка определить интеллигенцию чрезвычайно трудная. Здесь мы слышали определение интеллигенции представителей марксизма. Я думаю, что интеллигенцию лучше всего представлять как особый психологический тип, как указывал П.Н. Сакулин, как определенный комплекс душевных устремлений. Не противопоставлять интеллигенцию представителям других социальных слоев, резких отличий вы не получите. Если бы стали противопоставлять интеллигента рабочему, мы сразу наткнулись бы на препятствие: рабочий, стоящий у станка, сплошь и рядом бывает типичным интеллигентом. В конце этого года мы будем праздновать столетие декабрьского восстания²⁸. Это восстание было организовано дворянами, и по существу было подлинно интеллигентским. Значит, противопоставлять интеллигенцию дворянству тоже нельзя. Единственное кому можно противопоставлять интеллигенцию — это мещанству, но мещанству в условном, “духовном” смысле, которое тянет жизнь назад или заставляет ее топтаться на месте, а нередко просто опошляет ее²⁹. В свете проблемы культуры — это одно из важнейших делений для людей: мы имеем тип людей, которые двигают жизнь вперед, видоизменяют ее и являются ее творцами, хотя бы они и стояли у станка или у сохи. И есть люди, которые

лишь плохо повторяют или портят созданное другими. Первые — интеллигенты, вторые — мещане. Они антиподы, они исключают друг друга. Главная культурная задача интеллигенции — освобождать жизнь от мещанства. Мы говорим, что все могут и все должны стать со временем интеллигентами. Мы согласились, что задача коммунистической власти добиться того, чтобы все стали интеллигентами. Однако надо знать, как это сделать, и надо сделать так, чтобы все при добром желании действительно могли стать интеллигентами. Спросим для себя: идет ли коммунистическая партия в данном вопросе вполне по тем путям, которые нужны? Если только представлять, что интеллигенция нужна на время, как какая-то чисто техническая сила для какой-то технической и механической культуры, то уверяю вас — ничего особенно хорошего не получится. Чтобы давать новое, открывать, творить нужен особый дух, особый огонь, нужен талант. Механика тут не поможет. Интеллигент как творец культурных ценностей меньше всего техник и ремесленник. Его по заказу не создашь и по приказу не заставишь быть гениальным. Чтобы он мог творить, его нужно поместить в соответствующую среду, обеспечивающую возможность творчества. Я не хочу этим сказать, что надо непременно давать для свободы творчества всем и сейчас политическую свободу. Нам, беспартийным интеллигентам, даже и тем, которые твердым шагом идут нога в ногу с Советской властью, давать сейчас полную политическую свободу опасно — разболтаемся. (*Алло-дисменты.*) Но не в этом дело — перед нами реальная и, быть может, чрезвычайно грозная опасность. Творчество у нас бьет несомненно громадными и насыщенными фонтанами, но оно подкарауливается из тысячи углов не менее громадным и насыщенным мещанством. Тем мещанством, что охватило и душило западную культуру, прет на нас со всех сторон. Внимательный глаз легко заметит при желании его даже там, где меньше всего можно ожидать. Если почитать наши литературные произведения, то признаки мещанства в них дают себя знать сплошь да рядом: желание отыграться на блестящей, на пустой форме, преклонение перед занятностью за счет значительности и научности произведения — разве всего этого мало в них и разве это не от мещанства? Мы приходим в театр и видим пьесы часто действительно революционные по существу, но преподнесенные режиссерами в таком виде, как будто мы в утонченном иностранном кабаре.

Поразить, ошеломить зрителя — вот все, чем занят теперь русский театр. Внешность для него все. Глубина, благородство, служение высшим культурным задачам — это для него лозунги отжитого дня. Помню, после моего возвращения

в Россию два года назад меня удивило, что в вестибюле одного из вузов я увидел четырех мороженников. Теперь в столовых разного рода учреждений, отнюдь не нэповских, красуется огромное блюдо с пирожными, и все эти пирожные съедаются. Это детали, но вряд ли случайные и совершенно незначительные. Человек, привыкший есть пирожные и тянувшийся к ним, и человек, не ищущий их, — это, если хотите, разные люди. Ест, ест человек пирожное, а потом вдруг оказалось что пирожное съело человека, и перед вами уже типичный мещанин. Seriously, это бывает. Сейчас к нам еще не проникли иностранные зубные щетки, ленты, галстуки и духи. Скажите, есть ли у нас достаточно данных утверждать, что с их появлением мы сумеем предохранить себя от нового прироста волн мещанства, как хотелось бы. Будем совершенно откровенны и не побоимся признать, что мещанство силится внедриться даже в то, что целиком революционно, что даже самой революции временно трудно найти средства против лукавого мещанства. Разве то и дело у нас не берут теперь революционные лозунги для того, чтобы под их прикрытием пропустить совсем не революционный товар. Идеологически неподходящую вещь не пропустят автору; но если он приклеит к ней кое-как революционный лозунг, то вещь спасена. Такая безобразная картина, как “Моника Лербье“, показывается в кинематографах. Что в ней социально ценного, при чем в ней социальные проблемы? Во всяком случае не за них ее читают взапрос, предпочитая более полный в смысле скольких мест французский оригинал сокращенному переводу. Не из социальных мотивов превратили ее в фильм. Но, чтобы фильма прошла, вот средство: приклеить к ней маленький “революционный“ ярлычок. То же и во многих других случаях. Америка — демократическая страна, но тот, кто был в ней, знает, во что вылился американский демократизм. Там процветает мещанство, быть может, в такой мере, как нигде. И там всякий цирковой номер непременно кончается тем, что акробат, сверхъестественным образом перевернувшись и повиснув в воздухе, зацепив лишь кончиком носка до трапеции, непременно развешивает в зубах национальное знамя Соединенных Штатов с его 48 звездочками.

В театрах и кино там тоже трудно увидеть пьесы, где ни к селу ни к городу не разворачивался бы демократический флаг. Мещанство подменило в Америке демократию и заставляет служить себе ее флаг. Пусть на этот пример будет своевременно обращено наше серьезное внимание. С полным удовлетворением я смотрю на то, как у нас воспитывается масса молодых коммунистов, кадр новой интеллигенции — строители светлого будущего. Надо сделать так, чтобы ме-

шанство не проникло в их ряды. Когда с положением наряду с ответственностью коммуниста связано столько широких перспектив и прерогатив, а с положением беспартийного не связано ничего, — понятно, что в данный момент иначе и не может быть, — нужно бояться того, как бы под маской коммуниста, да еще молодого, не проскользнул в партию мещанин; могут создаться просто ловкие люди, которые научатся с 18 лет ни одного лишнего слова не сказать, ни одного лишнего движения не сделать, но которые незаметно будут подменять облик русской культуры — не к выгоде ее.

Современную русскую интеллигенцию можно разделить на три группы. Несомненно существует группа ее, представляющая в Советском Союзе своего рода внутреннюю эмиграцию, в том смысле, что она ушла в сторону от развертывающейся [ся] жизни и ничего не хочет дать новой русской культуре. Она постепенно утрачивает свои интеллигентские черты и отмирает. Пропадает таким образом много накопленных знаний, много неоспоримого таланта. Я уверен, что можно и даже не так трудно найти средства, чтобы многих из этой группы сделать полезными участниками общего строительства. Противоположный полюс — это интеллигенция молодая, коммунистическая, о ней здесь уже достаточно говорилось. Ей принадлежит будущее, но настоящее для нее только открывается. Наконец, остается третий тип нашей интеллигенции: беспартийная советская интеллигенция, которая из прошлого принесла богатые навыки и способности культурного творчества и которая добросовестно стремится отдать их на дело строительства новой культуры. Эта интеллигенция для современного момента является наиболее типичной и, на мой взгляд, именно у нее более всего данных для борьбы против опасности мещанства, т.е. культурного бесплодия. Она будет бороться за себя, за коммунистическую Россию, даже и при неравноправии; но она требует признания и возможности работать. Конечно, необходимо давать работу молодым силам и заполнять ответственные места надежными людьми. Но все же практически важность дела та, чтобы первоклассный беспартийный работник не заменялся совершенно неподготовленным и ничем не проявившим себя работником только потому, что он партийный. Словом, нужно сделать таким образом, чтобы получилось правильное соотношение беспартийных и партийных работников. И это надо сделать не ради самих беспартийных, а ради русской культуры, которая есть основа для культуры всего человечества. Это надо для того, чтобы тот путь, который намечен т. Бухариным, был пройден. Вместе с тем, это не требования людей со стороны, а требование людей работающих и желающих работать в той

среде, которая создалась, и не желающих, чтобы она незаметно подменялась какой-либо другой. (*Аплодисменты.*)

Реплики

П.Н. САКУЛИН

Мне представлена возможность, как выразился председатель, обменяться краткой репликой с Н.И. Бухариным. Я с большим удовольствием пользуюсь этим правом.

Я очень рад, что мое выступление дало материалы для речи Н[иколая] И[вановича], столь богатой значительными мыслями. К сожалению, как это нередко бывает, оратор, полемизируя со мной и желая заострить свои положения, несколько стилизовал своего противника. Но не в этом дело. Суть дела заключается в том, что некоторые мысли, которым я придаю громадную важность, не так поняты Н[иколаем] И[вановичем], и он мог утверждать, что я зову назад, а не вперед. Когда Н.И. Бухарин развивал перед нами желательный тип интеллигенции, он все время противопоставлял его моим воззрениям на интеллигенцию. Я говорил о прошлом и о том массовом интеллигенте (преимущественно сельская учительница), который не мог сразу охватить общего смысла событий, в особенности в первые месяцы и годы революции. Те же требования, которые предъявляет к интеллигенции теоретически Н[иколай] И[ванович], принимал и я; я лишь пытаюсь раскрыть массовую психологию трудовой интеллигенции, рассказать, как было дело. Настало время — и та же самая интеллигенция в целом ряде своих заявлений определенно выявила свою готовность работать с Советской властью (вспомним недавний Всероссийский учительский съезд)³⁰.

Второе, что мне казалось существенным, это вопрос о политическом и научном творчестве. Я не утверждаю, что интеллигенция не должна интересоваться “политикой”. Это вопрос гражданской сознательности и общего мировоззрения. Теперь мы можем констатировать по крайней мере у большинства интеллигенции наличность должного понимания выдвинутых задач современной эпохи. Я исхожу именно из того, что социально-политическая платформа в защите не нуждается. Но за всем тем, остается существенно важный вопрос, тот, о котором я говорил. Это вопрос об условиях, необходимых для умственной работы интеллигенции. Дело в том, что мозговая работа есть сущность интеллигенции и что необходимы определенные данные, чтобы идеологическое творчество могло совершаться. Умственная работа требует своих науч-

ных педагогических подходов. Н.И. Бухарин, сравнивая университет с фабрикой, говорил о тренировке. Но превратится ли университет в фабрику, которая будет выпускать штампованных людей? Метод штампования и есть то зло, против которого я восстаю. Высшая школа должна быть учреждением, которая помогает молодежи сознательно вырабатывать свое научное и общественное мировоззрение. Жизнь развернула перед нами широкие перспективы (о них горячо и красноречиво говорил Н.И. Бухарин). Я сам исхожу из того же представления о переживаемом нами историческом моменте, но из данных предпосылок я строю такой силлогизм: революция, социалистическое строительство, необходимость использовать все активные элементы так называемой интеллигенции. Та интеллигенция, о которой я говорю, может принимать в строительстве лишь свободно творческое, а не внешне механическое участие. Деятели науки не останутся глухи к велениям жизни. Для этого не нужно прибегать к мерам принуждения. Тут вспоминали дореволюционный режим. Я не говорю, что тогда была полная свобода для научной работы, хотя в старом университете были преподаватели марксисты. Но зачем воскрешать постылые приемы борьбы с мыслью? Мы ждем от революции совсем другого. Борьбу на идеологическом фронте нужно вести другими средствами, чем на фронтах политическом и экономическом. Н[иколай] И[ванович] сказал: придет время — и будет объявлено чуть не учредительное собрание, — всеобщее избирательное право, и что будет признана свобода научного исследования. Это — впереди нас, а не позади. К этому-то я и призывал. Это и есть самое важное и самое утешительное в речи Н[иколая] И[вановича]. Горячо приветствую его заявление, на нем основываю я самые светлые надежды.

Н.И. БУХАРИН

Товарищи, я должен сказать, что никто, мне кажется, не был бы более рад, чем мы, коммунисты, если бы разногласия между нами и такими представителями интеллигенции, как Сакулин, уменьшились и были бы сведены к минимуму. Поэтому мне надо приветствовать выступление П[авла] Н[икитича], что я не так его понял. Я продолжаю настаивать на том, что я отметил правильно, с нашей точки зрения, некоторые пункты. Тов. Сакулин отметил, что Луначарский и Бухарин подходили с политической точки зрения, а вопрос идет о таких работниках, как культурники. Я возражал, что мыслящий культурник не может стоять вне политики. Теоретиче-

ское разграничение этого и отрыв неправилен, а практически он приводит к такого рода идеологии, которая превращает ее в самостоятельную субстанцию. Я получил интеллигентскую записку, что нельзя связывать науку и искусство с политикой. Что это показывает? Это показывает, как определенные социальные симпатии налипает на определенные слои. Если т. Сакулин в тонкой формулировке коснулся этого вопроса, то сейчас нам преподнесли его грубее.

Второе — вопрос об условиях умственной работы интеллигенции, что это есть работа мозговая. Это совершенно правильно. Но вопрос заключается в том, когда мы говорим об условиях этой работы, должны ли мы намечать известные рамки, и если должны, то где их граница! Приведу пример. Недавно вышел за границей сборник, посвященный юбилею Струве, бывшего социал-демократа, теперь кадета, — вы прочтите, что там сказано. Там помещены статьи Сергея Булгакова, Бердяева, Лосского. Там проблемы все подогнаны под одну тему. Я спрашивал, должны ли мы такую науку допускать? Должен сказать: как в искусстве вы можете любую область так разработать и под таким соусом подать и такие нюансы, такие тональности развести, что гамма получится эстетически стройной, но общий исход — гнилье, точно так же в пределах научного творчества, вы можете божественный вопрос разработать чрезвычайно здорово. Сергей Булгаков написал книгу: “Философия хозяйства”. В этой “Философии хозяйства” предполагается, что свойства мира есть греховная корка метафизического мира, который ведет свое начало от Адама и Евы. У Бердяева написано, что евхаристия³¹ есть самое правильное питание. Факты это или нет? В своем роде это разработано или нет? Я повторяю, такого рода систему можно философски обосновать. Тот же Булгаков говорит, что можно подходить к вопросу с любой точки зрения. Бердяев и подходит с евхаристического конца. Что же? Сказать — вольному воля, — и смотреть на это затемнение мозгов?

Теперь вопрос о тренировке и штампе. Когда я говорил о фабрике, то я думал не то, П[авел] Н[икитич]. Я, понимаете, говорил — фабрика метаморфическая. Насчет штампа я сказал, что две опасности существует, одна из того происходит, что может создаться чуждая идеология, а вторая, что мы можем мысль сжимать. Разве ошибка была в этой формуле? Нужно избегать этих двух опасностей, нужно вести твердо свою линию, допуская такой размах, который обеспечил бы руководство и вместе с тем сохранил бы движение мысли. Это все нормы, с которыми нужно согласиться. П[авел] Н[икитич] против этого не возражал.

Характерно, как он думает насчет учредительного собрания. Он говорил, что самое хорошее для него всеобщее избирательное право или учредительное собрание. Но коммунизм есть всеобщая любовь, но если бы мы сейчас стали говорить: “Братья, давайте обнимем друг друга и прекратим борьбу”, то мы никогда не организовали бы партию и не удержали бы власти. Если мы сейчас будем проповедывать всеобщую любовь, то никогда ее не дождемся. То же самое относительно свободы. Одна дама мне пишет: «Господин Бухарин, вы очень не любите слово “свобода”, а, впрочем это и понятно». Ничего не понятно. Разная свобода бывает.

П[авел] Н[икитич] говорит: зачем вспоминать о старом режиме. Я с этим не согласен. Вспоминать надо. Мы прибегаем к целому ряду старых методов. Армия была и теперь есть Красная Армия, тюрьмы были и есть, государственные учреждения есть, система принуждения есть, террористический режим есть — только направленный на другие цели. А вы говорите: зачем вспоминать о старом? Мы только перевернули понятие “свобода”. Раньше была свобода для помещиков и капиталистов, а мы сделали для рабочих и крестьян. Вы говорите, что в университетах были профессора марксисты. В Московском университете, где я учился, если и был, то только один такой тип, как Виппер.

В заключение должен сказать следующее. Быть может, в первом своем выступлении я сильно направил острие полемики против П.Н. Сакулина, но он сам призывал, чтобы мы объяснили начистоту. Должен сказать, что я счел бы своим партийным долгом выступить против всякого, который говорил бы, что все прекрасно.

Призываю вас скорее и дружно бороться за будущее, которое мы завоеваем своей борьбой. (*Аплодисменты.*)

А.В. ЛУНАЧАРСКИЙ

Заключительное слово

Прежде всего я должен два слова возразить Бухарину не потому, чтобы я считал наше разногласие важным и существенным, но мне кажется, что в данном случае он делает очевидную ошибку. Он указывает мне на то, на что он сам указал — на особую разновидность интеллигенции, которая растет вместе с капитализмом. Он говорит, что она противоположна мелкой буржуазии, потому что мелкая буржуазия разовьется и исчезнет, между тем трудно сказать, что и эта категория исчезнет. В самом начале бернштейнианства Бернш-

тейну удалось доказать, что крупная промышленность и торговля не уничтожают целого ряда мелких ремесленников, что среднее сословие не уменьшается численно. Николай Иванович говорит, что это новое третье сословие. Что из себя представляет это новое третье сословие? Оно является прослойкой между крупной буржуазией и пролетариатом. У этого третьего сословия есть обстановка, известная собственностью. Но отнесет ли Н[иколай] И[ванович] их к буржуазии? Нет. Они — собственники, они находятся в лагере буржуазии, но они не крупная буржуазия, стало быть, мелкая. Вы найдете у них, сплошь и рядом, все навыки и мысли старой интеллигенции со всеми ее романтическими предрассудками, они переливаются также в грубоватый материализм метафизика.

Н[иколай] И[ванович] сказал, что бросать попа и инженера в одну кучу нельзя. Можно. Поп был раньше организатором идеологии, только старой, а этот новой.

Когда я тут дискутировал с Введенским³², то он назвал чуть ли не 30 имен различных ученых из этой новой интеллигенции, которая чрезвычайно дружит с попом. Часто разницу между богословом и идеологом-инженером невозможно разобрать. Эта передовая интеллигенция часто идет довольно дружно с попом. Они только люди разной эпохи: поп — интеллигент старого общества, как жрец был единственным представителем касты, а при теперешней ситуации заключает даже братство между собой, ибо идеолог новой капиталистической интеллигенции — часто просто светский поп.

Я не буду ничего возражать П.Н. Сакулину. Н.И. Бухарин возражал ему достаточно, но Ю.В. Ключникову я возражу на некоторые положения. Мы, конечно, полностью стоим на той точке зрения, о которой говорил Н[иколай] И[ванович], мы допускаем работу с беспартийными, и если тот или другой хороший работник остается без работы, то это ошибка.

Для нас марксизм есть самоочевидная истина. Это есть отражение действительности. Нельзя пользоваться старыми приемами, когда уже открыты новые, лучшие. Мы говорим: необходимо пользоваться этим марксистским методом. Беда только в том, что воспринять-то его может лишь классово подготовленный человек, а человек не подготовленный ставит под сомнение эту объективную истину, она для нас неприемлема, он подменяет ее старьем или эклектикой. Для нас же, которые стоят на классовой точке зрения, это просто смешно, как пользоваться кириллицей³³ вместо нынешней азбуки.

Мы встречаем людей ослепленных. Где видно, чтобы творчество остановилось оттого, что человек вооружен совершеннейшим методом?

Мы видим, какое количество вопросов стоит перед нами и какую силу для их решения дает марксистский ключ.

Ю[рий] В[ениаминович] говорил, что надо стараться, чтобы всех сделать интеллигентами. Говоря это, он играл словами. Интеллигент — это существо, которое отличается от не-интеллигента тем, что по преимуществу занимается умственной работой. Ю[рий] В[ениаминович] видит другую противоположность — он противопоставляет интеллигенту мещанина. Интеллигент — это натура творческая, мещанин — это натура пассивная. Если так поставить вопрос, то утверждение, что интеллигенция есть высшая категория, значит, что при самом правильном, при самом гениальном общественном строе останется известное количество людей пошлых? Мы должны стоять на той точке зрения, что в каждом человеке постепенно развивается и талант и широта понимания и т.д. Зачем быть обскурантом³⁴ и считать, что мы не добьемся такого положения, когда пассивных людей не станет. По Ключникову, это значит — все стали интеллигентами, по-моему, все стали людьми, а категория специально интеллигенции отпала.

Мне пишут записку: стоит ли создавать новую интеллигенцию, может быть, перейти прямо к безинтеллигентной эпохе? Интеллигенция не столь важная категория, как диктатура пролетариата; но скажите, разве мы не серьезно относимся к диктатуре пролетариата, хотя она преходяща? Напрасно думает т. Ключников, что мы не серьезно относимся к интеллигенции. Но все же она явление преходящее.

Тов. Ключников говорит, что мы окружены стихией мещанской, у нас под ногами прет мещанство. Мы знаем, что есть много мещанства вокруг. Есть мелкая собственность, есть интеллигентское мещанство, и большей частью типичный интеллигент и тащит этот мещанский душок в нашу среду. Но не так это понимает Ю[рий] В[ениаминович]. Почему Ю[рий] В[ениаминович] испугался пирожных и галстуков? Я смею вас уверить, что это может быть плохо для человека, насыщенного культурой, но и Ключников эти галстуки носит! Что может плохого означать этот галстук для крестьянина, который снял свою рваную рубаху и которому хочется одеть чистую рубаху и галстук? Это для него радость жизни, довольно дешевая, правда, но которую он хочет взять. Это не делает его мещанином. Он наденет галстук, съест мороженое, пирожное и останется коммунистом. Маленькие бытовые радости жизни украшают эту жизнь. Тут пугаться совершенно нечего. Часто то, что т. Ключникову кажется пошлостью, рабочие и крестьяне воспринимают как величайшую ценность. Избитый романс, который кажется заброшенной вещью куль-

турному интеллигенту, может произвести целую бурю в душе какой-нибудь неискнушенной работницы. Это не значит, что она — пошла.

Другое дело заявление Ключникова о том, что на сцене одного театра козыряют океанским пароходом, на другой еще какой-нибудь трюк. Но кто этим козыряет? Интеллигенты. Да еще какие интеллигенты! Пойдите спросите такого режиссера, мещанин он или творец, он может вам даже действием ответить на этот вопрос. Здесь надо прямо сказать, что это именно интеллигентские трюки, именно жажда отличиться от других, именно беспокойное творчество идет от него, от интеллигента. Если это мещанство, то тут с ним будет бороться массовый пролетариат, который переломит все это потому, что он требует ясного содержания в искусстве, существа, а не трюков.

Затем еще последнее: испугало Ключникова такое обстоятельство, что красные флаги у нас играют такую же роль, как цветной флаг в Америке. Тут тоже ошибка. Мы пока не можем создать такого пролетарского искусства, которое всем импонировало бы и даже такому утонченному европейцу, как Ключникову. Надо сказать, что такой грубый символ для нашего пролетариата является часто полным волнующей прелести и заставляет его трепетать.

Впечатление красного знамени, Интернационала может быть не всем понятно, но нет ничего пошлого в том, что пролетариат на них реагирует.

Относительно свободы я все-таки хочу еще сказать два слова. Свободы для Булгаковых у нас быть не может. Говорят: дайте нам свободу. Мы отвечаем, что допускаем свободу в тех рамках, в которых она не становится контрреволюционной.

О ПОЛИТИКЕ ПАРТИИ В ХУДОЖЕСТВЕННОЙ ЛИТЕРАТУРЕ

Протоколы совещания¹

ДОКЛАД А. ВОРОНСКОГО

Я предварительно должен сделать два замечания. Первое: ввиду того, что настоящее совещание, как я его понял, имеет в виду главным образом вынести ряд практических решений, я почти не буду останавливаться на наших теоретических разногласиях и коснусь их постольку, поскольку это не-

обходимо. Во-вторых, я намеренно ограничу свой доклад рамками дискуссии, хотя я и не считаю эти рамки в значительной мере условными и даже искусственными; но так уже сложилась сейчас литературная жизнь, что приходится ограничиваться этими рамками. Перехожу к докладу.

Я считаю, что основной вопрос, который подлежит обсуждению настоящего совещания, — это вопрос о том, есть ли у коммунистической партии какая-нибудь руководящая линия в вопросах современной литературы. Некоторые товарищи полагают, что такой линии у нас нет, что у нас существует неразбериха, неопределенность, разброд, благодаря чему каждый товарищ действует на свой страх и риск. Я полагаю, что это мнение совершенно неправильно. Руководящая линия у партии была и есть, и эта руководящая линия, по моему мнению, за все это время сводилась к следующему: партия вела самую решительную борьбу с нашей внутренней и внешней эмиграцией² в области литературы; партия оказывала содействие всем революционным группам, стоявшим на почве Октября; она не делала своим направлением направление какой-нибудь отдельной группы; она оказывала активную помощь, когда видела, что та или иная группа работает и стоит на точке зрения Октябрьской революции; партия не вмешивалась и давала полную свободу художественному самоопределению. Я думаю, что главное, чем руководились мы, практические работники, в вопросах литературного порядка, сводилось к этим основным положениям.

Почему партия заняла такое положение? Нужно иметь в виду, что наша страна — страна мужицкая, крестьянская, сермяжная, аржаная, и это в громадной степени накладывало и будет накладывать долгое время свой отпечаток на всю нашу общественную жизнь, и в частности, на нашу литературу. Возьмем еще один момент, возьмем рабочих. Они тоже имеют довольно прочные корни в крестьянской среде. Они связаны с крестьянством либо по окружающей обстановке, либо по происхождению. Поэтому естественно, что как только у нас началось литературное оживление, как только у нас пошли новые молодые писатели, — у нас совершенно ясно и отчетливо обрисовался крестьянский, мужицкий уклон. Я говорю не только о “попутчиках”³. Я говорю также и о пролетарских писателях, ибо и к пролетарскому писателю тоже должно быть отнесено сказанное об уклоне.

Если бы мы попытались серьезно рассмотреть поэзию и в особенности прозу наших пролетарских писателей, мы бы совершенно ясно и отчетливо увидели этот уклон. Дальше, посмотрим на самое состояние нашего пролетариата и коммунистической партии. Пролетариат взял власть, не овладев пред-

варительно наукой и искусством, и он не мог этим овладеть⁴. Его положение радикально отлично от положения буржуазии. Мне не нужно перед настоящим собранием развивать эту мысль, это — твердо установленное положение. Кроме того, наш пролетариат вышел страшно ослабленным из гражданской войны. Наша коммунистическая партия и в прошлом, и в своем настоящем не могла заниматься много вопросами искусства, она уделяла искусству только минимальное внимание. Ее ум, ее талант, ее силы ушли и уходят в политику.

Благодаря этому и ряду других обстоятельств, которых я сейчас не могу коснуться, у нас создано такое положение, что, вместо мощного потока писателей-коммунистов или рабочих-писателей, мы имеем ряд отдельных литературных кружков.

Эти литературные кружки вносили и вносят свое, иногда очень значительное, в современное искусство, но они шли и идут своей дорогой, намечают свои собственные пути, они в целом все же не охватывают всего литературного потока, и часто в них преобладает кружковый дух.

Исходя из того положения, что у нас страна крестьянская, что молодой советский писатель поэтому пошел у нас с мужицким креном, что наш пролетариат и партия заняты главным образом непосредственной политической борьбой, что в среде пролетарских писателей у нас царит часто кружковый дух, — исходя из этого, партия не становилась на точку зрения того или иного направления, а оказывала содействие всем революционным группировкам, осторожно выпрямляя их линию.

Дальше, если мы перейдем к вопросу о самом искусстве, о самой природе искусства, то и с этой стороны совершенно ясно, почему партия не стала, не могла стать на точку зрения какого-нибудь одного течения.

Искусство по природе своей, как и наука, не поддается такому легкому регулированию, как некоторые иные области нашей жизни. У искусства есть свои собственные методы, как и у науки, у него есть свои законы развития, есть своя история. В новом, пооктябрьском искусстве еще все в будущем, все в переплавке, в начале, вчерне, многое не ясно, не обнаружено. Это обстоятельство тоже диктует нам осторожный подход.

Если мы сейчас возьмем наши кружки, то совершенно ясно, что ни один из существенных кружков не мог удовлетворить коммунистическим взглядам: ни “попутчики” с их мужицким креном, с их чрезвычайно теоретической путаницей, ни “Октябрь”, ни “Кузница”, ни литературные организации комсомола⁵, которые возникают, — все они не являются ор-

ганизациями, о которых партия могла бы сказать: вот литературное течение, от которого мы в настоящее время отправляемся. Партия заняла позицию содействия революционным группам, не становясь на точку зрения какой-нибудь определенной литературной группировки.

Мне как практическому работнику нужно отметить настоящему собранию то, что достигнуто в области искусства за эти годы. Для меня не подлежит ни малейшему сомнению, что наша работа на литературном поприще дала значительные результаты. В настоящий момент литература стала серьезнейшим общественным фактором, который вычеркнуть из жизни нельзя. Удельный вес литературы велик и с каждым месяцем возрастает. Доказательством тому служит хотя бы настоящее собрание, состоящее из весьма ответственных наших работников-коммунистов; оно показывает, что то, что в настоящий момент делается в литературной области, привлекает внимание широких кругов наших товарищей. И количественно, и качественно наша литература возрастает с каждым днем, и с совершенно спокойной уверенностью можно сказать, что в ближайшие годы — это так ощущается по всему — у нас будет такой расцвет литературы, такая литература, которой мы давно уже не имели. У нас будут свои классики, своя революционная, большая, здоровая литература. В этой области мы достигли наибольших результатов. Перед тем, как идти на это собрание, я приблизительно подсчитал художников, которые с нами, иногда худо, а иногда и хорошо, но, во всяком случае, довольно прочно начали работать.

Я перебрал разные группы. Вот, например, старики: М. Горький, А. Толстой, М. Пришвин, В. Вересаев, Шагинян, Вольнов, Подъячев, Ольга Форш, К. Тренев, Никандров и др.

Молодые писатели, которые выдвинулись в революцию (молодые “попутчики”): Бабель, Всев. Иванов, Пильняк, Сейфуллина, Леонов, Малашкин, Никитин, Федин, Зоценко, Слонимский, Буданцев, Есенин, Тихонов, Клычков, Орешин, Вера Инбер, Ефим Зозуля, Катаев и т.д.

Футуристы: Маяковский, Асеев, Пастернак, Третьяков.

Пролетарские писатели и коммунисты: Брюсов, Серафимович, Аросев, Касаткин, Сергей Семенов, Свирский, Казин, Александровский, Ляшко, Обрадович, Волков, Якубовский, Герасимов, Кириллов, Гладков, П. Низовой, Новиков-Прибой, Макаров, Дружинин и т.д.

Я перечислил только те группы, которые связаны с “Красной новью”⁶ (за исключением футуристов) и совершенно не касаюсь группировок, связанных с другими кругами, напр., с “Октябрем”. У них есть собственные достижения и свои собственные литературные имена. То обстоятельство, что вокруг

нас организовалось такое количество литераторов, которые с нами работают и все больше и больше срабатываются с нами, указывает на большую положительную работу, которую мы в этой области проделали. Я не хочу преувеличивать, что здесь достигнуты результаты окончательные, но само собой разумеется, что в этой области таких результатов в настоящий момент достигнуть нельзя.

Теперь об идеологии. И в этой области достигнуты тоже результаты довольно значительные. Я не имею возможность касаться эволюции отдельных писателей, но ясно, что общая эволюция художников слова в нашу сторону. Это о “стариках” и тех “попутчиках”, с которыми раньше было трудно работать, а теперь стало гораздо легче.

Говорят, что такая работа по привлечению весьма пестрой массы литераторов привела Воронского и иже с ним к пленению буржуазией. Все это очень дико звучит. Считать в настоящий момент, что такие “старики”, как Горький, Толстой т.д., пленили нас, могут только люди в совершенно горячем состоянии. Дальше. Что есть буржуазность? На настоящем собрании, к сожалению, нельзя подробнее поговорить об этом. Считают буржуазной “Аэлику”, а недавно я беседовал с тов. Зиновьевым, и он сказал, что это — весьма полезное произведение и ценное. “Буржуазностью” считают “Автобиографические рассказы” Горького. С другой стороны, если мы серьезно поставим вопрос о буржуазности, то будет очень большой вопрос, что такое буржуазность. Я думаю, что она, эта самая буржуазность, очень часто прикрывается левыми лозунгами и словами. Считаю, что то, что сейчас пишут в “Горне”⁷, есть настоящее извращение марксизма и художественная ревизия его.

Когда заявляют устами тов. Арватова, что неправильно искусство производить от различных идеологических надстроек, а надо прямо связывать его с производством, то я не знаю, есть ли это буржуазность, но знаю, что здесь идет борьба с Плехановым во имя шулятиковщины⁸. У нас проповедуют и советуют выбросить классиков за борт современности, в то время как перед рабочим классом стоит задача научить массу крестьян и рабочих читать и понимать Пушкина, Толстого, Горького. Буржуазность это, или нет? Буржуазность, или нет, когда ведут борьбу против искусства как особого метода чувственного познания жизни и выдвигают теорию жизнестроения, противопоставляя его жизнепознанию, — теорию насквозь субъективную, а следовательно, и идеалистическую?

Так что вопрос этот чрезвычайно спорный, и очень может быть, что за страшными фразами о том, что Воронский пле-

нен, а Вардин находится в счастливом соответствии с тов. Чужаком и многими другими “чужаками”, и кроется настоящая буржуазность. Затем говорят, что у Воронского нет классовой точки зрения. Конечно, такой “классовой” точки зрения, которую проводит “На посту”⁹, у нас нет, но если поставить вопрос иначе, тогда мы еще посмотрим.

Как у нас происходит дело с “попутчиками”? Какое основное требование мы предъявляем “попутчикам” в нашей работе с ними? Мы знаем, что революцию, особенно в первые годы — 21-й и 22-й, они изображали преимущественно как торжество мужицкой стихии, не понимая или недостаточно оттеняя организующую, дисциплинирующую, руководящую роль пролетариата. Кроме того, хорошо видя нашу русскую революцию в ее национальном разрезе, они часто не видели ее интернационального характера. Отмечая и исправляя эти и иные их недостатки, мы к таким “попутчикам” подходим с определенным требованием: работают ли они в пользу союза рабочих и крестьян? И если мы видим, что в конечном счете работа того или иного художника имеет такое значение, что она содействует союзу города с деревней, что она направлена в пользу смычки пролетариата и крестьянства, мы очень многое прощаем такому художнику. Я считаю, что подобная работа полезна с точки зрения пролетариата, и полагаю, что она способствует созданию пролетарской литературы. В том-то и дело, что создание пролетарской литературы — это процесс, такая литература и не делается и не рождается сразу. Пути ее роста и развития сложны и иногда запутаны.

О пролетарских писателях. Глубоко уверен, что у нас из рабоче-крестьянских низов, из рабочих, из различных других организаций, из университетов, из Красной Армии идет новый писатель. Идет писатель из каких-то глухих углов, из провинции, — вот этот писатель кровью своей и своим бытом связан с рабочим и крестьянином, — пока, впрочем, больше с крестьянином. Что этот писатель безусловно займет главное место, что на него нужно ориентироваться и ему помогать, в этом у нас нет никаких разногласий с пролетарскими писателями. Нет сомнения и в том, что в лице некоторых своих представителей так называемая пролетарская литература достигла заметных результатов (Казин, Александровский и др.).

Если, тем не менее, у нас и происходят разногласия с современными пролетарскими писателями, то нужно выяснить, в чем тут дело. Очень легко давать отвлеченные, абстрактные определения. Таких у нас много. Пролетарским писателем у нас чаще всего называют писателя с коммунистической идеологией, того, что употребляя ставшее теперь излюбленным выражение Пильняка, смотрит на мир “глазами пролета-

рия¹⁰. На самом деле пролетарский писатель у нас исторически сложившийся, конкретный тип, с очень определенными взглядами и навыками. Это писатель, входящий в ту или иную ассоциацию, в тот или иной кружок. У такого кружка есть свой “символ веры”¹¹, свое литературное вероисповедание. Обычно этот “символ веры” сводится к убеждению, что основная задача пролетарского писателя сейчас в России сводится к разрушению буржуазной эстетики, искусства и культуры и к построению нового социалистического искусства и культуры. Так как в действительности перед пролетариатом сейчас в России стоит проблема критического овладения старой культурой и искусством, то тут и получается большая неувязка. На деле такое противопоставление приводит к отвлеченностям. Вместо живых людей революции нам дают символику, вместо поступательного развития получается вымученность, и часто под видом пролетарского искусства нам преподносят продукты буржуазного искусства старых времен. Нам, практикам-коммунистам, работающим в литературе, в этой области часто трудно идти по линии уступок. И их делать нельзя по той простой причине, что чем скорее откажутся наши товарищи от этого пролеткультизма¹², тем скорее они сделаются настоящими пролетарскими писателями.

Должен обратить внимание товарищей еще на одну сторону дела. Наши литературные разногласия есть, в конечном итоге, перенесение в литературу старых партийных споров о спецах¹³. Если присмотреться к тому же журналу “На посту”, то будет совершенно ясно, в чем тут дело. Ведь писал же тов. Лелевич в одном из первых номеров “На посту”, обсуждая вопрос о “попутчиках” и пролетарских писателях, что речь идет не столько о качестве, сколько о количестве, т.е. не в том дело, помещать или нет “попутчиков”, а в том, сколько их помещать. Это совершенно откровенная постановка вопроса — антиспецовская, та самая, которая в других областях нашей жизни уже изжита, а в литературе еще дает о себе знать довольно сильно.

Товарищи, настоящее совещание создано, чтобы разрешить прежде всего основной вопрос относительно того, верна ли тактика коммунистической партии, старая тактика, которая сводилась к тому, чтобы не становиться на точку зрения какой-нибудь одной определенной группы и, не становясь на такую точку зрения, способствовать всячески всем революционным группам или художникам. Верно ли это? Или, может быть, нужно взять “напостовскую” линию? По предложению “напостовцев” нужно взять отправным пунктом журнал “На посту” и его отношение к художникам. Они требуют также, чтобы “власть” в литературе передали МАППу¹⁴, т.е. одному

определенному кружку, очень молодому и художественно почти себя не проявившему. Совершенно спокойно говорю и знаю, что ликвидировать тов. Вардину сейчас эту позицию, которую ЦК РКП(б) занимает, нельзя, потому что она диктуется самой жизнью, ибо встать на точку зрения журнала "На посту" — это значит разгромить всю работу. Нужно помнить, что подавляющее большинство подлинных художников, от А. Толстого и "попутчиков" вплоть до пролетарских писателей, работает в "Красной нови", а не с журналом "На посту". Это потому, что ни одного хорошего "попутчика" журнал "На посту" не получит, ибо при такой линии, которую он проводит, нельзя ничего сделать.

Дальше. Здесь находится пролетарская молодежь. Я предлагаю этой молодежи высказаться, отчего сейчас при "Красной нови" организовался кружок этой самой молодежи в 40 чел. Почему она ушла от "напостовцев"? Говорят, что ее переманил и разложил Воронский. Предположим — так. Но посмотрите, что получается: по мнению "напостовцев", разложилась вся "Кузница", разлагаются все "попутчики", разложилась большая часть молодежи, разлагаются все писатели наши. Если разложились почти все, что же осталось? Товарищи Лелевич и Родов остались в литературе. Маловато. Не могу сейчас коснуться ряда других основных вопросов, потому что, к сожалению, мое время истекает.

Обращаюсь в заключение к совещанию вот с чем: здесь перед вами я говорю не как Воронский, а как представитель той литературы, которая работает в "Красной нови", в "Круге"¹⁵, в "Кузнице", в кружке молодняка "Перевал"¹⁶, т.е. говорю я от имени почти всей действительной, молодой советской литературы. Эта литература пойдет за нами. С "напостовцами" им делать нечего, и если настоящее литературное совещание этого не учтет, то оно сделает великую ошибку.

ДОКЛАД ИЛ. ВАРДИНА

Смысл настоящего совещания заключается в том, чтобы определить партийную линию в литературе. Тов. Воронский попытался создать впечатление, будто определенная партийная линия в литературе уже имеется. Но если у партии действительно уже имеется такая линия, то мы, "напостовцы", утверждающие обратное, как бы являемся оппозицией в отношении партийной линии. Такая постановка вопроса может быть выгодна только тов. Воронскому, но она не соответствует действительности. Правда заключается в том, что в 1921 году тов. Воронскому были даны определенные директивы и

были даны средства для того, чтобы удержать в Советской России известную группу писателей... Тогда нужно было заботиться о том, чтобы пильняки не убежали к белым. Но с тех пор прошло три года. Что случилось за это время, какие изменения произошли в социально-политической обстановке? Какова разница между 1921 и 1924 годом?

У тов. Воронского отсутствует всякая попытка проанализировать действительность и исходить из этой действительности. Он говорит о литературе вообще, но не понимает, что партийное совещание при ЦК может заинтересоваться вопросом о литературе только с точки зрения политической.

Тезисы тов. Воронского озаглавлены: "О текущем моменте и задачах РКП в художественной литературе". Но он ни слова не говорил о текущем моменте и почти ничего не говорил о задачах партии в области литературы. По сравнению с 1921 годом, по сравнению с той линией, которая тогда была намечена, он не сделал ни одного шага вперед.

Подумайте только, человек выступает на совещании ЦК партии о задачах партии в области литературы и ни слова не говорит о той общественно-политической обстановке, в которой мы живем, ни слова не говорит о том, чем вызывается постановка данного вопроса именно в настоящий момент, он не дает себе труда объяснить, чем вызывается та резкая борьба, которую с некоторого времени ведут "напостовцы". Эта резкая борьба вызывается тем, что перед нами серьезный политический вопрос, что литература на наших глазах превращается в орудие буржуазии, буржуазной идеологии, что позиция, на которой стоит тов. Воронский, облегчает политическую задачу наших врагов, и поэтому эта его позиция одобряется всеми антисоветскими партиями и течениями.

Вот в этом основное. Если мы не будем об этом говорить, если мы не будем из этого исходить, если мы забудем, что суть вопроса заключается в том, как превратить литературу в свое собственное орудие, если, повторяю, мы этого не поймем и отсюда не будем отправляться, тогда нам незачем было собираться при ЦК РКП.

Разрешите мне напомнить то, что должен был сделать тов. Воронский. В чем особенность текущего момента? Возьмем последний партийный документ — тезисы тов. Молотова, одобренные ЦК РКП¹⁷. В этом документе констатируется рост кулачества в деревне и рост частного капитала в городе. На почве этого усиления буржуазии, естественно, происходит, усиление ее идеологии, естественно, наблюдаются попытки антипролетарских слоев использовать всяческие возможности для усиления своей позиции, попытки пролезть прежде всего

в литературу и по возможности использовать ее в своих политических целях.

Другая характерная особенность текущего момента заключается в том, что в стране чувствуется некоторый отлив, появляются признаки общественной реакции. Настроения этой реакции существуют не только в антипролетарских слоях — в среде интеллигенции, мещанства и т.д., эти настроения отлива, усталости, скептицизма проникают, чувствуются даже внутри нашей партии. Возьмите статью тов. Бухарина, помещенную в № 2 журнала “Большевик”¹⁸, и вы увидите, что я говорю в данном случае не о мифической опасности, а что перед нами опасность совершенно реальная. Ясное дело, что в данном случае вопрос о художественной литературе приобретает серьезнейшее значение.

И перед лицом таких фактов, что говорит тов. Воронский? Он занимается регистрацией литераторов, он добросовестно сообщает нам, какие существуют литераторы, называет их всех по фамилиям, он мог бы привести еще их послужные списки, это было бы очень важно для партийного совещания.

Но, товарищи, все эти списки — сущие пустяки. Весь вопрос в том, какие социальные элементы, какие тенденции, зачатки каких идеологий скрываются в этих списках, какую роль эти люди играют и могут сыграть в происходящей вокруг политической борьбе. Тов. Воронского все эти вопросы не интересуют. Самый большой грех его позиции в том, что для него не существует классовой войны, для него не существует революции, он рассуждал вообще, он преподносит такую новость, что искусство не подлежит никакому регулированию и политическому воздействию. Тов. Воронский — вне жизни, вне политической борьбы, он не видит той опасности, которая нам угрожает.

Товарищи, третья политическая особенность момента, которая должна безусловно учитываться настоящим партийным собранием, заключается в том, что все антисоветские партии для данного момента главные надежды возлагают на обволакивание коммунистической партии, на разложение, на перерождение этой партии. И с этой точки зрения, между прочим, нужно подходить к этому вопросу, и с этой точки зрения нужно разобраться в политике и практике тов. Воронского. Если, товарищи, мы забудем о текущем моменте, то мы поставленного перед нами вопроса не разрешим. Повторяю еще раз: если бы перед нами стояла проблема не политическая, незачем было бы здесь собираться.

У нас любят вести разговорчики на тему о том, что искусство есть искусство, что о вкусах не спорят, и т.д., и т.п. Такая постановка вопроса недопустима. Тов. Воронский сооб-

шил, что тов. Зиновьев терпимо относится к “Аэлите” Алексея Толстого. Я тоже слышал это от тов. Зиновьева. Тов. Каменев говорил мне как-то, что он с удовольствием читает Эренбурга. Тов. Бухарин пишет предисловие к эренбургскому “Хулио Хуренито”¹⁹.

Вопрос заключается не в том, с удовольствием или без удовольствия читает тов. Каменев или другие товарищи Эренбурга, а вопрос заключается в том, опасна или не опасна нам политически вся эта литература. Суть вопроса заключается в том, как эта литература воздействует на массы. Из этого нужно исходить. Недавно в журнале “Коммунист” появились воспоминания Клары Цеткин, где приведены интересные замечания В.И. Ленина о роли литературы²⁰, о том, как, куда нужно направлять литературу. Из этих замечаний я понял одно: тов. Каменев может читать что угодно; мы все почти, здесь собравшиеся, читаем белую литературу; предполагается, что у нас есть соответствующий иммунитет, но в широкую массу всю эту литературу не пускаем, иначе у нас была бы свобода печати. Тот же герой “Аэлиты”, аннектирующий Марс в пользу Совреспублики без контрибуции, может доставить художественное наслаждение тов. Зиновьеву, но для широких рабоче-крестьянских масс вся эта литература — вреднейший яд. Когда я в Свердловском университете²¹ на кружке ленинизма вижу свердловку, держащую в руках Эренбурга, то я говорю: “Когда тов. Каменев читает Эренбурга, — это одно; когда свердловка, в особенности при настоящих условиях, при некоторой усталости и скептицизме, читает эту литературу, — это совсем, совсем другое”. Повторяю: к литературным проблемам нам нужно подходить с точки зрения воздействия на массы, и никакие другие точки зрения для нас решающего значения иметь не могут.

Какова в таком случае должна быть литературная политика партии? Эта политика должна идти по трем направлениям: во-первых, мы должны всячески мешать буржуазии использовать литературу в своих политических целях; во-вторых, мы должны использовать все ценное из старой литературы, привлечь на свою сторону всех тех литераторов, которые могут принести нам пользу; в-третьих, мы должны делать шаги и принимать определенные конкретные меры для того, чтобы у революции была, наконец, своя собственная литература.

Как тов. Воронский решает все эти задачи? Он в общем очень доволен, он может здесь привести нам длинный список “попутчиков”, которые для него являются основной силой в литературе, на которых он опирается, от имени которых в значительной степени он говорил здесь, и которые, по его же словам, прислушиваются к тому, что здесь говорится. Что из

себя представляют эти “попутчики”? Прочтите статьи тов. Воронского и вы найдете убийственную характеристику этих “попутчиков”. Тов. Воронский не смог скрыть того факта, что это — люди ненадежные, что с такими людьми революция долго иметь дело не может, между тем, тов. Воронский о смене, о том, что нам нужна своя литература, не говорит ни слова.

Возьмем другой документ. У меня в руках книжка, изданная в издательстве “Круг”: “Писатели об искусстве и о себе”²². Это автопортрет наших “попутчиков”. Здесь они очень непринужденно рассказывают о себе и о своих взглядах на литературу. Разрешите остановить ваше внимание на Пильняке. То, что говорит Пильняк, характерно и для всех остальных “попутчиков”. Пильняк пишет:

“Я — не коммунист и поэтому не признаю, что я должен быть коммунистом и писать по-коммунистически... Поскольку коммунисты с Россией, постольку я с ними... Признаюсь, что мне судьбы РКП гораздо меньше интересны, чем судьбы России. РКП для меня только звено в истории России”. Товарищи, вы знаете, что точно так же смотрит на дело Павел Николаевич Милюков. Слушайте дальше. Пильняк пишет: “Иначе, чем я пишу, я писать не могу, не умею, не напишу, если бы и хотел себя изнасиловать. Есть литературный закон, который не позволяет, не дает возможности насиловать литературные дарования”. Это откровенно и честно. Дальше: “Бунин (прекрасный писатель) и Мережковский справа, Серафимович слева — старые писатели, ничего не пишут или пишут очень плохо, потому что они заменили художество политикой, пишут во имя политики, и искусство их совсем не искусство, оно им перестало звучать”. Вы видите, Серафимовича и Мережковского, революционера-коммуниста и реакционера-белогвардейца, Пильняк ставит на одну доску, он считает, что обоим мешает политика. Мы знаем, что Серафимовичу политика не помешала написать превосходную вещь “Железный поток”.

Послушаем еще Пильняка: “Что надо новой литературе, — не знаю, знаю только одно: надо хорошие вещи, остальное присовокупится”. Это точка зрения тов. Воронского. Он тоже за “хорошие вещи”, за “талантливые вещи”, независимо от того, куда этот талант направлен. Дальше Пильняк расхваливает издательство “Круг” и “Красная новь”. Пильняк считает, что это есть именно здоровая литература, что тов. Воронский подбирал просто писателей, подбирал “просто хорошие вещи” и, что тоже весьма хорошо, за эти хорошие вещи “платил не векселями, а звонкой монетой”.

Таковы “попутчики”. Они не могут дать больше, чем могут дать. Это нужно понимать. Многие не понимают. Господствует не критическое отношение к “попутчикам”. В этом смысле характерна сегодняшняя статья тов. Осинского в “Правде”. Он пишет о последней пьесе тов. Луначарского²³. Показывает, насколько эта вещь, выражаясь очень мягко, неудовлетворительна. А дальше вот что говорит тов. Осинский: «Можно не соглашаться с теми рьяными товарищами (журнал “На посту”), которые предаются положительно травле всякого беллетриста, не имеющего партбилета, если у такового беллетриста замечается хотя бы слабый уклон в сторону мистическо-реакционной идеологии».

Значит, “напостовцы” виноваты в том, что они подмечают слабый уклон в сторону мистицизма и реакции. Но, тов. Осинский, в Республике Советов на 7-м году революции никто не посмеет открыто проповедывать мистическую реакционную идеологию.

Если грех “напостовцев” заключается в том, что они “вскрывают слабые уклоны” “попутчиков”, то, на мой взгляд, это не их грех, а их заслуга, и партия должна будет сказать, что “напостовцы” исполняют свой партийный долг. Необходима ясность. Преступно щадить хотя бы малейшие уклоны. Преступно закрывать глаза хотя бы на мельчайшие проявления буржуазной мистическо-реакционной идеологии.

Пойдем дальше. Какова *политика* наших *издательств, редакций* толстых журналов? Под нашей советской фирмой распространяется громадное количество литературы, в огромной своей части нам враждебной. И так как эта литература выпускается Госиздатом и другими партийно-советскими издательствами либо печатается на страницах наших партийных журналов, прежде всего “Красной нови”, то широкие массы воспринимают ее именно как литературу революционную. В наших вузах и наших рабфаках наша молодежь эту литературу воспринимает как литературу революции. Наше подрастающее поколение по Пильнякам, Никитиным и Эренбургам начинает литературно знакомиться с революцией. Словесники наших вузов и рабфаков — в подавляющем большинстве старые словесники. Опираясь на критическую оценку тов. Воронского и других, они эту литературу преподносят учащимся, именно как настоящую литературу революции.

Можем ли мы дольше терпеть такое положение? Не обязаны ли мы снять нашу марку с литературы, которая, по существу, не является революционной?

Такой политике наших издательств и редакций, такому прикрыванию советско-коммунистической вывеской всякой пильняковщины необходимо положить конец раз навсегда.

И тут мы подходим к другому важному вопросу — вопросу нашей *литературной критики*.

Наш главный критик, как известно, — тов. Воронский. Но я заявляю категорически, что Воронский — критик не большевистский. У него нет марксистского подхода к разбираемому произведению. У него есть критика традиционно-интеллигентская, унаследованная еще от времен Белинского. (*Возгласы с мест: “Так это же неплохо!”, “Он опирается на старое наследство!”*.) Товарищи, это старое наследство нужно уметь использовать. А вы, тов. Тер, уже имели случай показать, что не умеете пользоваться старым наследством, — ну, хотя бы Плеханова. Так вот, я говорю, у Воронского нет большевистского, марксистского подхода к литературе, а его линию продолжают и другие критики.

Вот, например, есть такой человек, имя ему Правдухин, бывший эсер и фактически настоящий эсер. Этот Правдухин руководит критическим отделом в журнале “Красная нива”, редактируемом тт. Луначарским и Стекловым. В первомайском номере этого журнала Правдухин поместил критическую статью о Казине²⁴. Правдухину очень нравятся стихи Казина. Почему? Потому что в “них совершенно нет публицистики, деклараций, воинствующего классового патриотизма, отвлеченных мотивов, ибо эти мотивы внутренне не музыкальны, не первичны, а каждое стихотворение Казина — всегда кусочек, аккорд дополнительного человеческого переживания”.

“Воинствующий классовый патриотизм”, “отвлеченные гражданские мотивы”... Не правда ли, как это хорошо звучит? Так говорит критик на страницах нашего журнала. Критик, целиком опирающийся на Воронского, целиком его поддерживающий. Слушайте дальше. Казин, говорит Правдухин, «никогда не становится на “ходули заводов”, “коллективов” и прочей “общей ложно-классики современной поэзии”». Казин, подчеркивает Правдухин, никогда не впадает в “истеричку”, “кликушество о современном социальном, почти всегда наемном труде”.

Товарищи, это почти эсеровская прокламация. Тов. Осинский сказал бы, что тут только уклон. Но яснее при диктатуре пролетариата писать против революции нельзя. Казин в своих стихах поэт не пролетариата, а поэт ремесла. Правдухинская мелкобуржуазная идеология подметила эту черту в поэзии Казина и ее похвалила. Если мы совершенно спокойно можем терпеть идеологически невыдержанные стихи Казина, то такого критика мы уже, во всяком случае, терпеть не можем и не должны. И не думайте, что эта статья Правдухина выскочила как-то случайно. Правдухин — фактически один

из редакторов “Красной нивы”, журнала, имеющего шестидесятитысячный тираж, журнала, идущего в самые широкие массы. Я цитировал статью, напечатанную в номере от 1-го мая. А в новогоднем номере тот же Правдухин поместил статью против пролетарской литературы, против “напостовцев” с неумеренным восхвалением гг. Троцкого и Воронского, причем Троцкого он представил в виде Тараса Бульбы, а Воронского — в виде Остапа.

Так вот, товарищи, коммунистической критики у нас нет. Под советской маркой выпускается всяческая пакость, и нет человека, который бы указал читателю, который бы уяснил читателю действительный смысл всей этой литературы, который бы подошел к ней с точки зрения классовой борьбы и политических интересов пролетариата. Партийной, марксистской критики у нас нет. Она должна быть обязательно.

Товарищи, политика, которая проводится в жизнь тов. Воронским, расценивается нашими врагами совершенно определенным образом. В общем и целом все заграничные и внутренние эмигранты одобряют литературную политику тов. Воронского. Наиболее внимательно за нашими спорами следит правозэсеровский журнал “Воля России”²⁵. В ноябрьской книжке этого журнала, между прочим, говорится:

«Весь бой пошел из-за того, что Воронский стал относиться к литературе с литературной точки зрения... Борьба “правых” и “левых” еще продолжается, но уже намечается попытка подойти к литературе с художественной точки зрения... Путь, на который вступает Воронский, обещает дать известные плоды...»

Вы понимаете, что такие заявления даром не делаются. В другой книжке “Воли России”, также за ноябрь, рассказывается о статьях гг. Троцкого и Чичерина. Вот что здесь мы, между прочим, читаем: «Троцкий стал писать о литературе и искусстве, когда Красная Армия была демобилизована. Не означают ли “демобилизации” комиссариата иностранных дел попытки Чичерина заняться литературой?» (Смех.)

Но это, товарищи, пустяки. Важно общее заключение, которое делает эсеровский журнал после обозрения всех наших литературных течений:

«...На пространствах России начинается новая борьба, борьба мировоззрений, борьба за создание целостного мирозерцания, как реакция после “отравления” односторонними тезисами коммунистической программы».

Представителями “односторонне”-коммунистической программы эсеровский журнал считает “напостовцев”, против которых вся эмигрантщина и прежде всего “Воля России” ведут бешеные атаки, обзывая “напостовцев” чекистами, свя-

щенной дружиной пролетариата т.д. Смысл тех одобрений, которые раздаются по адресу тт. Воронского, Троцкого и других с той стороны, совершенно ясен. Наши враги, естественно, ухватились за ту политическую ошибку, которую в данном случае допускают противники “напостовской” линии.

Какие основные задачи стоят перед партией? “Попутчики”, разумеется, должны быть использованы, но должны быть использованы настоящие попутчики революции. Как в дальнейшем можно использовать “попутчиков”? Только одним способом: если партия будет опираться на свою партийную группу в литературе. Нам нужна комячейка. Нам нужна большевистская фракция в литературе. Такой ячейкой, такой коммунистической фракцией является группа пролетарских писателей. Говорят, что среди них нет гениев. Верно, нет гениев. Это еще молодая гвардия. Да и вообще было бы нелепо от класса, только что вышедшего из подполья, на другой день после гражданской войны требовать гениальных писателей. Но группа, на которую партия может опереться при проведении своей политики, такая группа существует. Такой группой является “Всесоюзная ассоциация пролетарских писателей” (ВАПП)²⁶. Партия должна руководить ВАПП, и вокруг нее группировать беспартийных писателей.

Товарищи, мы говорим иногда: Воронского нужно свергнуть. Это, конечно, фигуральное выражение. Дело, конечно, не в личностях. Личные комбинации вопроса не разрешают. Суть вопроса заключается в том, что беспартийных писателей нужно и можно собрать вокруг комячейки, вокруг партийной организации. Замена плохого Воронского хорошим Воронским положения не спасет. Беспартийными писателями мы можем руководить таким же способом, каким мы руководим всякой беспартийной средой, — через фракцию, через ячейку.

Товарищи, пролетарская литература только рождается. Буквально в течение нескольких месяцев она сделала значительные успехи. И нужно удивляться не тому, что рабочий класс еще не дал гениальных писателей, а нужно удивляться тому, что рабочий класс все же за сравнительно короткое время мог выдвинуть ряд талантливых писателей и, что еще важнее, раскинуть по всей стране широкую сеть литературных кружков на заводах, фабриках, среди рабкоров, рабфактовцев, комсомольцев и т.д. Можно удивляться тому, что на 4-м году по окончании гражданской войны создано широкое литературное движение рабочего класса.

Товарищи, по отношению к пролетарской литературе Воронский ведет пораженческую линию. Эта пораженческая линия должна быть ликвидирована. Партия должна дать свое

руководство новому важнейшему движению. И тогда мы, большевики, будем иметь большевистскую литературу, революция будет иметь свою настоящую литературу.

После доклада тов. Вардина выступил тов. А. Веселый с заявлением, подтверждающим правильность позиции тов. Воронского, и тов. Ю. Либединский, который в кратком слове попытался обосновать точку зрения “На посту”.

Выступления

Н. ОСИНСКИЙ

Если взять рассуждения тов. Вардина по вопросу, дискутируемому нами сегодня, то получится сплошная бессмыслица. По его мнению, это не художественная, а политическая проблема. Нет, это — художественная и политическая проблема, и последнего совершенно не понимает тов. Вардин. То, что говорил здесь тов. Вардин, это примерно то же самое, как к современной науке подойти таким образом: вот, мол, в виду того, что в области высшей математики имеются люди, которые не принадлежат к РКП, их всех нужно прогнать и сейчас же заменить коммунистами-рабочими. То, что здесь разводится МАППом, есть не что иное, как старый спор относительно специалистов, причем этот спор принимает такую форму, что нужно гнать спецов от литературы, и да здравствует собственная, наша пролетарская; да здравствуют наши собственные, пролетарские спецы.

Эту рабочую оппозиционную точку зрения²⁷ нужно оставить и от нее отказаться. Еще вот что нехорошо. Если мы возьмем повесть Либединского “Завтра”, то она есть ликвидаторское произведение чистого вида. А тов. Либединский выступает и лепечет что-то насчет идеологии. Я должен сказать, что не на одном Либединском этот грех лежит, все мы окружены мелкобуржуазной стихией, и нужно бороться с нею. Весьма ясно и определенно, нужно стоять в известной степени на посту. Но если вы желаете брать на себя монополию, то что из вашей группы получится? Если будет принято ваше предложение приручить всю русскую литературу к МАППу, то будет не что иное, как разгром российской литературы. Вот, например, дорогой товарищ Родов — писатель весьма мало талантливый. А затем дорогой товарищ Лелевич — поэт

тоже весьма мало талантливый. Я считаю, что он гораздо лучший писатель в прозе, чем в поэзии. Когда такие люди объединяются и говорят, что за ними пойдет вся литература, то что же у нас может получиться? Вы говорите, что такая-то литература вам не нравится. Давайте сейчас другую, а если ее сейчас в природе не существует, если она еще не выросла и не создана, то что, спрашивается, — отменить литературу, или нет?

Что представляет собой литература? Литература есть прежде всего начало всякого просвещения. Если мы в нашей Советской России ставим лозунг “долгой неграмотности”, то первое, что нам надо иметь, это литературу. И именно художественную литературу. Без этого мы не будем иметь достаточного просвещения. Тот, кто не читает научную книжку, тот будет читать художественную книжку. Художественная литература имеет очень большое значение, и если мы не дадим ее массе, то мы страшно задержим развитие. Тут выступает на сцену вопрос: вы пугаетесь, если в данном художественном произведении есть какой-нибудь уклон? Будьте уверены, что масса, прочитав определенное произведение со скверной идеологией, последнюю отметет от себя и оставит только одно хорошее, впитав его в себя. Без этого питания она не может обойтись. Это, естественно, не значит, что нужно той или иной уклон скрывать; это не значит, что нужно свою литературу изгонять. Но ваша постановка вопроса и практические результаты есть объективно вреднейшие результаты. Это надо прямо сказать.

Ф. РАСКОЛЬНИКОВ

Если вы возьмете старый небольшевистский журнал, даже такой, как “Современный мир”²⁸, то вы увидите, что там проводился совершенно определенный дуализм. Там считалось, что общественно-публицистический отдел должен придерживаться определенного направления, а отдел художественной литературы может быть совершенно автономным. Поэтому под одной обложкой можно было встретить: в литературном отделе — роман Арцыбашева “Санин”, а в публицистическом отделе — марксистские статьи Плеханова.

Какова же была на этот счет наша старая большевистская традиция в прежнее время? До революции мы не располагали таким количеством средств, чтобы издавать литературный журнал. Но в нашей рабочей газете “Правда” тоже был свой беллетристический отдел. И мы там печатали произведения

своих, пролетарских писателей. Но не печатали ни Арцыбашева, ни Леонида Андреева.

Все эти арцыбашевы и другие буржуазные литераторы для того времени тоже были своего рода попутчиками. Разумеется, если бы мы обратились к ним, то они охотно бы дали нам для рабочей газеты свои произведения, чтобы приобрести себе популярность среди рабочих. Но мы намеренно отгораживались от них и старались найти в толщах пролетарских масс своих пролетарских писателей. Теперь мы имеем целое поколение таких писателей и поэтов, которые начали свою работу в старой, дореволюционной "Правде". В 1914 г. присутствующий здесь тов. Каменев принимал непосредственное участие в выпуске первого литературного сборника пролетарских писателей²⁹. Основоположником пролетарской поэзии в то время был Демьян Бедный и вместе с ним целая плеяда пролетарских поэтов, работавших в старой "Правде".

И вот теперь та линия, которую защищает и проводит тов. Воронский, представляет собою явное искажение нашей большевистской линии в области художественной литературы. Когда мы, товарищи, возражаем против печатания одиозных вещей Пильняка, Алексея Толстого, то мы этим вовсе не хотим сказать: "К стенке Пильняка, назад за границу А. Толстого". Эти писатели, каждый в своем роде, конечно, талантливы, и мы совершенно не хотим создавать для них атмосферу бойкота и вовсе не требуем, чтобы им было воспрещено печататься на территории Советского Союза. Мы только стремимся исправить нашу партийную политику в художественной литературе. Мы настаиваем только на том, чтобы эти чуждые, а порою враждебные нам авторы перестали находить себе гостеприимный прием на страницах наших партийных и советских изданий. Сейчас, напр., открывается буржуазный журнал "Русский современник"³⁰. Нет никакого сомнения в том, что часть литераторов, собранная тов. Воронским, утечет туда, так как там, по-видимому, будет более высокий гонорар, а большинство этих писателей являются "бутербродными", как совершенно верно отметил здесь тов. Вардин. Но нам, товарищи, в нашей партийной и советской литературе надо проводить последовательную политику. В наших журналах отделы публицистики и художественной литературы должны составлять законченный монолит. Мы не можем допустить того дуализма, который проводит тов. Воронский. Он сам лучше кого бы то ни было дает убийственную характеристику своих писателей, которых он сгруппировал в "Красной нови". (Читает.) Я не обвиняю тов. Воронского за то, что он это пишет. Он это пишет совершенно справедливо. Но я обвиняю его в том, что он произведения этих авторов печатает

в нашем советском журнале под маркой Государственного издательства. (*Голос с места: "Они печатают не только это"*.) Они печатают еще гораздо худшие вещи. Они печатают "Тарзана", "Месс Менд"³¹, эту пинкертоновщину самого бульварного типа. Я не говорю, что всех этих авторов надо бойкотировать или "тащить и не пущать". Конечно, сколько им угодно, они могут печататься, но только не в наших советских, партийных журналах и не на рабоче-крестьянские средства. Далее имеется такой критик — Правдухин, который является присяжным истолкователем современных литературных течений для читателей "Красной нови". Посмотрите, что он пишет в этом журнале Воронского. (*Читает.*)

В заключение несколько слов относительно теории тов. Воронского, развитой им в статье "Искусство как познание жизни"³². Я утверждаю, что эта статья представляет собою худший вид вульгаризации марксизма. Еще Плеханов в статье "Искусство и общественная жизнь" указывал, что в жизни каждой страны иногда бывают такие моменты, когда преобладание получает теория чистого искусства или, иначе говоря, искусства для искусства. Это происходит как раз в те исторические моменты, когда создается непримиримый разлад между писателем и окружающей его общественной средой. Эта формула чистого искусства, сознательно убегающего от всякой жизни, нашла себе место в искусственной расплывчатой и не марксистской формулировке Воронского — искусство как познания жизни. Не искусство как познание жизни, а искусство как продукт общественных отношений — вот единственно правильный марксистский взгляд на искусство.

ВЯЧ. ПОЛОНСКИЙ

Тов. Вардин подчеркивает, как уже подметил тов. Осинский, что перед нами стоит не художественная проблема, а проблема политическая. Но разве это не позволяет нам говорить о проблеме с литературной точки зрения? Ведь смысл данной политической проблемы в том-то и заключается, чтобы художественная литература у нас развивалась и росла. Политическая эта проблема будет разрешена именно тогда, когда при обсуждении нашего вопроса не будут игнорироваться его конкретные художественные особенности. А тов. Вардин, очевидно, полагает, что постановка вопроса о политике партии в художественной литературе позволяет нам попросту забыть, что мы говорим о литературе художественной, а не какой иной. Вардин отмахивается от особенностей художественной литературы, он не желает считаться с присущими ей

законами, и здесь лежат все причины его ошибок. Если Воронский — пораженец, как заявляют товарищи “напостовцы“, то, конечно, Вардин — настоящий ликвидатор, потому что его резолюция есть не что иное, как попытка ликвидировать художественную литературу. Вот что требует резолюция тов. Вардина:

“Решительное изгнание из наших изданий литературных произведений писателей, лишенных общественного значения, особенно извращающих социальные, политические и бытовые черты нашей революции, решительное изгнание из наших изданий внутренних литературных эмигрантов“.

Здесь нет ничего страшного: кто же из нас будет против изгнания из журналов и изданий новых “внутренних эмигрантов“, извращающих и так далее? Под этим пунктом можно спокойно подписаться. Здесь у нас с ним спора нет. Но вот в чем вопрос: а судьи кто? А кто именно будет судить и рядить, причислять к “извращающим“, изгонять и т.д. Это очень важно. Из другого пункта той же резолюции тов. Вардина мы узнаем, кого прочит он на эту роль. Он требует превращения “ассоциации пролетарских писателей в опорный пункт партии на литературном фронте“.

Вот из-за чего тов. Вардин огород городит. Он желает диктатуры своей ассоциации, диктатуры ВАППа, он добивается гегемонии в художественной литературе, чтобы ВАПП получил мандат от ЦК судить да рядить и отлучать от литературы. Но разве в самом ВАППе нет “попутчиков“? Ведь “попутчики“ не только пильняки, которые говорят: я иду с вами, но сам по себе. “Попутчики“ также те, которые обзавелись партийными билетами, которые присваивают себе право говорить от имени партии, от имени пролетариата, хотя на деле они дальше известного предела с нами не пойдут и только прикрываются партийным билетом. Вот эти “попутчики“ более опасны, и не они ли требуют гегемонии именно потому, что у них билет в кармане? Но будет ли от этой диктатуры одной группки писателей польза художественной литературе? Даст ли она нам ее? Ведь договорился же тов. Вардин до такой чудовищной вещи, что мы, мол, можем читать что угодно, рабочему же классу этого нельзя читать. Мы будем читать все, что хотим, а рабочие будут читать только произведения ВАППа. Это, может быть, будет полезно ВАППу, но мало полезно пролетариату.

Спор о нашей художественной литературе связан с вопросом об использовании вообще квалифицированной интеллигенции. Способны ли интеллигенты становиться на точку зрения пролетариата, победившего в нашей революции, или нет? Если они способны, то нам не надо бояться обволакивания

себя этой квалифицированной интеллигенцией. Пусть белогвардейцы ждут нашей гибели от этого обволакивания. Наша же задача должна заключаться в том, чтобы заставить интеллигенцию перейти на точку зрения пролетариата. Это верно по отношению к спецам вообще и по отношению к художникам-литераторам. Их можно перевести на точку зрения пролетариата, а это значит, что они смогут взглянуть на мир глазами пролетариата. Но этого тов. Вардин не сделает разгромом и ликвидацией литературы. Вардин говорит: нам нужна комячейка в литературе. Кто же с этим спорит! Но для чего нам нужна комячейка? Не для того ли, чтобы разогнать все, что находится вне комячейки? Вы говорите о диктатуре ВАПП, для этой цели вам и нужна комячейка. Но диктатура ВАППа и будет ликвидацией литературы, так как уничтожится тот процесс, та атмосфера борьбы, без которой литература не может развиваться.

Мне кажется, нападки на Воронского в значительной мере несправедливы. Воронский выполнял верно ту задачу, которая перед нами стояла в 21-м году. Задача была разложить не только эмигрантскую интеллигенцию, не только внутреннюю эмиграцию, но разложить также буржуазную литературу, отколоть от нее жизнеспособную часть и привязать ее к нам. Это Воронский выполнил. Правда, Воронский позднее не учел изменившейся конъюнктуры. 24-й год — не 20-й и не 21-й год. Это Воронский упустил, но он постепенно исправляет свою ошибку и в самое последнее время выправляет свою линию, держа курс на литературный молодняк.

Пролетарской литературы еще нет, нужно помогать ей рождаться, и эту помощь мы окажем не тем, что будем разгонять существующую литературу, а тем, что поможем ей усвоить все то лучшее, что создано в литературе вчерашнего дня, и преодолеть эту литературу. И Воронский, и я не смотрим на литературу тех, кого мы называем "попутчиками", как на Рубикон, который нельзя перейти. Эта литература — лишь ступень, которую мы должны перейти, над которой мы должны подняться. Для этого не надо разламывать эту ступень, а надо переступить через нее. Создание новой литературы не будет достигнуто ликвидацией литературы старой.

Г. ЛЕЛЕВИЧ

Тов. Осинский главным образом, а отчасти тов. Полонский здесь много рассуждали на тему о деятельности МАППа. Есть, мол, такая кучка плохих писателей, желающих добиться гегемонии в литературе. Это — неправда. Я совершенно

оставляю в стороне вопрос о том, плохи ли стихи Лелевича, плохи ли стихи Родова или нет.

Спор не об этом, а о том, что правильно в литературе — линия тов. Воронского или наша. Относительно конкуренции это неверно. Прежде всего формально. Ведь смешно в конце концов говорить о том, что кучка ловких литераторов овладела Вардиным, Волиным, овладела целым рядом других партийцев и заставила их служить орудиями личных целей. Это первое. Второе: где и когда мы говорили, что задача партийной политики в искусстве заключается в представлении гегемонии нашей группе “Октябрь”? Мы говорим, что ориентация на пролетарскую литературу необходима, и вот тут, а не в борьбе групп — основной вопрос.

Тов. Воронский говорит, что такое пролетарский писатель? Вы, мол, подразумеваете под пролетарским писателем только сложившийся исторический тип, человека, который является членом замкнутого кружка и прежде всего клянется ниспровергнуть старую литературу. Это неверно. Под пролетарским писателем мы подразумеваем художника, который, употребляя фразу Пильняка, “смотрит на мир глазами” пролетарского авангарда, который воздействует на читателя в сторону конечных задач пролетариата как класса. Это главное. Вот таких, как Демьян Бедный и Серафимович, мы считаем истинными пролетарскими писателями, хоть они и не входят в “Октябрь”.

Тов. Воронский говорит, что мы хотим уничтожить всю литературу и что в случае осуществления наших взглядов должно остаться пустое место. Правда, мы не имеем таких мастеров, как Пушкин, Гоголь, Гете. Правда, у нас нет пролетарских гениев. Но и у буржуазии сейчас нет ни Пушкина, ни Гоголя, ни Гете. Поэтому требовать монументальных гениев совершенно бесполезно, их не имеется и в современной буржуазной литературе. Это первое.

Второе. Разумеется, можно спорить о том, удачно ли то или иное отдельное произведение, талантлив ли тот или иной отдельный писатель, и тут возможны некоторые расхождения даже в среде одного течения, среди единомышленников.

Но надо совершенно определенно сказать, что пролетарская литература уже сейчас насчитывает целый ряд художников, которые могут поспорить по своему творчеству, разумеется, не с Пушкиным и Гоголем, но во всяком случае с современными представителями иноклассовой литературы. Прежде всего два примера. Пусть назовут мне хотя бы одно произведение попутнической или буржуазной поэзии 23-го года, которое по своему творческому размаху и широте показа революции равнялось бы поэме Безыменского “Комсомолия”.

Пусть назовут в области попутнической и буржуазной беллетристики 23-го года хоть одно произведение, которое по глубине захвата, по ценности идеологической и художественной могло бы сравниться с “Железным потоком” Серафимовича. Вот два произведения пролетарских писателей, написанные в прошлом году, с которыми ни одно из прошлогодних произведений попутнической и буржуазной литературы сравниться не может.

Это, товарищи, факт достаточно показательный. Даже эти два примера доказывают, что разговорчики о том, что у нас пролетарская литература ничего из себя не представляет, — пустые разговорчики. Целый ряд выдающихся художников слова вышел уже из среды рабочего класса. Имена Демьяна Бедного, Серафимовича, Либединского, Безыменского и ряд других свидетельствуют об этом. (*Голос с места*: “*Это только группка!*“.) Мы говорим не о группе, а о пролетарской литературе. (*Голос с места*: “*Артем Веселый?*“.) Артем Веселый в настоящий момент является пролетарским писателем. Перед ним — большие опасности. Если он им не поддастся, то он и впредь останется пролетарским писателем. Пролетарская литература уже представляет из себя серьезную и мощную художественную силу. Конечно, перед ней еще большие задачи. Нам нужно иметь не один “Железный поток“, а двадцать “Железных потоков“. Нам надо не одну “Комсомолию“, а двадцать пять “Комсомолий“ с еще более глубоким подходом, с развернутым сюжетом.

Но так как попутчики, например, не дали ни одного “Железного потока“, а пролетарская литература дала, то нечего говорить, что мы не в состоянии художественно конкурировать с буржуазной попутнической литературой. Тут необходимо помнить еще одно: пролетарская литература — это не кучка и не группка, это — широкое массовое движение. Низовые пролетарские ячейки — рабфаковские, фабрично-заводские, красноармейские, районные и др. литературные кружки — это громадный источник творческих сил. Если бы у нас были только они, только эти массовые зародыши, то и тогда мы были бы сильны. Но у нас кроме них, уже выявилась шеренга пролетарских писателей-мастеров, и у партии безусловно есть на кого ориентироваться, если она перестанет ориентироваться как на главную силу на попутническую и буржуазную литературу.

II. БУХАРИН

Мне кажется, что вопрос большинством товарищей, которые здесь выступали, ставится чрезвычайно упрощенно, ста-

вится сплошным образом. Ведь по сути дела мы имеем три главных, основных проблемы: это вопросы о читателе, о писателе и вопрос о нашем отношении к тому и другому. И вот именно таким образом и нужно подойти к вопросам.

Если проблема ставится так, то в общем и целом она совпадает с общественной проблемой в ее более широком кругу. Было бы неправильно, если бы мы в области политической предположили, что у нас есть только один класс — пролетариат, а за пределами его имеется только одна буржуазия. Точно так же неправильно здесь выбросить из круга нашего внимания ряд проблем, которые составляют трудность решения задачи, ибо трудность как раз и заключается в том, что у нас нет сплошного читателя и нет сплошного писателя. Поэтому нет и не может быть сплошного решения вопроса.

Само собой разумеется, что в этом хаосе есть некоторое основное, доминирующее начало, точно так же, как и в политике это доминирующее начало есть рабочий класс, во главе которого стоит наша коммунистическая партия. Поэтому подразумевается, что у нас должно быть основное устремление в определенную сторону, поскольку речь идет об определенной конечной цели, и все отчасти связано с этой конечной целью. Я стою на очень радикальной позиции, как многим известно, но для меня это абсолютно не решает вопроса во всей его сложности, как он сейчас есть. Я думаю, что мы можем стремиться и должны стремиться к тому, чтобы во всех областях идеологической и научной жизни, даже в математике, у нас в конце концов был определенный подход, специфический для нас. Из этого вырастает новый дух культурных отношений.

Но, товарищи, к сожалению, это только сплошная подготовка вопроса, которая не исчерпывает специфических трудностей и переходных ступеней. Ясно, что мы не должны отмахиваться от проблемы создания пролетарской литературы, мы не должны отмахиваться от того, чтобы всячески поддерживать ростки, которые имеются. Мы ни в коем случае не имеем права отказываться от этого, наоборот, мы должны понять, что это есть то динамическое начало, которое в конце концов и составляет сердцевину нашего бытия. Но мне кажется, что журнал “На посту” упрощает задачу. Он думает, что у нас есть пролетариат, но что у нас нет промежуточных группировок и что поэтому задача заключается в том, чтобы в любом писателе открывать, что он не чистый пролетарий по своему художественному миросозерцанию, и обрушивать на него огромнейшие дубины, которые организационно воплощаются в МАППе и т.п. организациях.

Вот в чем и заключается неправильная постановка вопроса. У нас должна быть крестьянская художественная литера-

тура. Ясное дело, мы должны давать ей ход. Должны ли мы ее душить за то, что она не пролетарская? Это бессмысленно. Мы должны вести такую политику, чтобы постепенно, с такой постепенностью, с какой мы ведем крестьянство, учитывая весь его вес и его особенности, вести его по линии раскрестьянивания, точно так же и в области художественной литературы, как и во всех других идеологических областях. Мы должны эту крестьянскую литературу тащить на буксире за литературой пролетарской³³. Если так стоит вопрос относительно читателя, то так же стоит он и относительно писателя. Мы должны во что бы то ни стало лелеять ростки пролетарской литературы, но мы не должны шельмовать крестьянского писателя, мы не должны шельмовать писателя для советской интеллигенции. Не забудьте, что культурная проблема отличается от боевой проблемы тем, что она не может быть решена в ударном порядке, средствами механического насилия. Она так же точно не может быть решена кавалерийским наездом, кавалерийским наскоком. Она должна быть решена комбинированным методом, соответствующим разумной критике. А главное — *конкуренцией* в области соответствующей продукции.

Нужно в конце концов понять, что наши пролетарские писатели должны заниматься не писанием тезисов, как они до сих пор занимаются, а писанием литературных произведений. (*Аплодисменты.*) До крайней степени надоело читать бесконечные платформы. Они похожи друг на друга, как две капли воды. Они надоли до последней степени. Дать вместо 20 платформ, как бы хорошо они ни звучали, какими бы ортодоксальными они ни были, одно хорошее литературное произведение, — вот в чем заключается все дело, ибо то, что у нас происходит в области наших литературных организаций, есть величайшая подмена проблемы. Вот в этом заключается основное зло. Вместо того, чтобы делать то дело, которое нужно, т.е. идти в гущу жизни, наблюдать, обобщать, постараться ухватить возможно больше сторон теперешней жизни, вместо этого выдумывают из головы тезисы.

С этим нужно покончить. И мне кажется, что лучшим средством загубить пролетарскую литературу, сторонником которой я являюсь, величайшим средством ее загубить является отказ от принципов свободной анархической конкуренции (*голоса: "Браво! правильно!"*), потому что нельзя сейчас выработать хороших писателей, которые бы не прошли определенной литературной, жизненной школы, жизненной борьбы, которые бы не завоевали себе места, не отвоевали бы каждой пяди своей позиции в этой борьбе. Если мы, наоборот, станем на точку зрения литературы, которая должна

быть регулирована государственной властью и пользоваться всякого рода привилегиями, то мы не сомневаемся, что в силу этого мы погубим пролетарскую литературу. Мы сделаем из нее бог знает кого. Разве, товарищи, мы не видим, что в области нашей пролетарской литературы есть большой грех, — писатель написал 2—3 произведения, и он уже начинает себя стричь под гребенку Гете?..

Я уже указал на те задачи, которые стоят перед пролетарскими писателями и которые я назвал: быть динамической силой. Я повторяю, что это и есть наша перспектива. Но нам нужно, повторяю я, понять, что у нас особые методы решения этого перспективного плана. Отсюда вытекает целый ряд вопросов, которых не понимает группа “На посту”. Литературная критика выступает в качестве такого человека или в качестве такой группы, которая формулирует наше общественное мнение. Должен ли такой человек или такая группа тащить за собой “попутчиков”, должен ли он их постепенно привлекать, как мы привлекаем к себе крестьян? Конечно, должен. Должно ли, можно ли его “привлекать”, ошарашивая его дубиной по голове, беря его в тиски так, что тот не может дышать. В этом состоит все.

Мне кажется, что читатель у нас разный. Писатель у нас тоже разный. Поэтому метод разрешения вопросов не может быть сплошным, одинаковым во всех случаях. Основная задача заключается в том, что читатель должен подниматься таким образом, чтобы его вел за собой пролетарский писатель. Нужно, чтобы пролетарский писатель в конце концов начал вести за собой пролетарского читателя. Он это может сделать. Пролетарский писатель должен завоевать себе определенный художественный авторитет, создать себе право на руководство этим читателем так же, как наша партия и рабочий класс завоевали себе в сознании самых широких масс трудящихся определенное право на руководство, доказав это не тезисами, а всей своей практической работой.

Затем, еще одно маленькое замечание в конце. Товарищи, мне кажется, нужно понять, что нельзя строить целый ряд организаций по тому типу, по которому строится партия, профсоюзы, армия. Нужно понимать, что в определенную эпоху, в особенности по отношению к культурным задачам, мы должны выставить другие организационные принципы. Дело, конечно, сейчас не в названии, но я настаиваю, что это должна быть совершенно добровольная организация, очень подвижная организация, а не такая организация, которая живет на субсидию. (Смех.) Группировки здесь могут быть многообразны, и чем больше их будет, тем лучше. Они могут отличаться в своих оттенках. Партия должна намечать об-

щую линию, но нам нужна все-таки известная свобода движения внутри этих организаций. Это не то, что партия с ее дисциплиной, это не то, что профсоюзы — это организация совершенно другого типа. Очень часто ставится вопрос так, что от партии требуют разрешения всех вопросов художественной политики, точно так же, как партия дает ответ на мелкие вопросы политической и прочей жизни. Это совершенно неправильная методология партийной культурной работы, ибо она имеет свои особенности.

Вот те замечания, которые я хотел здесь сделать.

Л. АВЕРБАХ

Самое главное — это вопрос о перспективе. Расходясь в той или иной степени в вопросах о путях развития, его темпе и пр., в общем и целом мы с тов. Бухариным должны согласиться, поскольку он поставил перед нами правильную перспективу и указал, что вопрос о пролетарских писателях есть важнейший вопрос. Возьмите тезисы тов. Воронского. Их беда в том, что они не дают нам никакого ответа о завтра, лишены плана дальнейшей работы, не берут литературу в ее развитии. Если вы внимательно просмотрите тезисы тов. Воронского, то это в полном смысле слова течение. (*Радек с места: "Которое не течет"*.) Нет, товарищ Радек, течение, которое течет, но, к сожалению, помимо тов. Воронского, и которое его за собой увлекает. А именно в этом и заключается существо вопроса. У тов. Воронского и не может быть перспективы, потому что он не верит в силы рабочего класса. Его главный довод против "напостовцев" — имен у вас нет! Он здесь сегодня говорил, что вот, дескать, у нас дерутся всевозможные литературные кружки и организации, а писатель-то придет откуда-то из медвежьих углов, из провинциальной глуши. Вот в этом отношении у нас имеются серьезные разногласия с тов. Воронским. Процесс зарождения пролетарского писателя качественно отличается от тех форм, в которых появлялись художники раньше. Он не просто индивидуально появится откуда-то, а он может вырасти и вырастает из широкого пролетарского литературного движения, ибо мы рассматриваем писательские организации как звено той цепи, которую начинают рабкоры. Исходя из ленинского положения об эпохе культурной революции, я утверждаю, что кружок начинающих рабочих-писателей много важнее, чем отдельно выявившиеся талантливые — а это единственный критерий тов. Воронского — писатели. Наше следующее разногласие заключается в том, что мы рассматриваем процесс появления писателей не

как нечто, происходящее помимо нашей воли и нашего участия. Нет, это не просто стихийный процесс, по отношению к которому тов. Воронский настроен совершенно фаталистически, — придет, дескать, из медвежьих берлог. Мы можем и должны содействовать, создавать обстановку, окружать должной атмосферой рабочих-писателей, влиять и в известной мере — у нас издательство, и печать, и т.д. — определять выявление нового писательства. А у нас в этом отношении почти ничего не делается, хаос такой же в области руководства литературой, как и в области литературной критики.

Далее, тов. Воронскому была поставлена в 21-м году определенная задача. Надо подвести итоги тому, как она была выполнена. Тов. Воронский выполнил ее чрезвычайно однобоко, выполнил чрезвычайно неудовлетворительно. Ему было поручено разложить буржуазного писателя. Разложить буржуазного писателя нужно, но спрашивается, можно ли разложить его, вращаясь все время в кругу буржуазных писателей. Мы считаем, что действительно разложить его можно при условии, если мы будем создавать своих писателей, опираться на собственные писательские организации. Именно поэтому по части деятельности тов. Воронского у нас давние разногласия. Основываясь на работе “Молодой гвардии”, я могу утверждать, что тов. Воронский на наш молодняк вначале не обращал никакого внимания, а взявшись за него, начал с разложения кружка молодых пролетарских писателей. Тов. Воронский вообще недооценивает то исключительное значение, какое имеет писательская организация, ибо только через организацию, а не индивидуальным воздействием, мы можем проводить коммунистическую работу.

Товарищи, мы стоим сейчас перед возникновением ряда толстых буржуазных журналов, и именно деятельность тов. Воронского создала возможность их возникновения. При настоящей партийной политике в течение этих лет писатель-“попутчик” не пошел бы в буржуазные журналы, и их возникновение содействовало бы лишь политической дифференциации писателей; действительный попутчик остался бы у нас.

Г. ЯКУБОВСКИЙ

Товарищи, вопрос о художественной литературе встал сейчас в такой актуальности главным образом в виду необыкновенного культурного роста масс. Надо сказать определенно, что агитка сейчас не идет. Кто связан с читателем, с рабочим читателем, тот это знает. В ВЦСПС есть известный матери-

ал, который может подтвердить, что рабочий-читатель спрашивает художественную литературу. Читают, напр., из “попутчиков” Всеволода Иванова, читают писателей “Кузницы”, а агитка идет плохо, и сейчас агитка играет роль того свадебного генерала, который угощал “морской терминологией” и вызвал реакцию со стороны хозяев — вы бы нам что-нибудь “касающее”. Вот и современный читатель просит что-нибудь “касающее”. И если этого читателя угощают агиткой, сделанной футуристами, он судорожно отрешивается от нее. В связи с этим встает вопрос о “попутчиках”. Мы, “кузнецы”, хотим уточнить положение о “попутчиках”. Нужно разделить “попутчиков” на буржуазных и пролетарских. В связи с этим стоит вопрос о “расслоении попутчиков”. О таком расслоении говорит тов. Вардин в своих тезисах. Но не расслоение нужно, а отбор, чистка. Может быть, вы, тов. Вардин, согласитесь на чистку, которая сейчас в моде, — это было бы гораздо полезнее, нежели то расслоение, которое вами производится очень грубо, посредством оглобель.

Переходя к докладу тов. Вардина, необходимо сказать, что сущность “напостовцев”, их идеология весьма примитивна. Дело в том, что художник — это та сказочная курица, которая несет золотые яйца. Напостовцы говорят, что ее нужно зарезать, и тогда мы получим золотые яйца. Мы, “кузнецы”, протестуем против этого, потому что золотых россыпей мы от этого не получим. Вообще взгляд тов. Вардина напоминает того умного человека, который кричал невпопад: “канун вам да ладан”. Когда создается с большим трудом “Рабочий журнал”³⁴, который в дальнейшем будет превращен в массовый, тов. Вардин кричит: “канун вам да ладан”. Он призывает этот журнал сжечь. Это — точка зрения умного человека в сказке. Одновременно и мы видим такой пример: “Кузницу” отлучают от “церкви”, “Рабочий журнал” предается сожжению, но если вы возьмете последний номер “Леф”³⁵, вы найдете там наполнение заумными словами. Когда эту труху, буржуазную гниль хотят протащить в рабочее сознание, тов. Вардин, поддерживая свою идеологию, кричит: “таскать — не перетаскать”. Вот этот момент мне хочется подчеркнуть. “Кузница” стоит на точке зрения производственной и приветствует выступление тов. Бухарина. Мы хотим писать и давать хорошую производственную продукцию.

Я. ЯКОВЛЕВ

Основная опасность той политики, которую предлагает нам группа “На посту” и которую она ведет, не в том даже,

что талантливые писатели отталкиваются ею от партии и Советской власти, а в том, что действительная работа над собой писателей, поднимающихся из рядов рабочего класса, у “напостовцев” заменяется часто самохвальством и хлесткой критикой “попутчиков”. Этот путь может привести к тому, что заглухнут имеющиеся ростки здоровой, новой литературы. Против подобного пути всегда боролся тов. Ленин, и мы обязаны не допустить искажения ленинской линии. Образцом того, как самохвальством заменяется необходимая и серьезная работа над собой, серьезное изучение лучших образцов художественной литературы, может быть программа, по которой группа “Октябрь” ведет работу в кружке Рогожско-Симоновского района.

Рабочие, которые пробуют свое перо на обличительных корреспонденциях, на рабкоровской работе, в ряде лекций обучаются истории ЛЕФа, истории группы “Октябрь”, истории взаимоотношений отдельных ее членов и склоки в этой группе, истории того, откуда родилась и куда идет пролетарская литература, родившаяся с появлением десятка молодых литераторов, в большинстве интеллигентов, в группе “Октябрь”.

Как высоко ни ценить отдельных талантливых писателей этой группы, подмена работы над Пушкиным, Шекспиром, Верхарном и т.д. изучением истории “Октября” является вредным самохвальством, которое может заглушить сорной травой здоровые ростки пролетарской литературы. Это тем более ясно становится, если мы тут же сопоставим картину взаимоотношений отдельных групп писателей, отдельных писательских кружков в настоящее время.

Мне думается, сами “напостовцы” не будут отрицать того, что новый писатель, вошедший в кружки пролетарской культуры разных степеней, вступает часто в атмосферу буржуазно-литературных нравов типичной буржуазно-интеллигентской богемы и склоки. Вот этого врага не видят достаточно ясно тт. “напостовцы”. А между тем, атмосфера богемы, кружковщины и склоки создает наилучшую почву для развития настроения упадочнического характера. Никогда не было нужно так остро бороться против настроения упадочнического характера, как теперь.

Вы возьмите Либединского. Разве его произведение “Завтра” — хотя автор и октябрист, и пролетарский писатель, — не есть образец упадочнической литературы?

Вот это и другие произведения, называющие себя пролетарскими, вместо чувства бодрости, уверенности в себе, уверенности в том, что через нэп мы будем двигаться к социализму, подсобляют настроениям усталости и разочарования.

И тогда приходят товарищи, называющие себя “пролетарской литературой”, и говорят: мы берем на себя монополию представительства пролетарской литературы. Мы в праве сказать им: “Оглянитесь на себя, нет ли в вас самих тех же элементов мелкобуржуазного разложения и упадочности, что и у других?” (С мест: “Правильно, верно!”.)

Чтобы из того нового огромного рабочего слоя, который через рабкоров, селькоров, военкоров подходит к литературе, выделились и родились действительно пролетарские писатели, нужно подойти к этому слою партии вплотную, помочь ему преодолеть собственную неграмотность, познакомить его с техникой слова и лучшими образцами мировой литературы. Словом, помочь учиться, а этого “напостовцы” не делают.

К. РАДЕК

Я так же, как и тов. Вардин, не литератор (Троцкий: “Вы хорошо пишете, тов. Радек, — это клевета!”.) и подхожу к вопросу с точки зрения общественной, которая нас здесь наиболее интересует. Я думаю, что “напостовцы” сделали хорошее дело, именно — набили столько стекла, что широкие круги партии, которые до сих пор не обращали достаточно внимания на вопросы литературы, теперь принуждены до некоторой степени обратить свое внимание.

Необходимо отметить, что 99 книг из 100, которые издаются теперь в России, — это книги не коммунистические. Наша партийная пресса и наши журналы не дают критики. В большинстве случаев эта литература идет в массу партийной молодежи без критики, самотеком. Значит, здесь есть опасность мелкобуржуазного окружения. Теперь встает перед нами вопрос, как с этим бороться. В вопросе о том, поддерживать ли растущее поколение писателей из рабочей среды или примыкающую к рабочему классу литературную молодежь, у нас, естественно, никакой дискуссии не может быть. Но как, в каком темпе, какими средствами?

Я помню один разговор мой с Владимиром Ильичом по вопросу о пролетарских писателях. Владимир Ильич сказал: “Загубят хорошего рабочего, в котором, быть может, большая искра божья есть. Напишет человек один рассказ из пережитого, а его тащат за волосы”. Он даже ярче выразился: “Десять старых дев дуют на него, чтобы сделать его гением. И губят рабочих”.

Если мы решим, что нужно создать какие-то “паппы”, “маппы”, всякие течения и их субсидировать в таком масштабе, чтобы создавать атмосферу литературную, то мы этим,

товарищи, хороших рабочих погубим. Я буду говорить о Либединском. Когда я прочел “Неделю“ Либединского, она произвела на меня очень сильное впечатление. Но я подумал: неизвестно, сумеет ли он написать другую подобную вещь, потому что там имеется материал пережитого, а еще гадательно, сумеет ли он дальше дать что-нибудь хорошее... Перед нами стоит задача не выхватывать этих рабочих-писателей из их среды. Мы должны их, несомненно, поддерживать. Я не знаю, сможем ли мы искусственно натащить пролетарскую литературу. Но думаю, что для этого очень многое требуется.

Теперь второй вопрос: об отношении к “попутчикам“. Тов. Воронский проводил линию партии, данную ему в 21-м году. Поскольку в продолжение этих лет перед нами стояла задача принять “попутчиков“, попытаться их связать и переварить, постольку задача выполнена.

Когда вы разбираете новое литературное явление, то вы с ним носитесь, точно с чудом, между тем существует огромная масса старой литературы, которая могла бы быть использована в культурных целях.

Касаясь, попутчиков, необходимо сказать, что если сравнить то, что пишет Пильняк теперь, и что он писал в 20-м году, замечен значительный шаг вперед. Развитие идет не по одной линии. Тут громаднейшая работа, которую не может заменить литературный погром. А литературный погром для правильно поставленной задачи — очень плохой план.

В. ПЛЕТНЕВ

Товарищ Бухарин сказал, что читатель у нас разный, писатель тоже разный. Я хочу сказать, что у нас должна быть не разная, а одинаковая революционная марксистская критика. На этот пункт, никем из ораторов не затронутый, я хотел бы обратить внимание товарищей. Здесь волей-неволей приходится обращаться все-таки к т. Воронскому, к его книге “Искусство как познание жизни“. Я очень интересуюсь этим вопросом. Беру статью, читаю и вот что нахожу: “За процессом познания следует процесс действия. Человек сначала познает, потом действует“ и т.д. (*Голос Воронского: “Вы прочитайте примечание“.*) Я читал все, от корки до корки (*читает*). Из этой цитаты следует вывод: вначале де познание. И т. Воронский с чрезвычайно серьезным видом это пишет. Дальше он начинает опираться на Белинского. Конечно, Белинский — блестящий критик своего времени. И на него можно ссылаться. Но у т. Воронского, когда дело переходит к

творчеству художника, мы читаем: “Художник тот, кто видит идеи”. Это четко и ясно написано в статье.

Вот цитата из Белинского, которую т. Воронский находит вдохновенным описанием существа художественного творчества, “незыблемого и доселе”:

“Еще создания художника есть тайна для всех, — говорит Белинский, — еще он не брал в руки пера, а уж видит ясно, уже может счесть складки их платья, морщины их чела, изборожденного горестями и страстями и горем, а уже знает их лучше, чем вы знаете своего отца, брата, друга, свою мать, сестру, возлюбленную сердца; так же он знает и то, что они будут говорить и делать, видит всю нить событий, которая обовьет их и свяжет между собой”.

Тов. Воронский начал приводимую им цитату очень предусмотрительно, пропустив две с половиной строки абзаца. А в них Белинский говорит вот что:

“Итак, главный отличительный признак творчества состоит в таинственном ясновидении, в поэтическом сомнамбулизме”...

Если это, как утверждает т. Воронский, “незыблемо и доселе”, то мы в праве полагать, что позыблено кое-что в т. Воронском.

Статьи о Гоголе есть ранние работы Белинского, написанные в 1835 году. А в 1834 году в “Литературных мечтаниях” Белинский выдвинул опорные философские пункты своей критики этого периода. В этот период влияние старика Гегеля особенно четко. Белинский здесь же разворачивает свои взгляды и на просвещение. Белинский утверждал в этот период, что “творчество художника бесцельно и бессознательно”. От этого взгляда Белинский отказался впоследствии с той же решительностью, как и утверждал.

“Художник тот, кто видит идеи”, — это непосредственно вытекало из воззрений Белинского в этот период. Но насколько оно вытекает из революционно-марксистского подхода к искусству — это предоставляем судить присутствующим.

Вся эта часть книги Воронского — это можно доказать — с начала до конца носит мистический характер. Дальше т. Воронский начинает защищать объективную ценность искусства от всех людей, на него посягающих. Начинает отчаянно цепляться за эту объективную истину. Если вы познакомитесь с современной критикой, вы увидите следующее: после статей тт. Троцкого и Зиновьева относительно Павлова³⁶ и вопросов биологии и рефлексологии в “Рабочем журнале” пишут статью с попыткой опоры на это ученье, а сейчас намечается в буржуазной критике очень ясная линия. Дается научно-рефлексологический разбор Анны Карениной, Дон-Ки-

хота и т.д. Это происходит мимо нашего внимания. Когда мне приходилось выступать среди молодежи по вопросу критики, я встречал уже уклоны в биологический разрез критики, без социологически-нужного, марксистского освещения, во фрейдизм и т.п. Перед нами стоит чрезвычайно важная задача: необходимо обратить внимание на нашу критику. Говорят: “пролетарской литературы нет”. А не подумали о том, откуда взялись пролетпоэты Герасимов и другие. Демьян Бедный откуда появился? Это ли критика пролетарской литературы? Нужно поставить нашу критику на твердые ноги, нужно выдвинуть революционно-марксистскую критику, стоящую на твердых ногах. Попутчество по критической линии с попутчиками — в чем есть уклон у т. Воронского — чревато последствиями: подпадением определенной части литературы под эту критику. Статью т. Воронского берут в провинции преподаватели и защищают объективную ценность искусства. Здесь кроется большая опасность. Нам нужна революционно-марксистская единая, выдержанная критика.

Л. ТРОЦКИЙ

Мне думается, что наиболее отчетливо точку зрения группы “На посту” выразил здесь т. Раскольников, — от этого вы не уйдете, товарищи “напостовцы”. После долгой отлучки Раскольников выступал здесь со всей афганистанской свежестью³⁷, тогда как другие “напостовцы” немножко вкусили от древа познания и наготу свою стараются прикрыть, кроме, впрочем, т. Вардина, который в чем родился, в том и живет. (*Вардин: “Да, ведь, вы не слышали, что я здесь говорил!”*.) Верно, я пришел позже. Но, во-первых, я прочитал вашу статью в последнем номере “На посту”; во-вторых, я только что пробежал стенограмму вашей речи, а в-третьих, должен сказать, что можно, и не слыша вас, знать заранее, что вы скажете. (*Смех.*)

Но вернемся к т. Раскольникову. Он говорит: нам рекомендуют “попутчиков”, а разве старая, довоенная “Правда” или “Звезда”³⁸ печатала произведения Арцыбашева, Леонида Андреева и других, которых теперь непременно объявили бы “попутчиками”? Вот вам образчик свежего, не обремененного размышлениями подхода к вопросу. При чем тут Арцыбашев и Андреев? Насколько я знаю, они никем не были объявлены “попутчиками”. Леонид Андреев умер в состоянии эпилептической ненависти к Советской России. Арцыбашев был не так давно попросту выслан за границу³⁹. Нельзя же так безбожно путать! Кто такой “попутчик”? “Попутчиком” мы называем

в литературе, как и в политике, того, кто, ковыляя и шатаясь, идет до известного пункта по тому же пути, по которому мы с вами идем гораздо дальше. Кто идет *против* нас, тот не попутчик, тот враг, того мы при случае высылаем за границу, ибо благо революции для нас высший закон. Каким же образом вы можете припутывать к вопросу о “попутчиках” Леонида Андреева? (*Раскольников*: “Ну, а как же насчет Пильняка?”.) Если вы будете говорить об Арцыбашеве, а думать о Пильняке, я не могу с вами полемизировать. (*Смех. Возглас*: “*Не все ли равно?*”.) Как так: не все ли равно? Если вы называете имена, то вы должны и отвечать за них. Хорош ли Пильняк, или плох, чем хорош и чем плох, но Пильняк есть Пильняк, и о нем нужно говорить, как о Пильняке, а не как о Леониде Андрееве. Познание вообще начинается с различения вещей и явлений, а не с их хаотического смешения... Раскольников говорит: «Мы не звали в “Звезду” и “Правду” “попутчиков”, а искали и находили поэтов и литераторов в толщах пролетариата». Искали и находили! В толщах пролетариата! Но куда же вы их девали? Почему вы их от нас скрываете? (*Раскольников*: “*Они есть, например, Демьян Бедный*”.) Ах, вот как, а я и не знал, признаться, что Демьян Бедный открыт вами в толщах пролетариата. (*Общий смех.*) Вот видите, с каким багажом мы подходим к вопросам литературы: говорим о Леониде Андрееве, а думаем о Пильняке; хвалимся, что нашли в толщах пролетариата литераторов и поэтов, а на поверку за всю “толщу” отвечает один Демьян Бедный. (*Смех.*) Нельзя же так. Это легкомыслие. Нужно побольше серьезности в этом вопросе.

Попробуем, в самом деле, более серьезно подойти к тем дореволюционным рабочим изданиям, газетам и журналам, о которых здесь упоминалось. Мы все помним, что там было не мало стихов, посвященных борьбе, первому мая и пр. Все эти стихи, в сумме своей, были очень важными и значительными культурно-историческими документами. Они знаменовали революционное пробуждение и политический рост класса. В этом смысле культурно-историческое их значение не меньше, чем значение произведений шекспиров, мольеров и пушкиных всего мира. В этих беспомощных стихах — залог новой, более высокой человеческой культуры, которую создадут пробужденные массы, когда овладеют основными элементами старой культуры. Но тем не менее рабочие стихи “Звезды” и “Правды” еще отнюдь не означают возникновения новой, пролетарской литературы. Нехудожественные вирши державинского или додержавинского стиля никак не могут оцениваться как новая литература, хотя те мысли и чувства, которые искали себе выражение в этих стихах, и принадлежат

начинающим писателям из среды рабочего класса. Неверно думать, будто литературное развитие представляет собою неразрывную цепь, в которой наивные, хотя бы и искренние вирши молодых рабочих начала этого столетия являются первым звеном будущей “пролетарской литературы”. На самом деле эти революционные стихи были политическим фактом, а не литературным. Они содействовали не росту литературы, а росту революции. Революция привела к победе пролетариата, победа пролетариата ведет к преобразованию экономики. Преобразование экономики меняет культурный облик трудящихся масс. А культурный рост трудящихся создает новую базу для новой литературы и вообще для нового искусства. “Но нельзя же допускать двойственности, — говорит нам т. Раскольников, — нужно, чтобы в наших изданиях публицистика и поэзия представили собою одно целое; большевизм отличается монолитностью” и пр. На первый взгляд это соображение кажется неотразимым. На деле же оно представляет бессодержательную абстракцию. В лучшем случае это благочестивое, но не реальное благопожелание. Конечно, было бы великолепно, если бы мы имели в дополнение к нашей коммунистической политике и публицистике большевистское мироощущение, выраженное в художественной форме. Но этого нет и нет совсем не случайно. Суть дела в том, что художественное творчество по самой сути отстает от других способов выражения духа человека, а тем более класса. Одно дело понять что-нибудь и логически выразить, а другое дело — органически усвоить это новое, перестроить порядок своих чувств и найти для этого нового порядка художественное выражение. Второй процесс — органичнее, медленнее, труднее поддается сознательному воздействию и в последнем счете всегда запаздывает. Публицистика класса бежит вперед на ходулях, а художественное творчество ковыляет сзади на костылях. Ведь Маркс и Энгельс были великими публицистами пролетариата в тот период, когда класс еще по-настоящему не пробуждался. (С места: “Да, это-то правильно“.) Я вам очень благодарен. (Смех.) Но потрудитесь же сделать из этого необходимые выводы и понять, почему нет этой монолитности между публицистикой и поэзией, а это облегчит нам в свою очередь понимание того, почему в старых легальных марксистских журналах мы всегда оказывались в блоке или в полублоке с художественными “попутчиками”, иногда очень сомнительными, а то и просто фальшивыми. Вы помните, конечно, “Новое слово” — лучший из старых легальных марксистских журналов⁴⁰, в котором сотрудничали многие из марксистов старшего поколения, в том числе и Владимир Ильич. Журнал этот, как известно, вел дружбу с декадентами. Чем

это объяснялось? Тем, что декаденты были в ту пору молодым и гонимым течением буржуазной литературы. И эта гонимость толкала их в сторону нашей оппозиционности, которая имела, конечно, совсем иной характер. Но все же декаденты оказались нашими временными попутчиками. И дальше марксистские журналы (о полумарксистских и говорить нечего) вплоть до "Просвещения"⁴¹, не имели какого-либо "монолитного" художественного отдела и отводили широкое место "попутчикам". Можно было быть в этом отношении строже или снисходительнее, но "монолитной" политики в области искусства проводить нельзя было за отсутствием необходимых для этого художественных элементов.

Но Раскольникову этого по существу и не требуется. В художественных произведениях он игнорирует как раз то, что и делает их художественными. Это ярче всего выразилось в его замечательном суждении о Данте. "Божественная комедия", по его мнению, ценна для нас именно тем, что позволяет понять психологию определенного класса определенной эпохи. Ставить вопрос так — значит просто вычеркивать "Божественную комедию" из области искусства. Может быть, и пора это сделать, но только нужно тогда ясно понять суть вопроса и не бояться выводов. Если я говорю, что значение "Божественной комедии" в том, что она дает мне понимание настроения определенных классов в определенную эпоху, то тем самым я превращаю ее только в исторический документ, ибо как художественное произведение "Божественная комедия" должна говорить кое-что моим собственным чувствам и настроениям. Комедия Данте может действовать на меня угнетающе, питать во мне пессимизм, уныние, или, наоборот, приподнимать меня, окрылять, ободрять... Вот это и есть основное взаимоотношение между читателем и художественным произведением. Конечно, ничто не запрещает читателю выступить в качестве исследователя и отнестись к "Божественной комедии" только как к историческому документу. Ясно, однако, что эти два подхода лежат в двух разных плоскостях, которые связаны между собой, но не покрываются друг другом. Каким же образом мыслимо не историческое, а непосредственно эстетическое отношение между нами и средневековым итальянским произведением? Объясняется это тем, что у классового общества, несмотря на всю его изменчивость, имеются некоторые общие черты. Развившиеся в средневековом итальянском городе произведения искусства могут, как оказывается, заражать и нас. Что для этого требуется? Немного: требуется, чтобы эти чувства и настроения получили такое широкое, напряженное, могущественное выражение, которое поднимало бы их над ограниченностью тогдашней

жизни. Конечно, и Данте — продукт определенной социальной среды. Но Данте — гений. Он поднимает переживания своей эпохи на огромную художественную высоту. И если мы, относясь ныне к другим средневековым художественным произведениям только как к объекту изучения, к “Божественной комедии” подходим как к источнику художественного восприятия, то происходит это не потому, что Данте был флорентийским мелким буржуа XIII столетия, а в значительной мере несмотря на это обстоятельство. Возьмем, например, такое элементарное физиологическое чувство, как страх смерти. Само это чувство свойственно не только людям, но и животным. У людей оно нашло сперва простое членораздельное, а затем и художественное выражение. В разные эпохи, в разной социальной среде это выражение менялось, т.е. люди боялись смерти по-разному. И тем не менее то, что по этому поводу сказано не только у Шекспира, Байрона, Гете, но и у псалмопевца, способно заражать нас. (*Возглас т. Либединского.*) Да-да, я как раз пришел в тот момент, когда вы, т. Либединский, объясняли т. Воронскому в терминах политграммоты (вы сами так выразились) насчет изменчивости чувств и настроений у разных классов. В такой общей форме это бесспорно. Однако все же вы не станете отрицать, что Шекспир и Байрон кое-что говорят нашей с вами душе. (*Либединский: “Скоро перестанут говорить”.*) Скоро ли, не знаю, но несомненно, наступит эпоха, когда люди будут относиться к произведениям Шекспира и Байрона так же, как мы к средневековым поэтам, т.е. исключительно под углом зрения научно-исторического анализа. Еще раньше, однако, наступит время, когда люди перестанут искать в “Капитале” Маркса поучения для своей практической деятельности, и “Капитал” станет только историческим документом, как и программа нашей партии. Но сейчас-то мы с вами не собираемся еще сдавать в архив Шекспира, Байрона, Пушкина, и чтение их будем рекомендовать рабочим. Тов. Сосновский, например, усиленно рекомендует Пушкина, заявляя, что лет на пятьдесят его еще непременно хватит. Не будем говорить о сроках. Но в каком смысле мы можем рекомендовать рабочему Пушкина? Классовой пролетарской точки зрения у Пушкина нет, монолитного выражения коммунистических настроений и подавно. Конечно, у Пушкина превосходный язык, что и говорить, но ведь язык этот служит у него для выражения дворянского мироотношения. Скажем ли мы рабочему: читай Пушкина, чтобы понять как дворянин, владелец крепостных душ и камер-юнкер встречал весну и провожал осень? Конечно, и этот элемент есть у Пушкина, ибо Пушкин вырос на определенном социальном корне. Но то выраже-

ние, которое Пушкин давал своим настроениям, так насыщенно художественным и вообще психологическим опытом веков, так обобщено, что его хватило на наше время и, по словам т. Сосновского, хватит еще лет на пятьдесят. И когда мне говорят, что художественное значение Данте для нас определяется тем, что он выражает быт определенной эпохи, то приходится только развести руками. Я уверен, что многим, как и мне, пришлось бы за чтением Данте весьма и весьма напрячь память, чтобы вспомнить время и место его рождения, и тем не менее это не помешало бы получить художественное наслаждение, если не от всей "Комедии", то по крайней мере от некоторых ее частей. Поскольку я не историк средневековой культуры, у меня отношение к Данте преимущественно художественное. (Рязанов: «Это уже преувеличение. "Данте читать, что в море купаться," — так против Белинского выразился Шевырев, который тоже был против истории».) Я не сомневаюсь, что Шевырев действительно так выразился, как говорит т. Рязанов, но я не против истории, — это напрасно. Конечно, исторический подход к Данте законен и необходим и влияет на наше эстетическое к нему отношение, но нельзя одно подставлять вместо другого. Мне вспоминается, что писал по этому поводу Кареев в полемике с марксистами: пускай, дескать, они, марксиды (так тогда иронически величали марксистов), покажут нам, какими какими классовыми интересами продиктована "Божественная комедия". А с другой стороны, итальянский марксист старик Антонио Лабриола писал примерно так: «Пытаться истолковывать текст "Божественной комедии" накладными на то сукно, которое отправляли своим заказчикам флорентийские купцы, могут только дураки». Выражение такое помню почти дословно, ибо в полемике с субъективистами мне приходилось не раз цитировать эти строки в старые годы. Думаю, что т. Раскольников не только к Данте, но и вообще к искусству подходит не с марксистским критерием, а с критерием покойного Шулятикова, который дал в этой области карикатуру на марксизм. Против такой карикатуры и сказал свое крепкое слово Антонио Лабриола*.

*Приводим здесь дословно энергичный окрик Антонио Лабриола по адресу тех упрощителей, которые Марксову теорию превращают в шаблон и во всеобщую отмычку: «Ленивые умы... — пишет лучший итальянский философ марксизма, — охотно удовлетворяются подобными грубыми заявлениями. Какой праздник и какая радость для всех беспечных и неразборчивых людей: заполучить, наконец, в небольшом, составленном из нескольких предложений резюме всю науку и иметь возможность при помощи одного единственного ключа проникать во все тайны жизни! Свести все вопросы этики, эстетики, филологии, исторической критики и философии к одному единствен-

“Под пролетарской литературой я понимаю литературу, которая смотрит на мир глазами авангарда” и т.д., и т.п. Эти слова т. Лелевича. Великолепно, мы готовы принять это определение. Дайте нам, однако, не только определение, но и литературу. Где она? Покажите нам ее! (*Лелевич: «“Комсомолия” — вот лучшее произведение последнего времени».*) Какого времени? (*Голос с места: “Последнего года”.*) Ну, хорошо, последнего года. Я отнюдь не хочу говорить полемически. У меня к работе Безыменского отношение, которое, я надеюсь, никак нельзя назвать отрицательным. “Комсомолию” я очень хвалил, когда читал ее еще в рукописи. Но и независимо от того, можно ли по этому поводу провозглашать появление пролетарской литературы, я скажу, что Безыменского не было бы на свете как художника, если бы у нас не было сейчас Маяковского, Пастернака и даже Пильняка. (*Голос с места: “Это ничего не доказывает”.*) Нет, это доказывает по меньшей мере то, что художественное творчество данной эпохи представляет собою очень сложную ткань, которая автоматически, кружковым, семинарским путем не вырабатывается, а создается сложными взаимоотношениями, в первую голову с различными группировками попутчиков. Из этого выскочить нельзя, Безыменский не выскакивает и хорошо делает. На некоторых его вещах влияние “попутчиков” даже слишком ощутительно. Но это неизбежное явление молодости и роста. А вот т. Либединский, недруг “попутчиков”, сам подражает Пильняку и даже Белому. Да, да, пусть уж меня извинит т. Авербах, который качает отрицательно головой, хотя и без большой уверенности. Последняя повесть Либединского “Завтра” представляет собою диагональ параллелограмма, одной стороной которого является Пильняк, а другой — Андрей Белый. Само по себе это еще не беда: не мог же в самом деле Либединский родиться на “напостовской” земле как готовый писатель. (*Голос с места: “Это очень постная земля”.*) О Либединском я уже говорил после первого появления его “Недели”. Бухарин тогда, как помните, страшно расхвалил ее по экспансивности и доброте своей натуры, и похвала эта меня испугала. Пока что я вынужден констатировать чрезмерную зависимость т. Либединского от тех самых писателей — “попутчиков” и полупопутчиков, которых он и

ному вопросу и избавиться, таким образом, от всех трудностей! Таким путем глупцы могли бы низвести всю историю до степени коммерческой арифметики и, в конце концов, новое оригинальное толкование творения Данте могло бы представить нам “Божественную комедию” в свете тех счетов на суконные товары, которые продувные флорентийские купцы продавали с великой для себя выгодой!».

Вот уж поистине не в бровь, а в глаз!

его единомышленники проклинаят в “На посту”. Вы видите снова, что художество и публицистика не всегда монолитны! Я отнюдь не собираюсь по этому поводу ставить на т. Либединском крест. Думаю, что для всех нас ясно, что общий наш долг — с величайшим вниманием относиться к каждому идейно близкому нам молодому художественному дарованию, а тем более, когда это наш же соратник по борьбе. Первое условие такого внимательного и бережного отношения — это не захваливать преждевременно и не угащать самокритики, второе условие — не ставить сейчас же крест, если человек споткнулся. Тов. Либединский еще очень молодой товарищ. Ему нужно учиться и расти. И вот оказывается, что Пильняк нужен. (*Голос с места: “Либединскому нужен или нам?”*.) Прежде всего — Либединскому. (*Либединский с места: “Но это и показывает, что я отравляюсь Пильняком”*.) К сожалению, человеческий организм может питаться только отравляясь и вырабатывая внутренние средства против отравы. В этом и состоит жизнь. Если вас высушить, как воблу, тогда не будет отравления, но не будет и питания, вообще ничего не будет. (*Смех.*)

Т. Плетнев тут в защиту своих абстракций пролетарской культуры и ее составной части — пролетарской литературы, ссылаясь против меня на Владимира Ильича. Вот уж подлинно в точку попал! На этом нужно остановиться. Недавно вышла даже целая книжка Плетнева, Третьякова и Сизова, где пролетарская культура защищается ссылками на Ленина против Троцкого. Этот метод ныне очень модный. На эту тему Вардин мог бы написать целую диссертацию. Но, ведь, вы-то, т. Плетнев, очень хорошо знаете, как обстояло дело, ибо вы сами приходили ко мне спасаться от громов Владимира Ильича, который за эту самую “пролетарскую культуру” собирался, как вы думали, прикрыть Пролеткульт целиком. А я обещал вам, что существование Пролеткульта на известных основаниях буду защищать, но что в отношении богдановской абстракции пролетарской культуры⁴² я полностью против вас и вашего протектора Бухарина и целиком согласен с Владимиром Ильичом.

Т. Вардин, который выступает теперь не иначе, как в качестве живого воплощения партийной традиции, не стесняется грубейшим образом попирать то, что писал о пролетарской культуре Ленин. Пустосвятства, как известно, на свете немало: сошлись покрепче на Ленина, а проповедай прямо противоположное⁴³. В терминах, которые не допускают никакого иного толкования, Ленин беспощадно осудил “болтовню о пролетарской культуре”. Нет, однако, ничего проще, как отделаться от этого свидетельства: конечно мол Ленин осуждал

болтовню о пролетарской культуре, но ведь он осуждал именно болтовню, а мы вот не болтаем, а серьезно взялись за дело и даже подбоченились... При этом только забывается, что резкие свои осуждения Ленин направлял как раз против тех, которые на него ссылаются. Пустосвятства, повторяю, сколько угодно: ссылайся на Ленина, а поступай наоборот.

Товарищи, выступающие здесь под фирмой пролетарской культуры, относятся к тем или другим идеям в зависимости от того, как авторы этих идей относятся к их пролеткультским кружкам. Это я проверил на своей собственной судьбе. Книга моя о литературе, которая причинила столько тревоги кое-каким товарищам⁴⁴, появилась первоначально, как некоторые может быть, помнят, в виде статей в "Правде". Писал я эту книгу в течение двух лет, во время двух каникулярных перерывов. Это обстоятельство, как сейчас увидим, имеет значение для интересующего нас вопроса. Когда появилась в виде фельетонов первая часть книги, трактовавшая о внеоктябрьской литературе, о "попутчиках", о мужиковствующих, вскрывавшая ограниченность и противоречивость идейно-художественной позиции "попутчиков", тогда "напостовцы" прямо подняли меня на щит: куда ни взглянешь, везде цитаты из моих статей о "попутчиках". Я одно время ходил весьма удрученный. (Смех.) Моя оценка "попутчиков", повторяю, считалась чуть не безупречной, сам Вардин нигде не возражал. (Вардин с места: "И сейчас не возражаю".) Вот я это самое и говорю. Но почему же теперь вы только и делаете, что косвенно, обиняками полемизируете по поводу "попутчиков"? В чем тут собственно дело? На первый взгляд совершенно не понятно. А разгадка проста: вина моя не в том, что я неправильно определил социальную природу "попутчиков" или их художественное значение, — нет, т. Вардин и сейчас, как мы слышали, "не возражает", — вина моя в том, что я не поклонился манифестам "Октября" или "Кузницы", не признал за этими предприятиями монопольного представительства художественных интересов пролетариата, — словом, не отождествил культурно-исторические интересы и задачи класса с намерениями, планами и претензиями отдельных литературных кружков. Вот в чем моя вина. И когда это обнаружилось, тогда поднялся неожиданный по своей запоздалости вопль: Троцкий — за мелкобуржуазных "попутчиков"! За "попутчиков" ли я или против? В каком смысле "за" и в каком смысле "против"? Об этом вы знали почти два года тому назад из моих статей о "попутчиках". Но тогда вы соглашались, хвалили, цитировали, одобряли. А когда год спустя оказалось, что моя критика "попутчиков" вовсе не есть простое вступление к тому, чтобы поднять на щит тот или иной

сегодняшний ученический литературный кружок, тут-то литераторы и защитники этого кружка, или вернее этих кружков, и стали что-то такое мудрить насчет моего будто бы неправильного отношения к “попутчикам”. О, стратеги! Преступление мое не в том, что я неправильно оценил Пильняка или Маяковского, — ничего тут “напостовцы” не прибавили, а только повульгарнее повторили уже сказанное, — преступление мое в том, что я задел их собственную литературную мануфактуру. Да, именно литературную мануфактуру! Во всей их бранчивой критике нет и тени классового подхода. Тут подход конкурирующего литературного кружка — и только.

Я упомянул “мужиковствующих”, а мы слышали тут, что “напостовцы” эту главу особенно одобряют. Мало одобрять, надо понять. В чем тут дело с мужиковствующими “попутчиками”? А дело в том, что явление это вовсе не случайное и не маленькое и не скоропреходящее. У нас, извольте не забывать, диктатура пролетариата в стране, населенной главным образом мужиками. Интеллигенция меж этих двух классов, как между жерновов, понемножку растирается и снова возникает и не может быть растерта вконец, т.е. сохранится как “интеллигенция” еще долго, до полного развития социализма и очень значительного подъема культуры всего населения страны. Интеллигенция обслуживает рабоче-крестьянское государство, подчиняется пролетариату, отчасти за страх, отчасти за совесть, колеблется и будет колебаться в зависимости от хода событий и ищет своим колебаниям идейную опору в крестьянстве, — отсюда советская литература мужиковствующих. Каковы ее перспективы? Враждебна ли она нам в корне? Путь этот — к нам или от нас? А это зависит от общего хода развития. Задача пролетариата состоит в том, чтобы, сохраняя всестороннюю гегемонию над крестьянством, привести его к социализму. Если бы мы потерпели на этом пути неудачу, т.е. если бы между пролетариатом и крестьянством произошел разрыв, то и мужиковствующая интеллигенция, вернее девяносто девять процентов всей интеллигенции, вернулась бы враждебно против пролетариата. Но такой исход ни в коем случае не обязателен. Курс мы держим, наоборот, на то, чтобы привести крестьянство под руководством пролетариата к социализму. Путь этот очень и очень длительный. В процессе его и пролетариат, и крестьянство будут выделять свою новую интеллигенцию. Не нужно думать, что интеллигенция, выдвинутая из пролетариата, является тем самым на сто процентов пролетарской интеллигенцией. Уже тот факт, что пролетариат вынужден выделять из себя особый слой “культурных работников”, означает неизбежно большую или

меньшую культурную разобщенность между отсталым классом в целом и выдвинутой им интеллигенцией. Тем более это относится к крестьянской интеллигенции. Путь крестьянства к социализму совсем не тот, что путь пролетариата. И поскольку интеллигенция, даже архисоветская, не способна слить свой путь с путем пролетарского авангарда, постольку она стремится найти для себя опору, политическую, идейную, художественную, в мужике, реальном или воображаемом. Тем более это проявляется в художественной литературе, где у нас есть старая народническая традиция. За нас это или против нас? Повторяю: ответ целиком зависит от всего дальнейшего хода развития. Если приведем крестьянина на пролетарском буксире к социализму, — а мы твердо верим, что приведем, — тогда и творчество мужиковствующих вольется сложными и извилистыми путями в будущее социалистическое искусство*. Вот эту сложность вопросов и в то же время ее реальность и конкретность “напостовцы“, да и не они одни, совершенно не поняли. В этом основная ошибка. Разговаривать о “попутчиках“ вне этой социальной основы и перспективы значит просто языки чесать.

Позвольте, товарищи, сказать еще несколько слов о тактике т. Вардина в области литературы, взяв хотя бы за основу его последнюю статью в “На посту“. По-моему, это не тактика, а скандал! Тон чудовищно высокомерен, а знаний и понимания убийственно мало. Нет понимания искусства как искусства, т.е. как особой, специфической области человеческого творчества. Нет и марксистского понимания условий и путей развития искусства. Взамен этого есть недостойное жонглирование цитатами из заграничных белогвардейских органов, которые, видите ли, похвалили т. Воронского за издаваемые им произведения Пильняка или должны были похвалить, или сказать кое-что такое, что направлено против Вардина и, стало быть, за Воронского, и прочее в том же духе косвенных улик, которые должны возместить недостаток знания и понимания. Последняя статья т. Вардина построена на том, что белогвардейская газета одобрила Воронского против Вардина,

*Наряду с этим основным классовым соотношением у нас теперь в связи с ростом буржуазии на основах нэпа происходит — по старым наезженным колеям — восстановление буржуазной идеологии, которая, конечно, захлестывает и художественное творчество. В этом именно смысле я писал в своей книге, что наряду с гибкой и дальнзоркой политикой в области искусства нам необходима решительная и суровая, разумеется, немелочная цензура. Это значит: наряду с постоянной идейной борьбой за влияние на лучшие творческие элементы мелкобуржуазной, крестьянской или мужиковствующей интеллигенции, нам необходима суровая политическая борьба со всякими попытками реставраторов подчинить буржуазному влиянию новое советское искусство.

написавши, что весь бой пошел, как только Воронский стал относиться к литературе с литературной точки зрения. “Тов. Воронский, своим политическим поведением, — так говорит Вардин, — вы этот белогвардейский поцелуй вполне заслужили“. Но ведь это инсинуация, а не анализ вопроса! Если Вардин собьется в таблице умножения, а Воронский в этом совпадает с белогвардейцем, знающим арифметику, то тут для политической репутации Воронского ущерба еще нет. Да, к искусству надо относиться как к искусству, к литературе — как к литературе, т.е. как к совершенно специфической области человеческого творчества. Конечно, у нас есть классовый критерий и в искусстве, но этот классовый критерий должен быть художественно преломлен, т.е. сообразован с совершенно специфической особенностью того творчества, к которому мы наш критерий применяем. Буржуазия это прекрасно знает, она тоже подходит к искусству со своей классовой точки зрения, она умеет получить от искусства то, что ей нужно, но именно благодаря тому, что она подходит к искусству как к искусству. Что же мудреного, если художественно-грамотный буржуа неуважительно относится к Вардину, который подходит к искусству с точки зрения косвенных политических улик, а не с художественно-классовым критерием? И если мне чего совестно, так не того, что у меня в этом споре может оказаться формальное совпадение с каким-либо понимающим искусство белогвардейцем, а того, что я вынужден перед лицом этого белогвардейца разъяснять рассуждающему об искусстве партийному публицисту первые буквы в азбуке искусства. Какая это вообще дешевка: вместо марксистского анализа вопроса найти цитату из “Руля“ или “Дней“⁴⁵ и вокруг нее наворачивать брань и инсинуации!

Нельзя подходить к искусству так, как к политике, — не потому, что художественное творчество есть священнодействие и мистика, как здесь кто-то иронически говорил, а потому, что оно имеет свои приемы и методы, свои законы развития и прежде всего потому, что в художественном творчестве огромную роль играют подсознательные процессы — более медленные, более ленивые и менее поддающиеся управлению и руководству — именно потому, что они подсознательные. Здесь было сказано, что те вещи Пильняка, которые ближе к коммунизму, слабее тех его вещей, которые политически дальше от нас. Чем это объясняется? Да именно тем, что в рационалистическом плане Пильняк опережает себя как художника. Сознательно повернуть себя вокруг собственной оси хотя бы только на несколько градусов — это для художника труднейшая задача, нередко связанная с глубоким, иногда со смертельным кризисом. А перед нами стоит задача

не индивидуального или кружкового, а классового социально-го поворота творчества. Это процесс длительный, многосложный. Когда мы говорим о пролетарской литературе не в смысле отдельных, более или менее удачных стихотворений или рассказов, а в том несравненно более полновесном смысле, в каком мы говорим о буржуазной литературе, мы не имеем права ни на минуту забывать чрезвычайную культурную отсталость подавляющего большинства пролетариата. Искусство создается на основе постоянного бытового, культурного, идейного взаимодействия между классом и его художниками. Между аристократией или буржуазией и ее артистами не было повседневного разрыва. Художники жили и живут в буржуазной обстановке, вдыхают в себя воздух буржуазных салонов, получали и получают от своего класса повседневные подкожные внушения. Этим-то и питаются подсознательные процессы их творчества. Представляет ли современный пролетариат такую культурно-идейную среду, не выходя из которой в повседневной жизни новый художник мог бы получать все необходимые ему внушения и овладевать в то же время приемами своего мастерства? Нет, рабочие массы культурно чрезвычайно отстали; малограмотность и безграмотность большинства рабочих представляет уже сама по себе величайшее препятствие на этом пути. А сверх того пролетариат, поскольку он остается пролетариатом, вынужден лучшие свои силы расходовать на политическую борьбу, на восстановление хозяйства и на элементарнейшие культурные потребности, на борьбу с безграмотностью, вшивостью, сифилисом и пр. Конечно, можно и политические методы, и революционные навыки пролетариата назвать его культурой; но это во всяком случае та культура, которой предстоит отмирать по мере того, как будет развиваться новая, настоящая культура. А эта новая культура будет тем более становиться культурой, чем менее пролетариат будет оставаться пролетариатом, т.е. чем успешнее и полнее будет разворачиваться социалистическое общество.

Маяковский написал очень сильную вещь "Тринадцать апостолов", революционность которой еще довольно туманна и бесформенна. А когда тот же Маяковский решил повернуть себя на пролетарскую линию и написал "150 миллионов", у него получились жесточайшие рационалистические провалы. Это значит, что он в порядке логическом обогнал свою творческую подоплеку. У Пильняка, как мы уже говорили, наблюдается подобное же несоответствие между сознательным устремлением и подсознательными процессами творчества. К этому нужно только добавить, что и архипролетарское происхождение само по себе не дает писателю в нынешних услови-

ях никаких гарантий того, что творчество его будет находиться в органической связи с классом. И кружок пролетарских писателей этой гарантии не дает именно потому, что он, отдаваясь художественному творчеству, вынужден в данных условиях вырваться из среды своего класса и дышать той же в конце концов атмосферой, что и “попутчики”. Это — литературный кружок среди кружков.

Я насчет так называемой перспективы еще хотел сказать, но время мое давно истекло. (*Голоса: “Просим, просим”.*) “Дайте нам по крайней мере перспективу”, возражают мне. Что это значит? “Напостовцы”, да и другие союзные им кружки, держат курс на пролетарскую литературу, создаваемую кружковым, лабораторным путем. Вот эту перспективу я отвергаю целиком. Я снова повторяю, что нельзя ставить в один исторический ряд феодальную литературу, буржуазную и пролетарскую. Такая историческая классификация в корне порочна. Я об этом говорил в своей книге, и все возражения показали мне неубедительными и несерьезными. Те, кто говорят о пролетарской культуре всерьез и надолго, которые из пролетарской культуры делают платформу, мыслят в этом вопросе по формальной аналогии с буржуазной культурой. Буржуазия взяла власть и создала свою культуру; пролетариат, овладев властью, создаст пролетарскую культуру. Но буржуазия — класс богатый и потому образованный. Буржуазная культура существовала уже до того, как буржуазия формально овладела властью. Буржуазия овладела властью, чтобы увековечить свое господство. Пролетариат в буржуазном обществе — неимущий и обездоленный класс, и потому культуры своей создать не может. Овладев властью, он только впервые по-настоящему и убеждается в своей ужасающей культурной отсталости. Чтобы победить ее, ему нужно уничтожить те условия, которые сохраняют его как класс. Чем больше можно будет говорить о новой культуре, тем меньше она будет носить классовый характер. В этом — основа вопроса и главное разногласие, поскольку речь идет о перспективе. Иные, отступая с принципиальной позиции пролетарской культуры, говорят: мы имеем в виду именно только переходную эпоху к социализму — те самые двадцать, тридцать, пятьдесят лет, в течение которых будет перестраиваться буржуазный мир. Можно ли предназначенную и пригодную для пролетариата литературу, которая будет в этот период создаваться, назвать пролетарской литературой? Во всяком случае мы придаем при этом термину “пролетарская литература” совсем-совсем не то значение, что в первом, широком замысле. Но главный вопрос не в этом. Основной чертой переходного периода, взятого в международном масштабе, является на-

пряженная классовая борьба. Те двадцать — пятьдесят лет, о которых мы говорим, явятся прежде всего периодом открытой гражданской войны. А гражданская война, подготовляющая величайшую культуру будущего, крайне неблагоприятна для сегодняшней культуры. Непосредственным своим действием Октябрь как бы убил литературу. Поэты и художники замолчали. Случайно? Нет. Давно сказано: когда звенит оружие, молчат музы⁴⁶. Понадобилась передышка, чтобы могла ожить литература. Она у нас начинает возрождаться вместе с энпом. Ожив, она сразу окрашивается цветом попутчиков. Нельзя не считаться с фактами. Наиболее напряженные моменты, т.е. те, в которые наша революционная эпоха находит свое высшее выражение, неблагоприятны для литературного и вообще художественного творчества. Если завтра начнется революция в Германии или в Европе, даст ли она нам непосредственный расцвет пролетарской литературы? Ни в коем случае. Она сдавит, сожмет, а не развернет художественное творчество, ибо нам снова придется мобилизоваться и поголовно вооружиться. А когда звенит оружие, тогда музы молчат. (*Возгласы: "Демьян не молчал"*.) Да нельзя же в конце концов так: Демьян да Демьян. Вы начинаете с того, что провозглашаете новую эру пролетарской литературы, создаете для этого кружки, ассоциации, группировки, а когда от вас требуют более конкретного предъявления пролетарской литературы, вы раз за разом ссылаетесь на Демьяна. Но Демьян — продукт старой литературы, дооктябрьской. Никакой школы он не создал и не создаст. Он воспитался на Крылове, Гоголе и Некрасове. В этом смысле он революционный последыш старой нашей литературы. Самая ссылка на него есть в ваших устах отказ от себя...

Какова же перспектива? Основная перспектива — рост грамотности, просвещения, рабкоры, кино, постепенная перестройка быта, дальнейший подъем культурности. Это основной процесс, пересекающийся с новыми обострениями гражданской войны уже в европейском и мировом масштабе. На этой основе линия чисто литературного творчества будет весьма зигзагообразна. "Кузница", "Октябрь" и другие подобные объединения ни в каком еще смысле не являются верхами культурного классового творчества пролетариата, а лишь эпизодами верхушечного характера. Если из этих группировок выделится несколько хороших молодых поэтов или беллетристов, пролетарской литературы от этого еще не получится, но польза будет. Но если вы будете тшиться превращать МАПП и ВАПП в фабрики пролетарской литературы, то вы непременно сорветесь, как уже срывались до сих пор. Член такой ассоциации считает себя не то представителем

пролетариата при искусстве, не то представителем искусства при пролетариате. ВАПП дает как бы некоторое звание. Возражают, что ВАПП это есть только коммунистическая среда, где молодой поэт получает необходимые внушения и пр. Ну, а РКП? Если это действительный поэт и подлинный коммунист, то РКП всей своей работой даст ему несравненно больше внушений, чем МАПП и ВАПП. Конечно, партия должна и будет с величайшим вниманием относиться к каждому молодому родственному, идейно близкому ей художественному дарованию. Но основной ее задачей в отношении литературы и культуры является подъем грамотности — простой, политической, научной — трудящихся масс и тем самым создание базы для нового искусства.

Я знаю, что эта перспектива вас не удовлетворяет. Она вам кажется недостаточно конкретной. Почему? Потому что вы себе представляете дальнейшее развитие культуры слишком планомерно, слишком эволюционно: будут, дескать, расти и развиваться нынешние зачатки пролетарской литературы, непрерывно обогащаясь, будет создаваться подлинная пролетарская литература, затем она вольется в социалистическую литературу. Нет, развитие пойдет не так. После нынешней передышки, когда у нас — не в партии, а в государстве — создается литература, сильно окрашенная “попутчиками”, наступит период новых жестоких спазм гражданской войны. Мы будем неизбежно вовлечены в нее. Весьма возможно, что революционные поэты дадут нам хорошие боевые стихи, но преемственность литературного развития все же резко оборвется. Все силы пойдут на прямую борьбу. Будем ли мы иметь потом вторую передышку? Не знаю. Но результатом этого нового, гораздо более мощного периода гражданской войны — при условиях победы — будет полное обеспечение и укрепление социалистической базы нашего хозяйства. Мы получим новую технику, организаторскую помощь. Наше развитие пойдет иным темпом. И вот на этой-то основе, после зигзагов и потрясений гражданской войны, только и начнется настоящее строительство культуры, а следовательно, и создание новой литературы. Но это уже будет культура социалистическая, построенная целиком на постоянном общении художника и культурно выросших масс, связанных узами солидарности. Вы же исходите не из этой перспективы; у вас своя, кружковая. Вы хотите, чтобы партия от имени класса официально усыновила вашу маленькую художественную мануфактуру. Вы думаете, что посадив фасоль в цветочный горшок, вы способны взрастить древо пролетарской литературы. На этот путь мы не станем. Из фасоли никакого древа произрасти не может.

Вопрос поставлен т. Троцким не так, как он должен быть поставлен. Если бы мы здесь решили подходить к литературе только с той точки зрения, насколько то или иное произведение талантливо или неталантливо, нужно было бы собираться не здесь, а на ФОНе (Факультет общественных наук (?). — *Ред.*) или в других литературных организациях, может быть, в Академии художественных наук⁴⁷. Этот вопрос имеет большое значение. Но тут есть и другая сторона вопроса. А именно то, что всякое талантливое произведение служит определенному классу, что объективность этого произведения заключается не только в том, объективно или субъективно схватывает художник явления жизни, но и в том, служит ли оно объективно классу. И когда мы подходим к отдельным группам писателей, то судить о них мы должны по тому, какому классу их произведения служат, чью волю и чувство они усиливают, и чью волю и чувство они разлагают. Это главный вопрос. И когда на “На посту” добивался постановки этого вопроса, то он считал это первой своей задачей. Задача “На посту” вовсе не заключается в том, чтобы дискредитировать или критиковать т. Воронского. Первая задача заключалась в том, что был поставлен этот самый вопрос. В сегодняшнем номере “Правды” т. Осинский пишет статью против Луначарского. Он его охаивает хуже нас, “напостовцев”, хотя в то же время мимоходом брыкает “На посту”.

А два года назад т. Осинский провозгласил Ахматову первой писательницей земли русской после Блока. “Правда” посвящала целый ряд статей писателям, которых теперь и т. Осинский, и т. Троцкий признают чуждыми и враждебными пролетариату. Эти статьи проходили без единого возгласа протеста, и первые мы поднялись против этого. И поскольку т. Воронский, — пусть не официально, а официозно, — фактически являлся руководителем литературы, уполномоченным на это партией, нужно было сказать, правильно ли выполняет Воронский данные ему директивы, и правильно ли поступают его сторонники вроде Осинского, провозглашая Ахматову лучшей писательницей или нет. Я должен сказать, что, как бы ни говорили о резкости “На посту”, “На посту” первую свою задачу выполнил. Вопрос о руководстве художественной литературой поставлен партией, партия взялась за разрешение этого вопроса, и он будет разрешен. Мы должны не в заслугу себе отметить, а как долг, который мы должны были выполнить.

Теперь относительно метода руководства. Разрешите сказать, что “На посту” считает это второй своей задачей, но он

не выдвигал пока никаких практических методов. А вот т. Воронскому мы трижды до этого совещания предлагали совместно установить определенную линию, чтобы не было разнобоя. Первый раз мы предлагали это Воронскому еще до выхода “На посту”, в подотделе печати. Второй раз это было на квартире Авербаха уже после выхода № 2-3 “На посту”, целиком направленного против политики Воронского, осенью прошлого года, и третий — на конференции МАППа, в апреле. И вот Воронский, руководитель литературной политикой, отвечает: “Я вам доверяю”.

Я здесь от имени наших товарищей заявляю, что мы присоединяемся к позиции товарища Бухарина и отчасти т. Радека, которые принципиально стоят на позиции “На посту”. Правда, они не знакомы с практикой этого вопроса, и от этого их кажущиеся разногласия с нами. Почему мы считаем и подтверждаем это на нашем совещании, что наиболее вредной политикой была политика, которую вел Воронский? В конце концов дело не только в печатании произведений пыльников, никитиных и прочих. Не в том только, хорош или плох Пыльник, — не в этом дело. Спор идет также не о том, 10 или 15 писателей будут у нас целиком преданных рабочему классу. Вопрос стоит совсем по-другому. Здесь дело идет о литературном движении класса. О литературном движении, которое уже началось. В целом ряде городов есть организации пролетарских писателей. Здесь говорили о “бутербродах”, здесь говорили о “механических способах” и т.д. Товарищ Бухарин знает, что механических способов мы не могли употреблять, мы не имели такой возможности, у нас не было возможности применять эти механические способы, а у т. Воронского эти механические способы были в достаточной степени. Можно ли нас назвать кружком или мануфактурой, когда мы говорили и говорим не о кружке, а о широком литературном движении рабочего класса в целом? А такое движение есть. 20 человек приехали на свои собственные средства из Иркутска, Новониколаевска, из Архангельска, Ленинграда, Ростова и из ряда других городов. Литературное движение рабочего класса есть. Разве можно говорить, что мы маленький кружок, когда такая масса людей принимает самое активное участие в пролетарской литературе? Разве можно сказать, что это кружок? Я могу также перечислить целый ряд организаций. (Бухарин: “Организаций, а произведений нет“.) Организация есть, а произведений нет. (Бухарин: “Вот это-то и плохо“.) Не совсем так. Есть немного, т. Бухарин, а не то, что совсем нет... И я говорю, что для того, чтобы этих произведений было больше, мы должны организовать пролетарских писателей (смех), должны организовать,

потому что только тогда отпадут условия, которые препятствуют творчеству пролетарских писателей. Если бы мы ставили вопрос только о тех или других писателях, о 10-ти или 15-ти, то тогда действительно вопрос решался бы тем, что и как писатели должны писать. Поскольку мы имеем дело с движением, мы ставим вопрос шире. И мы даже должны были от производства перейти к статьям. И эти статьи пишет не только Вардин, Волин, но и Либединский, Безыменский и др. Я заявляю, что они будут писать статьи до тех пор, пока не будет определена партийная линия, пока литературное движение рабочего класса не победит.

Литературное движение рабочего класса стоит для нас, для каждого из нас, талантливых или неталантливых, выше таланта Безыменского или Либединского, и оно нуждается в руководстве партии. (*Бухарин: "Какое дворянское политбюро давало директивы Пушкину, когда он писал стихи?.."*)

Тов. Воронский идет против этого движения, против пролетарской литературы, он разлагает эту литературу. Он всячески старается доказать противное, мне некогда здесь касаться конкретных фактов; т. Либединский может это подтвердить. Другая сторона вопроса заключается в том, где сейчас "попутчики" т. Воронского. "Попутчики" Воронского от него разбегаются. (*Голос: "Кто?"*.) Не буду говорить сейчас обо всех, но т. Воронский носился с ними, а теперь они переходят в лагерь буржуазной литературы. Вот, например, он объявил гением некоего Леонова, а мы знаем, что Леонов печатается теперь в "Русском современнике", что за "Русским современником" стоит Эфрос и заграничный капитал и что этот журнал враждебен рабочему классу. И в этот журнал идут попутчики, разрекламированные Воронским. Поскольку вопрос о художественной литературе заключается не в том, чтобы было у нас 10 или 15 преданных рабочему классу писателей, которые писали бы хорошие вещи, и чтобы были только они и только они, а в том, чтобы поддерживать то широкое литературное движение, которое началось в рабочем классе, мы и говорим, что нам нужна, нам необходима определенная руководящая линия партии.

Здесь, товарищи, не может быть речи ни о какой гегемонии. Здесь, товарищи, все время говорили о гегемонии, которую, будто бы, мы здесь требуем. Это — демагогия. Мы должны добиться того, чтобы партия взяла на себя определенное руководство, чтобы она поставила его практически. Остается еще вопрос о методах "На посту" по отношению к "попутчикам".

Хотя мы не предлагали пока никакого конкретного плана, и эти методы выдумывают за нас, я твердо уверен, что мы,

“напостовцы“, совладеем с настоящими попутчиками лучше, чем это делал т. Воронский. (Смех. Рязанов: “Не подкожным впрыскиванием, а накожным“.) Я повторяю, что мы считаем недостаточным только редакторский подход к литературе. Мы настаиваем и говорим, что должен быть классовый подход к той или иной литературе. Поэтому мы считаем, что задача сегодняшнего совещания, хотя бы в первую очередь, поставить вопрос о том, что партия во что бы то ни стало должна овладеть литературным движением рабочего класса, а уже остальные вопросы, вопросы литературно-художественной критики или какие-либо другие мелкие вопросы, которые мы можем разрешить в соответствующем совещании, такие вопросы следует поднимать лишь после окончательного разрешения основного вопроса.

А. ЛУНАЧАРСКИЙ

Тов. Вардин требовал от т. Воронского, чтобы он подошел к вопросу с точки зрения текущего момента. Но в этом самом текущем моменте известную роль играет и самый подход партии вплотную к литературному вопросу. Ведь в сущности партия впервые ставит перед собой эту специальную задачу. Из этой черты текущего момента вытекает и некоторая опасность. Когда политики подходят к какой-нибудь области впервые, не зная специфической стороны этой области, можно ожидать суждений слишком суммарных или даже вредных мероприятий. Так отражается чисто политический подход и на ошибочных позициях “напостовцев“. Область чистой политики узка. Политика же в широком смысле слова имеет особые задачи в каждой грани государственных функций. Всегда есть опасность, что политики наделают ошибок, когда возьмутся за область, еще для них темную. Тов. Вардин прямо утверждает, что надо подойти к литературному вопросу с чисто политической точки зрения. Но как можно подойти, например, к военной политике или к политике транспортной, политике торговой с чисто политической точки зрения, не принимая во внимание особенностей военного, транспортного и торгового дела? Точно так же нельзя ставить вопрос о литературной политике, не считаясь с особыми законами искусства. Иначе, мы, действительно, можем уложить неуклюжими политическими мероприятиями всю литературу в гроб, и притом в евангельский “повапленный“ гроб, производя это последнее слово от выражения ВАПП. В самом деле, не ясно ли каждому с первого подхода, что произведение искусства политическое, не обладающее, однако, художественными до-

стоинствами, совершенно абсурдно. Допустим, что в этом произведении будет некоторое политически значительное содержание, — почему не высказать его публицистически?

Но поверните вопрос обратно. Перед нами произведение художественно гениальное, но политически неудовлетворительное. Допустим на минуту, что писатель калибра Толстого или Достоевского в наше время написал гениальный роман, политически нам чуждый. Я понимаю, конечно, что условия борьбы, в случае полной контрреволюционности такого романа, могли бы заставить нас, скрепя сердце, задушить его, но это было бы очень жаль. Если же контрреволюционности такой не было бы, а был бы только не совсем приятный уклон, или, скажем, аполитицизм, то мы, конечно, должны были бы дать жить такому роману.

Одни говорят здесь, что искусство есть особый метод познания жизни, другие — что искусство есть функция общества. Так или иначе, но гениальное художественное произведение, очевидно, ценно для нас. Либо оно непосредственно дает великолепно обрисованную картину жизни, либо, являясь функцией общества, оригинально и показательно отражает его, переводя через сознание крупного писателя. Как критики, как социологи, как государственные люди, как граждане мы были бы глубоко не правы, если бы не пользовались материалами искусства.

Конечно, задачи искусства далеки от рационалистических задач науки, но, тем не менее, художественное произведение есть определенная организация опыта. С этой точки зрения почти все произведения искусства без исключения, раз они талантливы, полезны для нас. Нужно большие широты в данном отношении. Расцвет искусства был бы великолепным источником познания страны для нас.

Откуда такие страхи, что малейшие чуждые нам или просто не совпадающие с нашими тенденциями черты в произведении искусства делают его уже ядовитым? Наш пролетариат достаточно крепок, нам нечего нежничать и бояться промочить себе ножки чужой политической водой.

Вносить ясность в такие произведения, не совпадающие с нашими политическими тенденциями, мы можем путем хорошо поставленной критики, но отнюдь не воспрещением. Надо помнить, что художник — это особый тип человека. Мы никогда не добьемся того, чтобы большинство художников были вместе с тем политиками. Художником большей частью делается как раз человек, не склонный к предельной чуткости мышления или к определенной волевой деятельности. Маркс это понимал и умел необыкновенно осторожно и нежно подойти к таким литературным явлениям, как Гете, как Гейне.

Повторяю, художник редко обладает руководящими политическими идеями. Он иначе организует свой материал. Даже в тех случаях, когда мы имеем художника из нашей собственной среды, нельзя ставить ему в его художественных произведениях узкопартийных и программных целей. Поскольку он выступает как художник, он формирует свой опыт по иным законам, чем по каким происходит работа публициста. Когда нам дают искусство под густым партийным соусом, мы очень часто констатируем потом, что нам дали фальсификат.

Конечно, художники могут выходить из разной среды, но надо помнить, что в ближайшее время они все же будут поступать к нам главным образом из интеллигенции. Ведь для того, чтобы стать писателем, нужна довольно большая грамотность. Трудно предположить непосредственное появление писателя от сохи или их глубин низового пролетариата. При этом художник тоже специалист. Ему придется затратить много времени на выработку своей формы и расширения своих горизонтов. Этим самым он, если это выходец из масс, непременно в некоторой степени отойдет от своего класса и приблизится к группе интеллигенции.

Все это заставляет меня думать, что мы ни в коем случае не должны отталкивать от себя непролетарских и некоммунистических художников.

Припомните, что говорил здесь т. Авербах? Это очень молодой товарищ, но он проявил совершенно непомерную ревность. По поводу записки писателей, оглашенной т. Яковлевым, он кричит о бунте! Он заявил, что т. Воронский развратил писателей, и в доказательство приводит записку, где писатели это заявляют, что готовы идти с нами рука об руку! Чего они просят? Они просят, чтобы их оставили художниками со всеми специфическими свойствами художников.

Если бы мы все стали на точку зрения т. Авербаха, то мы оказались бы кучкой завоевателей в чужой стране.

Боюсь, что в литературе мы рискуем впасть в новые приступы "болезни левизны"⁴⁸. Нам надо вести за собою целую огромную мелкобуржуазную страну и это возможно лишь путем тактичного овладения ее симпатиями. От нас отпугивают художников и ученых всякие симптомы нашей терпимости. Мы должны это твердо помнить. А Владимир Ильич прямо говорил, что сумасшедший коммунист может думать, что коммунизм в России может быть осуществлен только коммунистическими руками⁴⁹.

Теперь я хотел бы возразить т. Троцкому.

Тов. Троцкий неправ относительно пролетарской культуры.

У него, разумеется, есть основания ссылаться при этом на Владимира Ильича. Владимир Ильич питал большой страх перед одним как будто бы логическим рассуждением: бытом определяется сознание, стало быть, буржуазная идеология определялась буржуазным бытом, и стало быть, долой все наследие буржуазии! Исходя отсюда, надо было бы отбросить и всю нашу технику. Совершенно ясно, что здесь коренится огромная ошибка. Буржуазный быт заключал в себе целый ряд проблем, которые стоят и перед нами, и которые были разрешены буржуазией более или менее удовлетворительно, для решения которых мы не имеем сейчас более удовлетворительных способов. Владимир Ильич до крайности боялся, что мы забудем это и, отбросив ценное в наследии буржуазии, начнем выдумывать свое. С этой точки зрения он боялся и Пролеткульта. (*Голоса: "Он боялся богдановщины".*)

Он боялся богдановщины, боялся того, что у Пролеткульта могут возникнуть всяческие философские, научные, а в конце концов, и политические уклоны. Он не хотел создания рядом с партией конкурирующей рабочей организации. От этой опасности он предостерегал. В этом смысле он давал мне наличные директивы подтянуть Пролеткульт ближе к государству, подчинить его контролю. Но в то же самое время он подчеркивал, что надо предоставить известную ширь художественным программам Пролеткульта. Он прямо говорил мне, что считает совершенно понятным стремление Пролеткульта выдвинуть собственных художников. Огульного осуждения пролетарской культуры у Владимира Ильича не было.

Демьян Бедный показал мне выписку из какой-то речи Владимира Ильича, где тот требует, чтобы искусство питалось соками масс, опиралось на массы и работало на массы. Но ведь эта масса пролетарская?

И сам т. Троцкий впадает в противоречие. В своей книге он говорит, что нам нужно теперь революционное искусство. Но какое же революционное? Общечеловеческое, внеклассовое? Революция ведь у нас пролетарская. Ссылка на то, что мы не успеем развернуть пролетарское искусство, как очутимся в коммунистическом раю, где искусство будет общечеловеческим, ровно ничего не говорит.

Сравните вопрос об искусстве с вопросом о государстве. Ведь коммунизм принесет за собой не то что общечеловеческое государство, а просто уничтожит его. Однако для переходного времени мы создаем пролетарское искусство. И марксизм, и советский строй, и наши профсоюзы — это все тоже части пролетарской культуры, и как раз приспособленные для переходного времени. Почему же у нас невозможно пролетарское искусство как переходное к коммунистическому?

По всем этим соображениям я считаю единственно правильным выводом из нашей дискуссии только тот, что пролетарскую литературу нужно всячески поддерживать как нашу главную надежду, но “попутчиков” ни в коем случае не отталкивать.

Здесь говорили, что следует дать определенные директивы марксистским критикам. Да, я считаю, что наша критика хромает чрезвычайно. Но недурно было бы также дать четкую определенную линию относительно того, какими правилами должен пользоваться марксистский цензор. Все жалуются на отдельные промахи цензуры. Она создает картину нетерпимости, а я повторяю, что нам нужно организовать вокруг нашего ядра мелкобуржуазную литературу. Иначе все ее таланты, а талант всегда есть своеобразный организатор, удалятся от нас и превратятся во враждебную нам силу.

А. БЕЗЫМЕНСКИЙ

Прежде всего, товарищи, я должен сказать несколько слов по поводу выступления моего уважаемого литературного противника — т. Троцкого. Он говорил относительно того, что из фасоли (*Рязанов: “Это — повапленная фасоль”*) пролетарской литературы ничего не выйдет. Во всяком случае, товарищи, мы будем с ним в этом отношении спорить. Я до этого совещания в личной переписке полемизировал с т. Троцким, и я чрезвычайно желал, чтобы т. Троцкий был здесь, и чтобы он заявил, что мы никогда не расхваливали своей “мануфактуры”. Мы говорили, что прежде всего важны рабочие массы. Пусть Безыменский ничего не стоит, пусть энный художник ничего не стоит, важно массовое литературное движение, которое партии нужно взять в свои руки. Я лично считаю, что мы не напрасно били стекла, чтобы созвать сегодняшнее совещание, и это совещание есть первый шаг к тому, к чему мы все время стремились, — чтобы партия дала свою линию в литературе. К этому сводились все наши усилия. Пусть нас обвиняют в кружковщине, пусть нас обвиняют в сектанстве. Мне очень хочется привести правильное напоминание т. Вардина по адресу товарищей, которые смеются над нашими мучительными исканиями. Тов. Вардин проводил аналогию с насмешками над заграничной группой большевиков в дни после II съезда партии. Их не понимали. Теперь, когда мы развернули большую работу, когда мы создали кровью своей политую Всероссийскую Ассоциацию Пролетарских Писателей, мы можем перейти к творческой работе в большей, так сказать, степени. Но вместе с тем мы

говорим, что в этой творческой работе, которую мы вынесли на своих плечах, партия должна участвовать. В письме ко мне, довольно жестоком письме, т. Троцкий бросил такую фразу: “Неужели все-таки вы меня так ложно поняли, что, будто, мы своим предпочитаем других?“. Товарищи, до сих пор это положение сохранялось: нашим, своим предпочитали других. И когда т. Воронский выступает здесь как наш противник и как противник пролетарской литературы (в массе случаев это можно всячески доказать), то, товарищи, здесь явно предпочтение чужих своим.

Товарищи, мы говорим: нам нужна партийная линия. Это что значит, товарищи? Мы организовали, мы стоим во главе большого движения, растущего из низов, мы связаны с рабочей массой, с комсомольской массой, я имею смелость это утверждать. И, как связанные с этой массой, мы для партии сможем послужить приводным ремнем, который будет отсюда доставлять партии свежие литературные силы, глядящие на мир глазами пролетарского авангарда. Тут кричат о том, что мы требуем себе диктатуры. Неправда! Товарищи, мы говорим, что “ЦК играет человеком“. И пусть завтра ЦК нам скажет: “распустите все свои организации“ — и, если это для партии нужно, мы это сделаем. Но, если партия видит перед собой широкое общественное движение, растущее из низов, она не может оставаться по отношению к нему безучастной, и партия должна иметь свою линию в художественной литературе. И теперь, когда мы привели к партии сплоченную пролетарскую литературную организацию, партия не окажется к нам глухой настолько, чтобы не взять ее под свое руководство.

Н. МЕЩЕРЯКОВ

Товарищ Бухарин упомянул о двух: с одной стороны — о писателе, с другой — о читателе. Я являюсь работником издательства, и позвольте мне подойти к вопросу с точки зрения издательской.

Надо вести дело на коммерческом расчете, а для этого надо наблюдать требования рынка, читательские вкусы, читательские интересы. Мы произвели довольно крупную работу в этом отношении. Результаты ее запечатлены в толстой анкете. Затем не так давно вышла довольно интересная книжка по тому же вопросу; этими двумя источниками я и руководствуюсь.

Произведенное обследование показало, что ни один из современных пролетарских писателей не спрашивается. Мы пы-

тались издавать произведения различных пролетарских писателей — они лежат у нас на складе, и мы продаем их буквально на вес, никакого спроса на них нет. Работа в полном смысле убыточная. Вот что заставило нас сократить работу в этом отношении.

Отчего происходит нечитаемость произведений “пролетарских писателей?” Оттого, что они отрываются от масс. Почему происходит отрыв от масс? Потому что они пишут так, что масса ничего не понимает из этих описаний. Есть, правда, исключения. Вот, например, “Неделя” Либединского — она охотно читается, охотно раскупается. Упрек, будто бы мы ведем пораженческую политику по отношению к пролетарской литературе, несправедлив.

Теперь о т. Воронском. Он имеет всего 50 листов в месяц, и больше мы дать ему не можем.

Как же эти листы распределяются между различными литературными группировками? Мы из Госиздата не можем знать, что *настоящее*. Почему мы должны решить, что “Октябрь” лучше “Кузницы” или наоборот? Кому из них мы должны дать больше? Никакого критерия нет. Все они называют себя пролетарскими. А мы видим, что тот, кто вчера считался настоящим пролетарским писателем, сегодня может таковым и не считаться. Поэтому мы приняли такую политику: мы даем равное число листов всем группам. Мы следим за тем, чтобы в этой литературе не было ничего контрреволюционного, а во внутренние счета их мы входить не можем.

Таким образом, мы отдаем эту литературу на суд читателя. И если после некоторого времени читатели ее не признают, придется, видно, и Госиздату не признавать ее.

П. КЕРЖЕНЦЕВ

Здесь несколько раз по отношению к Воронскому употреблялась фраза, что он использовал специалистов так, как мы их в своей области использовали. Я думаю, что здесь есть некоторая неправильность. Как и где мы использовали специалистов? Мы их использовали на хозяйственном фронте, использовали их технические знания. Но когда мы организовали Красную Армию, мы царских офицеров и генералов спрашивали, как стрелять, но не посылали их в ПУР (Политическое управление Красной Армии. — *Ред.*), не посылали их в организацию, выковывающую идеологию нашей Красной Армии. И, товарищи, поскольку мы говорим о специалистах в литературе, нужно сказать, что как ПУР мы не посылали буржуазных специалистов для агитации, как не использовали

их как агитаторов, так и в области художественной литературы мы не можем использовать специалистов так, как мы использовали их в Красной Армии. Мы должны их использовать с гораздо большим ограничением, с гораздо большей уздой для них. Это обстоятельство приходится прежде всего иметь в виду, когда оценивается работа т. Воронского.

Затем, в нападениях, которые тт. “напостовцы” делают, есть существенная и важная истина, которой сегодня, к сожалению, не коснулись. Они ведут войну на литературном фронте. Но вопрос идет не только о литературном фронте, а о культурном фронте вообще, сюда включается не только литература, но и театры, искусство и пр. То, что у нас делается сейчас в театрах, то, что напечатано сегодня, напр., в газете “Правда”, показывает, что мы находимся в этой области в плену у буржуазных спецов⁵⁰. В области культуры мы совсем не следуем заветам Вл. Ильича. Ленин говорил, что мы должны буржуазную культуру знать, изучать и переваривать, но никогда не говорил, что мы должны попасть в плен к этой культуре, а на самом деле мы находимся в этом плену. Это несомненная беда, на которую “напостовцы” обратили внимание. Может быть, недостаточно умело и талантливо, но, бесспорно, это вопрос больной, который не разрешается настоящей дискуссией, который гораздо сложнее и который нужно поставить в плоскость борьбы за новую культуру.

И тут, я думаю, в этом случае т. Луначарский был прав, возражая т. Троцкому, потому что т. Троцкий как будто подразумевает, что тот переходный период, который мы исчисляем десятилетиями, что он — внеклассовый период. Как будто в течение этого периода пролетариат не будет чрезвычайно консолидирован, как будто этот класс не будет сугубо классовым. Конечно, в течение десятилетий пролетариат будет чрезвычайно классовым, и наши ближайшие десятилетия будут борьбой классовых идеологий. Следовательно, идеология пролетарская, в том числе и пролетарская культура, или, вернее сказать, культура социалистическая, должна будет закладываться, и вопрос о пролетарской литературе есть вопрос очередной. Переходная эпоха должна нам дать пролетарскую социалистическую культуру, и поэтому вся борьба, которая происходит, должна быть поставлена в эту плоскость борьбы пролетарской, социалистической культуры, создающейся в период гражданских войн, и борьбы против буржуазной культуры, которая нас невольно держит в своих цепких руках. Вот общая постановка вопроса, по которой должна идти дальнейшая дискуссия. (Голос: “Правильно!.)

О “напостовцах” только несколько слов. (*Авербах с места: “Теплых”.*) Не могу помириться с тем, что вы, товарищ Авербах, в этой компании. Все чувствуют, что в вашей группе есть что-то неладное, но никто не договаривает этого до конца.

В “напостовской” публицистике имеется элемент странного свойства. От военного коммунизма вы отпираетесь, но от таких приемов, как вгоняние в рай дубиной, “напостовцы” не отказываются. Товарищ Троцкий говорил здесь о подкожном впрыскивании, в котором нуждаются писатели. “Напостовцы” предпочитают накожные приемы воздействия. Именно это делает подозрительным весь тот шум, который они подняли, хотя и у них имеются талантливые “попутчики”. Странно только, что у вас, пролетарских поэтов, вся литературная Россия упирается в “Красную новь”. Послушать вас, так “Красная новь” есть пуп этой России. Но вы сильно преувеличиваете ее значение и роль самого Воронского. Было время, когда “Красная новь” сыграла роль организующего центра литературы, говорят даже, что она как первый большой журнал послеоктябрьского периода играла определенную политическую роль, что она помогла разложению белогвардейской литературы. Если это так, то, к сожалению, “Красная новь” уже давно сама разложилась, разлагая эту литературу. Было время, в “Красной нови” печатались вещи, которые я, как большой любитель изящной литературы, охотно читал. В них нашла себе отражение та крестьянская стихия, которая поддержала пролетарскую революцию. Интересен был иногда Пильняк, но с особенным удовольствием читал я Вс. Иванова, пока и он не разложился в “Красной нови”. Но я все же не понимаю, чем эта литература мешает вашей пролетарской, и откуда эта вражда к Воронскому, точно именно он делает погоду в русской литературе.

Скорее можно винить Госиздат. Тов. Мещеряков очень плохой хозяин, который шатается во все стороны. Давно уже мог бы он ввести некоторую руководящую линию, умеряющую линию. Я не говорю о “бутербродах” и их распределении. Создалось бесконечное множество групп и группочек, которые, несмотря на их пролетарские этикетки, являются, в сущности, тем же продуктом буржуазного вырождения.

Конечно, очень хорошо, что мы собрались здесь, под крыльшком ЦК, но было бы бедой, если бы ЦК и какие-нибудь его органы попробовали вмешаться в это дело. Я, товарищи, заявляю, что предпочитаю здесь полную анархию, надо предоставить возможность каждой из этих групп и группочек са-

мим доказать свою жизнеспособность. Только что Мещеряков попробовал указать вам особый критерий качества данной литературы — количество сбываемых экземпляров. В данном случае это совершенно безнадежный критерий. На рынке может иногда распространяться в огромном количестве экземпляров литература весьма посредственная, малограмотная, если только ей приходится на помощь какой-нибудь могучий аппарат, вроде торгового сектора Госиздата. Тем в более привилегированное положение попадает книга, использующая аппарат партии. Я понимаю, что каждый член ВАППа, а то и просто какой-нибудь повапленный представитель новой литературы, стремится к тому, чтобы получить партийную марку — марку ЦК, чтобы создать для себя несравненно более выгодные условия конкуренции в сравнении с остальными группами и группочками. Партийная марка создает условия, при которых бесталанные люди, но люди весьма практические, внесут полное извращение в ту литературу, которая развивается и растет в последние годы. Тов. Троцкий объясняет это развитие нэпом, но он ошибается. Эти новые ростки выросли все-таки на годах энтузиазма 1917—1919 гг., но выкристаллизовались они в литературные формы тогда, когда революционная энергия частью нашла себе приложение в новых способах воздействия на рабочие и крестьянские массы. Наоборот, нэп только отравляет эти ростки новой литературы, и что меня пугает в “Красной нови“, так это то, что она в настоящее время отравляет и разлагает то, что было хорошего у Пильняка, Всеволода Иванова и др.

Я не хочу касаться другой темы нашей критики. Весьма внимательный читатель всех произведений, которые издает Воронский, я, грешный человек, не читал ни одной его критической статьи. Я и вообще плохо знаком с нашей новой критикой. Сегодня я слушал т. Троцкого и других, но их заявления показывают, что у нас марксисты в области литературы и искусства продолжают стоять на идеалистической точке зрения.

Это не значит, что мы должны пренебрегать формой. Начиная с несомненно не вышедшего из толщ пролетариата, но весьма толстого и громогласного Демьяна вплоть до молодого т. Безыменского, тоже не вышедшего из толщ пролетариата, все, кто хочет писать для пролетариата, должны приветствовать всякий успех литературной формы. Без этой формы нельзя как следует отображать мысли, чувства, настроения той или иной группы людей. А литературные формы, язык вырабатываются долгим историческим путем. Мы будем всегда благодарны русскому дворянству в лице его лучших революционных представителей, русской революционной буржуа-

зии в лице ее лучших представителей за то, что они выработали великий русский язык. Нам нужны хорошие издания наших классиков, чтобы рабочий класс мог усвоить себе это великое наследие.

Госиздату давно уже пора издать и дворянского поэта Пушкина, чтобы он стал доступен всякому крестьянину и рабочему. У Пушкина можно найти достаточно материала и кроме его прекрасного языка. Мы приближаемся, товарищи, к столетию декабристов. Не надо забывать, что Пушкин вынесен на гребень декабристского движения, которое не ограничилось только одним 14-м декабря. Этот день является результатом долгого революционного и общественного движения, в основе своей тоже не исключительно национального.

Мы своих народников, на которых мы стали марксистами-практиками, до сих пор не можем издать для рабочих. Мы до сих пор пренебрегаем Успенским, на котором воспитались Плеханов и все русские марксисты вплоть до Ленина.

Мы разучились говорить на хорошем, ядреном русском языке. Мы до сих пор еще злоупотребляем советским птичьим языком. Я приветствую т. Демьяна, на произведениях которого отдыхаешь от передовиц наших газет, я приветствую всякую новую струю, которая входит в нашу литературу. Не надо поэтому пренебрегать формой, нужно учиться у старых буржуазных мастеров слова. Не надо лишь подражать наиболее разложившимся продуктам этой буржуазной литературы. Простота языка и значительность нового содержания, создаваемого пролетарской революцией, — вот что требуется в первую очередь. Такие задатки мы видели в первой повести Либединского.

И мой совет пролетарским писателям: ни бегайте вы ни к “маменьке“, ни к “папеньке“, если у вас только крепкие ноги, а не рахитичные столбики вместо них. Стойте на ногах твердо, опирайтесь на рабочее движение, питайтесь его соками, и тогда вам не будет страшна “Красная новь“.

ДЕМЬЯН БЕДНЫЙ

Я прежде всего отмечу маленький, но характерный случай, рассказанный мне “отцом“ всех этих попутчиков, Воронским, о Пильняке, об этом символическом Пильняке. Прибегает к Воронскому Пильняк. Приятели. На “ты“. И говорит Пильняк Воронскому: “Ходил я, знаешь, на кладбище“. На кладбище, видите ли, его, “революционного попутчика“, потянуло! «И, понимаешь, что я там увидел: на могиле Чехова кто-то навалил большую кучу. А сбоку надпись:

“Комсомолец Петров“». (Смех. Возгласы.) Передавая мне этот случай, Воронский от восторга захлебнулся: “Нет, вы только подумайте, Демьян, какая же дьявольская наблюдательность у этого Пильняка!“. Кладбище. Куча, называемая в просторечии золотом. Это и есть то литературное золото, которое некоторые попутчики преподносят Воронскому, а Воронский — нам. (Голос с места: “Аргумент сильный!“.)

Аргумент, действительно, сильный, бьющий в нос и некоторым образом символический. Пильняк мог в письменном заявлении выступить на этом собрании. Но хотел бы я видеть в Москве ту рабочую аудиторию, где посмел бы выступить Воронский с Пильняком. А если бы посмел, то какие он пожал бы лавры?!

Я приведу вам еще провинциальную картину. Приезжает Пильняк в Киев, и расстилается перед рабкорами и плетет им всякие хлестаковские небылицы. В Москве, дескать, хорошая литературная политика. Приходят, скажем, три каких-либо молодца к Каменеву и заявляют: “У нас — идеология!“. И Каменев, будто бы, запускает руку в мешок и выкладывает этим трем молодцам денежки: “на идеологию“. Денежки пропиваются или что-то в этом роде. Три молодца идут снова к Каменеву, но уже порознь, так как у них, дескать, у каждого уже своя идеология. И Каменев снова дает каждому — на его идеологию. (Голос с места: “Обратись в ЦКК“.)

Не в этом дело. Важно, кто такую чушь рассказывает, кому рассказывает. В пильняковской хлестаковщине, в его неправде, чувствуется что-то обидно похожее на правду. Я вижу в рабкорах грядущую силу. В них растет новая, демократическая, рабоче-крестьянская общественность. Их надо уберечь от разложения. А в Киеве дошло до того, что рабкоры уезжающему Пильняку чемоданы таскали. Рабкоры у Пильняка на посылках! Это ли вам нравится? Этого ли вы хотите?

Но это все не так, примерчики. А в основном — просто диву даешься. О чем тут разговаривают? Вот у меня в руках № 27 “Коммуниста“, издаваемого МК. В нем имеются превосходные воспоминания Клары Цеткин об Ильиче. Здесь зафиксированы редчайшие суждения Ильича об искусстве. До сих пор мы не имели на этот счет своей отчеканенной формулировки. Брали здесь, хвалили там. На Плеханова ссылались. А у Ильича прямо с гениальной сжатостью и вместе с исчерпывающей полнотой и убедительностью дана формула нашего пролетарского искусства. Ее нужно в таком собрании, как это, прочесть обязательно, прочесть для того также, чтоб ее застенографировали. Ее надо еще и еще раз вдальбивать в некоторые головы. До чего у Ильича все просто!

“Важно не то, — говорит Ильич, — что дает искусство нескольким сотням, даже тысячам общего количества населения, исчисляемого миллионами. Искусство принадлежит народу. Оно должно уходить своими глубочайшими корнями в самую толщу широких трудящихся масс. Оно должно быть понято этими массами“. “Понято“ — это раз! “Оно должно быть любимо массами“. Это два-с. “Оно должно объединять чувство, мысль и волю этих масс, поднимать их“. Три-с! Это насчет агитации. “Оно должно пробуждать в массах художников и развивать их“. Что это, как не предвосхищение рабкорства и селькорства? “Должны ли мы, — говорит Ильич дальше, — подносить небольшому меньшинству сладкие утонченные бисквиты, тогда как рабочие и крестьянские массы нуждаются в черном хлебе?!“ Целый, как видите, художественный канон, из которого мы должны исходить. В чем же основной секрет? Как достичь того, чтобы наше искусство было понято массами, любимо ими, объединяло бы их чувство, мысль и волю, поднимало бы их и т.д. Ильич говорит, что секрет простой: *“мы должны всегда иметь перед глазами рабочих и крестьян!“*

Клара Цеткин сказала Ильичу: «У нас, в Германии, председатель какого-нибудь собрания в каком-нибудь уездном городишке боялся бы говорить так просто, непритязательно, как вы. Он боялся бы показаться “недостаточно образованным“». В чем же, дескать, после этого сила, обаяние речей Ильича? Ильич ответил: “Я знаю только, что, когда я выступал в качестве оратора, *я все время думал о рабочих и крестьянах*“. *Думайте о рабочих и крестьянах!* Вот основной канон нашей литературной политики. А вы о рабочих и крестьянах думаете? Я прослушал здесь столько ораторов, заслушался столько высокопарных слов, но было ли здесь сказано хоть одно слово о главном: о рабочих и крестьянах? О какой литературе, для кого вы говорите? (*Возгласы. Шум.*) Вам, с вашими вкусами, осталось литературничать лет пять, да нет, года три, а то и менее. Придут новые, глазастые, настоящие писатели из среды рабкоров и селькоров.

ЗАКЛЮЧИТЕЛЬНОЕ СЛОВО ИЛ. ВАРДИНА

Демьян Бедный спрашивал, что будет через три года. Я заявляю: чем бы формально настоящее совещание ни кончилось, во всяком случае завтра литературная политика партии не будет такой, какой она была вчера. Это совершенно бесспорно.

О т. Троцком я могу ограничиться несколькими словами. В конце концов вся его речь против меня была одним возмущением, но абсолютно ни одного аргумента он не привел. Тов. Троцкий обрушивался на меня за то, что его хвалят эсеры, а я это отмечаю. Это не решение вопроса: негодование не аргумент.

Относительно социалистической культуры. Ясное дело, что здесь невозможно этот вопрос развернуть. Я выдвигаю следующее положение. Владимир Ильич возражал против Пролеткульта — это верно. Но Пролеткульт — это одно, а социалистическая культура пролетариата — это другое. Я утверждаю, что Владимир Ильич в ряде своих статей, в особенности в статьях по национальному вопросу, постоянно подчеркивал существование международной социалистической культуры пролетариата, необходимость этой культуры и ее неизбежность. Иное дело Пролеткульт. Здесь оранжерейность, студийность. Здесь могут быть всякие опасности: богдановщина, “Рабочая правда”⁵¹ и т.п. Но вопрос о Пролеткульте нельзя смешивать с принципиальной, общей исторической постановкой вопроса о социалистической культуре пролетариата.

Далее, т. Ленин великолепно оценивал значение художественной литературы. Для суждения об этом имеется уже достаточно материала. Тов. Радек заметил Демьяну Бедному, что Клара Цеткин в своих воспоминаниях воспроизводит старые свои статьи. Я спрашиваю, т. Радека: мог Владимир Ильич ставить этот вопрос иначе, чем это формулировано т. Цеткин? Я утверждаю, что он не мог его ставить иначе. Ни один марксист иначе не скажет. И тут разрешите сослаться на т. Каменева. В предисловии к ленинским письмам Горькому Каменев пишет:

“Оружие Горького — художественное слово — Владимир Ильич оценивал очень высоко и придавал ему громадное значение. Тем большую горячность проявлял Владимир Ильич, когда ему казалось, что оружие это направляется неправильно, что союзник стреляет мимо цели”. Я спрашиваю: почему Ленин так высоко ценил Горького? Причина вполне понятна. Именно потому, что Ленин не соглашался с Воронским, который говорил, что искусство — это такая штука, которая не поддается регулированию.

Ленин возмущался, когда видел, что мощное художественное оружие Горького направляется не туда, куда надо. Ленин пытался руководить Горьким-художником. Мы хотим, чтобы могучее оружие художественного слова в нашей советской республике направлялось правильно, мы хотим партийного ленинского руководства художественной литературой.

О перспективах литературы. Тов. Троцкого спрашивали об этом. Что же он ответил? Что перспектива зигзагообразна. Это называется ответом! Зигзагообразна всякая перспектива. Не в этом дело. Весь вопрос в том, какие мы ставим себе цели. Вот мы завоевали государство, мы завоевываем хозяйство. Должны ли мы теперь завоевать литературу? Я говорю: да, мы должны завоевать литературу. Тов. Троцкий ограничивается указанием, что будет бесклассовое общество. Да, такое общество будет. Но, товарищи, такой общей фразой о перспективах отделяться нельзя. До бесклассового общества очень далеко. Нужно ясно сказать, держим ли мы курс на то, что пролетариат должен стать гегемоном и в области культуры, идеологии, что он должен господствовать на художественном фронте? Позвольте мне привести поучительную цитату из эсеровской “Воли России”:

“Коммунизм проходит различные стадии. Сперва он добился побед материальных, на фронте жизненной действительности. Он связал подданных большевистской республики подчинением диктатуре и обязательной одинаковостью действий. Тогда и оказывала неоценимые услуги чека внешняя.

Теперь он желает добиться полного торжества на фронте духовном и сковать всю Россию, а потом и весь мир цепью одинаковости мысли и чувства. Для этого потребовалась чека внутренняя”.

Эсеры правильно поняли нашу задачу. Они правильно поняли, что государство и духовно нужно сковать, что государству нужно овладеть идеологическим фронтом. Воронский этого не понимает. Поскольку мы ведем здесь, в этой области, борьбу, постольку и литературная чека нам необходима. Товарищи, это нужно понять.

Спрашивают, какая перед нами проблема — политическая или художественная. Товарищи, я не понимаю, зачем было созывать партийное совещание при ЦК РКП, если бы проблема была не политическая. Но вопрос не стоит так, что либо политическая проблема, либо проблема литературная. Всякое противопоставление проблемы литературной проблеме художественной, по-моему, просто безграмотность. По линии художественной литературы идет политическая борьба, и это, товарищи, нам надо понять.

Все выступавшие “антинапостовцы” пытались замазать вопрос. Тов. Троцкий тоже замазывал этот вопрос, как будто он не относится к сегодняшнему нашему спору на этом совещании. Товарищ Троцкий говорил общие истины, которые в общем к сегодняшнему нашему спору не имеют прямого отношения, при чем во всех этих истинах, как на этот раз вер-

но заметил т. Рязанов, было много метафизики и идеализма, но не было большевистского подхода.

Повторяю: проблема художественная развернулась в проблему политическую. Вторая проблема включает в себе первую и в тысячу раз *шире* первой. При этом я должен подчеркнуть, что у нас *примат революции*, а у наших противников получается *примат литературы*.

Об отношениях белых к нашим спорам. Здесь пытались представить дело таким образом, как будто отношение белых к позиции тт. Воронского и Троцкого является главным аргументом во всех моих построениях. Это, конечно, неверно. Мы, напостовцы, в течение ряда месяцев разобрали программу, тактику и организационные планы т. Воронского, вскрыли все его основные ошибки и уклоны и после этого, только после этого констатировали, что линия т. Воронского одобряется, и вполне основательно одобряется, нашими врагами. Само собой разумеется, отзывы белых писателей не доказательство, но их отношение к тем или иным нашим внутрипартийным течениям в высшей степени *показательно*. Игнорировать взгляды наших врагов на те или иные наши внутрипартийные течения могут только люди, которые либо по-обыкательски относятся к делу, либо не желают смотреть правде в глаза. Когда во время последней партийной дискуссии эмигрантские группировки в общем одобрили точку зрения оппозиции, мы обязаны были об этом сказать партии и рабочему классу. Когда в настоящее время внешние и внутренние эмигранты одобряют позицию т. Воронского, об этом мы обязаны сказать партии и рабочему классу.

Нас обвиняют в спецеестве. Но это совершенно безграмотно. Как можно говорить о спецах, когда речь идет об идеологическом фронте? Тов. Воронский, из области идеологии разве мы что-либо сдаем в аренду? Здесь у нас нет ни аренды, ни концессий, не должно быть и смешанных обществ. Здесь спецов не должно быть. Спецы у нас есть и долго еще будут в области хозяйства, в администрации, но и здесь мы держим курс на замену спецов нашими работниками. Привлекая в область хозяйства и военного строительства спецов, мы в то же самое время создаем курсы командиров, хозяйственников, администраторов и т.д. А т. Воронский не только хочет литературу отдать спецам, но он выступает против создания пролетарской литературы. В этом отношении т. Воронский — полный пораженец.

Теперь относительно равенства условий, о чем здесь некоторые товарищи говорили. Товарищи, эта демократия столь же лживая, как и политическая демократия. Как только не стыдно говорить о равенстве условий, когда заведомо извест-

но, что положение различных групп не равно. “Попутчики” опираются на гигантское культурное прошлое, а мы в этом отношении нищие. Какое же может быть равенство условий? Либединский не равен Пильняку, ибо Пильняк опирается на большое культурное богатство своего класса, а Либединский связан с классом, у которого культурного прошлого почти нет. Никто не требует создания материальных привилегий, но когда говорят о равенстве условий, этим хотя бы сказать, что в смысле руководства, в смысле поощрения, одобрения и т.д. партия должна умыть руки, что партия должна быть нейтральной в вопросах литературы. В этом смысле не может быть равных отношений, не может быть равных условий еще и потому, что разные литературные группы далеко не в равной мере нужны революции.

Наш взгляд на “попутчиков” извращается самым грубым образом. Даже т. Бухарин, который на 99 % ставил вопрос принципиально так, как мы ставим, даже он допустил в этом отношении ряд неточностей. Неверно, что мы хотим гнать “попутчиков”; неверно, что мы хотим действовать в отношении к ним дубинкой; неверно, что мы забываем наличность других классов, кроме пролетариата, что мы недооцениваем значение крестьянских писателей, и т.д., и т.п. В своих тезисах мы, констатируя наличность различных прослоек среди “попутчиков”, говорим:

«Степень близости “попутчиков” к рабочему классу зависит в конечном счете от общих политических условий, в частности, от силы воздействия на них партийных органов и издательств и пролетарской литературы. Поэтому задача партии сводится здесь к ускорению происходящих среди “попутчиков” процессов расслоения и к вовлечению их в зону коммунистического влияния».

Мы настаиваем на дифференцированном отношении к “попутчикам”. Мы стоим за соглашение с настоящими революционными попутчиками и проводим в жизнь это соглашение с лучшими из “попутчиков” — с Лэфом. В резолюции ВАППа по вопросу об идеологическом фронте в качестве важнейшей задачи намечается: «Привлечение на сторону пролетариата наиболее революционной части “попутчиков”, в первую голову крестьянских писателей, идеологически воздействуя на них, заключая с ними соглашения в целях общей борьбы против антиреволюционной литературы». Таким образом, ясно, что мы понимаем значение привлечения “попутчиков”, прежде всего крестьянских писателей, не хуже т. Воронского. Наша позиция от позиции т. Воронского, между прочим, отличается тем, что мы практически намечаем те условия, при которых действительно возможно использование

“попутчиков” рабочим классом, а не использование “попутчиками” нашего добродушия. Наша позиция отличается от позиции т. Воронского тем, что мы не пораженцы пролетарской литературы, что мы не хотим растворить пролетарских писателей в общую попутническую кашу.

Здесь говорили, что мы требуем диктатуры ВАППа над литературой. Это абсолютно неверно. Наш лозунг — диктатура не ВАППа, а *диктатура партии* и в области литературы. Орудием этой диктатуры может стать и ВАПП.

Какова очередная задача партии в области литературы перед XIII съездом? Еще XI съезд партии констатировал попытки буржуазии через литературу и культуру повлиять на трудящиеся массы⁵². XII съезд партии принял по этому вопросу вот такого рода резолюцию:

“Ввиду того, что за последние два года художественная литература в Советской России выросла в крупную общественную силу, распространяющую свое влияние прежде всего на массы рабоче-крестьянской молодежи, необходимо, чтобы партия поставила в своей практической работе вопрос о *руководстве* этой формой общественного воздействия на очередь дня”⁵³.

Как видите, еще год назад съезд нашей партии не удовлетворился тем руководством, которое т. Воронский осуществлял в области литературы. Ныне задача заключается уже в решении практических форм руководства. Как руководить? — вот вопрос, стоящий перед нами.

Задача партии сейчас заключается в том, чтобы, осознав всю важность литературного фронта, сделать практические шаги для осуществления действительно партийного, большевистского руководства художественной литературой.

ЗАКЛЮЧИТЕЛЬНОЕ СЛОВО А. ВОРОНСКОГО

Прежде всего должен отметить, что не понимаю того обстоятельства, что здесь “напостовцы” исключительно говорили о Воронском как о таковом. Пытаются представить дело так, как будто все во мне. Настоящее собрание в достаточной мере продемонстрировало в лице всех руководящих товарищей, что они разделяют ту линию, которую я проводил, и, наоборот, “вардиновщина” и “напостовщина” получила от них надлежащий отпор. Вообще совершенно неправильно стараются изобразить дело таким образом, что Воронский на свой страх и риск ведет линию. В сущности говоря, те упре-

ки, которые мне бросал Вардин, что белогвардейские газеты меня хвалят, он мог отнести и к нашим руководящим органам (волю которых я до сих пор исполнял). Вообще легкость т. Вардина необычайна. Он, например, ухватился представить дело так, как будто Бухарин на 99 % с ним. Я надеюсь, что стенографистки достаточно хорошо и полно записали речь т. Бухарина. Я не знаю, как можно так легковесно говорить. Речь идет о позиции, которую веду не я, а наши руководящие органы. Я каждые полтора-два месяца проверяю свою тактику, советуясь с товарищами, и не было еще заявления, что в основном моя линия считалась неправильной. Теперь дальше. Ведь, какие вещи только ни говорились здесь. Слушать стыдно! Вот пример: Вардин выскакивает вдруг с таким заявлением, что, мол, искусство, по мнению Воронского, — это “божественное дело“. На каком же основании это говорится? У меня есть две книги, ряд — пусть плохих, по мнению Вардина, — статей, но ведь в них я больше всего боролся со взглядами на искусство как на божественное дело. Ничего не понял Вардин тогда, когда утверждал, что у искусства есть свои методы и история. Я говорил о том, о чем говорил тт. Троцкий, Бухарин, Луначарский и другие товарищи. И когда человек истолковывает эти слова в том смысле, что, мол, Воронский против того, чтобы партия регулировала литературную жизнь, мне делать с ним нечего, и, что еще хуже, ему нечего делать в литературе, а он в нее лезет. О Пильняке и памятнике Чехову. Столь импозантное выступление т. Бедного произвело на меня самое дикое впечатление. Я не знаю, как можно такие вещи говорить! Если передавать частные разговоры, то нужно передавать их так, как они в действительности были. О чем я рассказывал Демьяну? Об очень тяжелой вещи. Есть могила человека. На ней мраморная доска и простые скромные слова: “Антон Павлович Чехов“. Вот это-то доска и испещрена самыми неприличными надписями. Делать из этого анекдот веселый нельзя, нехорошо; нехорошо и шутить.

Обратите дальше внимание, почему меня стали ругать товарищи “напостовцы“ дезорганизатором. Потому что они, за вычетом очень малочисленного кружка, остались без художников. Поэтому, когда “напостовцы“ изображают дело таким образом, что у меня “попутчики“, а у них пролетарская литература, — это вопиющая неправда. С огромным большинством пролетарских художников, несмотря на наличие некоторых разногласий, “Красная новь“ работает в хорошем контакте. Получается это не в силу моих талантов, а от того, что “напостовцы“ действуют дубьем и разгоняют не только “попутчиков“, но и пролетарских писателей. Достаточно “Куз-

нице“ не согласиться с ними в организационном вопросе, как “вардинцы“ объявляют их вне рядов пролетариата и изменниками. Товарищи из “Кузницы“ приходят ко мне и говорят: “Сил нет столкнуться с ними, давайте работать вместе, более тесно“. То же самое проделали “напостовцы“ и с молодежью, которую они организовали. Почему и как молодежь работает с “Красной новью“? Началось с 5—7 человек, а теперь целая группа в 35—40 человек. Артем Веселый, Мих. Голодный, Ясный, Светлов и т.д., — все они ушли от “напостовцев“. Почему? Потому что вы не умеете подходить и обращаться с писателями, потому что вы переполнены кружковым злопахательством. Товарищи, вопрос тут не столько о пролетарской литературе и о “попутчиках“, сколько о подходе к писателю. Подход к писателю у “напостовцев“ дикий. Человек пишет литературно-критическую статью о романе Эренбурга “Жизнь и гибель Николая Курбова“, и о самом Николае Курбове бросает только 1½ строчки. Нельзя писать, что у чека табуны автомобилей, что секретарь ЦК самопишущее перо окунул в чернильницу, что у Аша коммуниста растут волосики не там, где следует. Конечно, они будут только разгонять писателей, и, конечно, у “напостовцев“ всегда будут дезорганизаторы.

По мере того, как вы будете собирать юных писателей, эти писатели будут через полгода—три месяца идти к “дезорганизаторам“, так как у них другой подход, может быть, тоже не совсем правильный и с грубыми ошибками, но далекий от “напостовской“ дубины. МАПП будет разгонять писателей, потому что он не способен подойти к ним. Выходит, что истинные дезорганизаторы не Воронский, а вардины.

Говорят, что будто бы Воронский заполнил литературу “попутчиками“, а пролетарский писатель находится в угнетении. Я не считаю, что в моей деятельности все благополучно. Русская литература делается не так просто, она имеет очень извилистую дорогу. “Попутчики“ до сих пор остаются преобладающим кадром не в силу попустительства, а потому, что так складывается сейчас литературная жизнь. Пролетарскому писателю живется нелегко теперь, но нелегко живется и “попутчикам“. Тут общие условия. Все же полагаю, что нам не укажут здесь талантливых вещей у пролетарских писателей-художников, которые были бы не напечатаны. И, наоборот, как раз наиболее талантливые вещи их печатались “дезорганизаторами“. Достаточно отметить, что “Неделя“ Либединского после моей же упорной работы над ней была напечатана мной.

Или, может быть, пролетарских писателей замалчивают в прессе? И это неверно. Все мало-мало талантливые старатель-

но отмечаются, протаскиваются, рекомендуются. Вот вы говорите о литературно-художественном отделе Госиздата. Вот что делается в этом литературно-художественном отделе. Помимо “Красной нови“, выпускается “Кузницей“ “Рабочий журнал“, футуристами — “Леф“, “напостовцами“ — “Октябрь“, молодежью — “Перевал“. Пять журналов и альманачов!

Товарищи, я столько раз думал вот о чем: если бы я явился к Владимиру Ильичу и рассказал ему, что вот так и так у нас дело обстоит: 5 журналов выпускаем. Я уверен, что он бы мне сказал: “Что вы, товарищи, делаете. Ведь, это — безобразие: каждому кружку журнал!..“. Вы упрекаете нас, “попустителей“, в том, что мы не идем вместе с вами. Потому мы с вами, товарищи “напостовцы“, не идем и не пойдём, что достаточно какого-нибудь разногласия с “Кузницей“, например, как все вы начинаете кричать, что “Кузница“ погибла, разложилась, и начинаете обливать ее грязью. При такой кружковщине мы с вами не пойдём, ибо так работать нельзя. Кончаю.

Что касается резолюции, то я целиком присоединяюсь к резолюции т. Яковлева.

ЗАКЛЮЧИТЕЛЬНОЕ СЛОВО Я. ЯКОВЛЕВА

Перед тем, как мы будем принимать решения, мне бы хотелось формулировать коротко то, как т. Ленин относился к вопросам о пролетарской литературе. Мне пришлось года полтора назад раз пять с ним говорить по этому вопросу.

То основное, что тогда выдвигал Ильич, сводилось прежде всего к борьбе против представлений о пролетарской культуре, как о чем-то таком, что может вырасти из того или иного тепличного учреждения. Ленин считал большой опасностью самую мысль о том, что в теплице можно вырастить пролетарскую культуру. Такой теплицей был Пролеткульт.

Пролетарская культура может вырасти на почве общей грамотности в условиях Советской власти. Когда при наличии пролетарской власти у нас подымутся миллионы культурных людей, которых у нас так мало теперь, тогда действительно вырастет новый тип культуры и иной тип литературы.

Гвоздь вопроса в том, чтобы в условиях пролетарской власти лучшие достижения буржуазной культуры стали достоянием масс. Усвоение миллионами людей этих лучших достижений буржуазной культуры в условиях пролетарской власти

создаст базу для того, чтобы начала рождаться подлинная культура, но не буржуазного типа.

Поэтому Ленин говорил, обращаясь к рабочим: “Учитесь, берите буржуазную культуру, не давайте себя обманывать сказками про то, что в какой-нибудь камере, как бы она ни называлась, уже выросла пролетарская культура“. Рождение пролетарской культуры надо мыслить диалектически. Суть этого процесса в том, что миллионы людей усваивают завоевания буржуазной культуры в условиях советского государства.

Вот этого-то процесса совершенно не понимают те теплички, которые у нас имеются. Для т. Ленина, для всей постановки вопроса т. Лениным удивительно характерно, что он тогда предлагал одновременно закрыть Большой театр и закрыть Пролеткульт, рассматривая и то, и другое как “излишества“.

Эти оба предложения он вносил вместе, и одно от другого у него не отрывалось.

Теперь по существу практических предложений. Мы наметаем в 6 пунктах основные линии партии. Первый пункт дает ориентировку партии на творчество десятков тысяч поднимающихся из массы рабочих и крестьян. С этим связана материальная поддержка выделяющимся из этой массы одиночкам, которых уже можно назвать писателями.

Вторая группа вопросов касается “попутчиков“. Тут можно сказать прямо: мы сохраняем прежнюю линию партии в отношении к “попутчикам“. Оглашенное здесь письмо к нам “попутчиков“ — лучший свидетель того, что эта линия в основном правильна. Ведь это документ, мимо которого пройти нельзя.

Одновременно мы должны предупредить поднимающегося рабочего-писателя против опасности, которая грозит ему в атмосфере саморекламы, похвальбы и легкого отношения к учению.

Далее вопрос о склоке и богеме. Моменты богемы, кружковщины имеются в обоих лагерях. Мы должны их изживать также в обоих лагерях. И, наконец, последний вопрос о критике. Мы не можем допустить сохранения существующего положения в области критики. Наша критика не только не выдержана — она отсутствует как организованная критика коммунистической партии. У нас печатаются рецензии по дружбе, по знакомству. Это иначе, как разложением, назвать нельзя. По этому вопросу мы должны не только принять решение, но и незамедлительно принять меры к его выполнению.

ПАРТИЙНАЯ ПОЛИТИКА В ИСКУССТВЕ¹

Некоторые марксисты-литераторы усвоили себе архизажательские приемы в отношении к футуристам, серапионам, имажинистам и вообще попутчикам, всем вместе и каждому в отдельности. Особенно входит почему-то в моду травля Пильняка, в чем упражняются также и футуристы. Несомненно, что некоторыми своими особенностями Пильняк способен вызвать раздражение: слишком много легкости в больших вопросах, слишком много рисовки, слишком много лиризма, приготавливаемого в ступе... Но Пильняк превосходно показал угол уездно-крестьянской революции, показал мешочнический поезд, — мы увидели их, благодаря Пильняку, несравненно ярче, осязательнее, чем до него. А Всеволод Иванов? Разве после его “Партизан“, “Бронепоезда“, “Голубых песков“ — со всеми их конструктивными грехами, срывающимся стилем, даже олеографичностью² — мы не узнали, не почувствовали Россию лучше — в ее необъятности, этнографической пестроте, отсталости, размахе? Может быть и впрямь это образное познание можно заменить футуристическим гиперболизмом или монотонным воспеванием трансмиссий, или газетными статейками, изо дня в день комбинирующими в разном порядке то же триста слов? Выкиньте мысленно из нашего обихода Пильняка и Всеволода Иванова, — и мы окажемся на некоторую дробь беднее... Организаторы похода против попутчиков — похода без достаточной заботы о перспективах и пропорциях — избрали одной из мишеней также и... тов. Воронского, редактора “Красной нови“ и руководителя издательства “Круг“ в качестве потатчика и почти соучастника. Мы думаем, что тов. Воронский выполняет по поручению партии большую литературно-культурную работу, и что, право же, куда легче в статейке — с птичьего дуазо* — декретировать коммунистическое искусство, чем участвовать в кропотливой его подготовке.

Формально наши заезжатели продолжают лишь линию, взятую когда-то (в 1908 г.) сборниками “Распад“³. Но надо же все-таки понять и оценить различие исторической обстановки и некоторую происшедшую с тех пор передвижечку в соотношении сил! Тогда мы были разбитой подпольной партией. Революция отступала, контрреволюция, столыпинская и анархо-мистическая, напирала по всей линии, в самой партии

* От фр. A vol d'oiseau — с птичьего полета.

интеллигенция играла еще непропорционально большую роль, причем интеллигентские группировки разных партийных окрасок представляли собой сообщающиеся сосуды. В этих условиях идейная самооборона требовала бешеного отпора литературным настроениям похмелья.

Сейчас происходит процесс совсем иного, в основном противоположного порядка. Закон социального тяготения (в сторону господствующего класса), определяющий в последнем счете линию творчества интеллигенции, действует ныне в нашу пользу. И с этим нужно уметь сообразовать политику в области искусства.

Неверно, будто искусство революции может быть создано только рабочими. Именно поэтому, что революция рабочая, она — не повторяя уж сказанного ранее — слишком мало рабочих сил освобождает для искусства. В эпоху французской революции величайшие произведения, прямо или косвенно отражавшие ее, творились не французскими художниками, а немецкими, английскими и др. Та национальная буржуазия, которая непосредственно совершала переворот, не могла выделить достаточно сил, чтобы воспроизводить и запечатлеть его. Тем более — пролетариат, у которого есть культура политическая, но очень мало художественной. Интеллигенция, помимо преимуществ своей формальной квалификации, обладает еще одиозной привилегией пассивной политической позиции, с большей или меньшей степенью враждебности или доброжелательства к октябрьскому перевороту. Немудрено, что эта созерцательная интеллигенция больше могла дать и дает в области художественного отражения революции, — хотя и с кривизной, — чем пролетариат, который ее совершал. Мы очень хорошо знаем политическую ограниченность, неустойчивость, ненадежность попутчиков. Но если мы выкинем Пильняка с его “Голым гудом“, серапионов с Всеволодом Ивановым, Тихоновым и Полонской, Маяковского, Есенина, так что же собственно останется, кроме еще неоплаченных векселей под будущую пролетарскую литературу? Тем более, что и Демьян Бедный, которого ни в попутчики не зачислишь, ни из революционной песни, надеемся, не выкинешь, не может быть приобщен к пролетарской литературе, понимаемой в духе манифеста “Кузницы“. Что же останется?..

Значит, партия в полном противоречии со всей своей природой занимает в области искусства чисто эклектическую позицию? Этот довод, на вид столь победоносный, на самом деле крайне наивен. Марксистский метод дает возможность оценить условия развития нового искусства, следить за всеми истоками его, содействовать наиболее прогрессивным из них критическим освещением путей, но не более того. Пути свои

искусство должно проделать на собственных ногах. Методы марксизма — не методы искусства. Партия руководит пролетариатом, но не историческим процессом. Есть области, где партия руководит непосредственно и повелительно. Есть области, где она контролирует и содействует. Есть области, где она только содействует. Есть, наконец, области, где она только ориентируется. Область искусства не такая, где партия призвана командовать. Она может и должна ограждать, содействовать и лишь косвенно руководить. Она может и должна оказывать условный кредит своего доверия разным художественным группировкам, искренно стремящимся ближе подойти к революции, чтобы помочь ее художественному оформлению. И уж во всяком случае партия не может стать и не станет на позицию литературного кружка, борющегося, отчасти просто конкурирующего с другими литературными кружками. Партия стоит на страже исторических интересов класса в целом. Сознательно и шаг за шагом подготавливая предпосылки новой культуры и тем самым нового искусства, она относится к литературным попутчикам не как к конкурентам рабочих писателей, а как к помощникам рабочего класса, действительным или возможным, в строительстве величайшего размаха. Понимая эпизодичность литературных группировок переходной эпохи, она оценивает их не с точки зрения индивидуальных классовых паспортов господ литераторов, а с точки зрения того места, которое эти группировки занимают или могут занять в подготовке социалистической культуры. Если сегодня место данной группировки определить еще нельзя, то партия, как партия, благожелательно и внимательно... подождет. Отдельные критики или просто читатели могут отдавать свои симпатии авансом той или другой группировке. Партия в целом, охраняющая исторические интересы класса, должна быть объективней и мудрей. Ее осторожность не может не быть двусторонней: если партия не ставит программного штампа на "Кузнице" потому только, что в ней пишут рабочие, то она и не отталкивает авансом ни одной литературной группировки, хотя бы и интеллигентской, поскольку та стремится подойти к революции и помочь укрепить один из ее стыков — стык всегда слабое место! — между городом и деревней, между партией и беспартийными, между интеллигенцией и рабочими.

Не означает ли, однако, такая политика, что у партии окажется со стороны искусства незащищенный фланг? Сказать так — значило бы сильно преувеличивать: явно ядовитым, разлагающим тенденциям искусства партия дает отпор, руководясь политическим критерием. Верно, однако, что фланг искусства менее защищен, чем фронт политики. Но

разве не так же обстоит дело со стороны науки? Что скажут метафизики чисто пролетарской науки по поводу теории относительности? Примирима она с материализмом или нет? Решен ли этот вопрос? Где, когда и кем? Что работы нашего физиолога Павлова целиком идут по линии материализма, это ясно и профану. Но что сказать по поводу психоаналитической теории Фрейда? Примирима ли она с материализмом, как думает, напр., т. Радек (и я вместе с ним), или же враждебна ему? Тот же вопрос относится к новым теориям о строении атома и пр., и пр. Было бы прекрасно, если бы нашелся ученый, способный охватить эти новые обобщения методологически и ввести их в контекст диалектически-материалистического воззрения на мир; тем самым он дал бы взаимопроверку новых теорий и углубил бы диалектический метод. Но я очень опасаюсь, что эта работа — не в порядке газетных или журнальных статей, а в порядке научно-философской вежи, как “Происхождение видов” и “Капитал”⁴, — будет произведена не сегодня и не завтра или, лучше сказать, если даже и будет произведена сегодня, то вежа-книга рискует остаться неразрезанной до наступления тех дней, когда пролетариат сможет разоружиться.

Однако ведь и культурничество, т.е. усвоение азбуки допролетарской культуры, предполагает критику, отбор, классовый критерий? Еще бы! Но это критерий политический, а не отвлеченно-культурный. Политический критерий совпадает с культурным лишь в том широком смысле, что революция подготавливает условия новой культуры. Но это вовсе не значит, что такое совпадение обеспечено в каждом отдельном случае. Если революция вправе, когда нужно разрушать мосты и художественные памятники, то тем более она не остановится перед тем, чтобы наложить свою руку на любое течение искусства, которое при всех своих формальных достижениях грозит внесением разложения в революционную среду или враждебным противопоставлением друг другу, внутренних сил революции: пролетариата, крестьянства, интеллигенции. Критерий наш — отчетливо политический, повелительный и нетерпимый. Но именно поэтому он должен ясно очерчивать пределы своего действия. Чтобы выразиться еще отчетливее, скажу: при бдительной революционной цензуре — широкая гибкая политика в области искусства, чуждая кружкового злопахательства.

Совершенно очевидно, что и в области искусства партия не может ни на один день придерживаться либерального принципа *Laisser faire, Laisser passer* (предоставьте вещам идти своим ходом). Весь вопрос только в том, с какого пункта начинается вмешательство и где его пределы; в каких случа-

ях — между чем и чем — партия обязана делать выбор. И этот вопрос вовсе не так прост, как хотят думать теоретики Лефа, глашатаи пролетарской литературы и... заезжатели.

Цели, задачи и методы рабочего класса в хозяйстве несравненно более конкретны, определены и теоретически разработаны, чем в искусстве. Тем не менее, после кратковременной попытки централистическим методом строить хозяйство партия увидела себя вынужденной допустить параллельное существование различных и даже борющихся друг с другом хозяйственных типов: тут и организованная в тресты общегосударственная промышленность, и предприятия местного значения, и сдача в аренду, и концессионные предприятия, и частновладельческие, и кооперация, и индивидуальное крестьянское хозяйство, и кустарная мастерская, и коллективы и пр. Основной курс государства — на централизованное социалистическое хозяйство. Но это общая тенденция включает в себя для данного периода всемерную поддержку крестьянского хозяйства и кустаря. Без этого курс на крупную социалистическую промышленность становится безжизненной абстракцией.

Республика наша есть союз рабочих, крестьян и мелкобуржуазной по происхождению интеллигенции — под руководством коммунистической партии. Из этого социального сочетания при условии подъема техники и культуры, должно через ряд этапов развиваться коммунистическое общество. Ясно, что крестьянство и интеллигенция пойдут к коммунизму не теми путями, что рабочие. Без отражения в искусстве пути их не останутся. Та интеллигенция, которая не связала своей судьбы нераздельно с пролетариатом, не-коммунистическая интеллигенция, т.е. подавляющее большинство ее, за отсутствием, вернее, крайней слабостью буржуазной опоры ищет ее в крестьянстве. Пока что этот процесс имеет чисто подготовительный, больше символический характер и выражается в идеализации мужицкой революционной стихии (задним числом). Своеобразное новонародничество характерно для всех попутчиков. В дальнейшем, с ростом в деревне школ и читателей, связь этого искусства с крестьянством может стать более органической. Одновременно крестьянство будет выдвигать свою собственную творческую интеллигенцию. Крестьянский подход — в хозяйстве, в политике, в искусстве — более примитивен, более ограничен, более эгоистичен, чем пролетарский. Но этот крестьянский подход существует — притом очень надолго и весьма всерьез. И если художник, подходящий к жизни под крестьянским, чаще всего под интеллигентски-крестьянским углом зрения, проникнет мыслью о необходимости и жизненности союза рабочих и крестьян, то

его творчество, при необходимых прочих условиях, будет исторически прогрессивным. Методами художественного воздействия оно будет скреплять необходимое историческое сотрудничество деревни с городом. Продвижение крестьянства к социализму образует процесс глубокий, содержательный, многообразный, красочный, — и есть все основания думать, что художественное творчество, которое будет находиться под непосредственными внушениями этого процесса, внесет в искусство ценные главы. Наоборот, тот подход, который противопоставляет органическую, вековую, цельную, “национальную” деревню вертопраху городу, исторически реакционен; искусство, вытекающее отсюда, враждебно пролетариату, несовместимо с развитием и обречено на вырождение. Можно думать, что и в формальном смысле оно неспособно уже дать ничего, кроме перепевов и воспоминаний.

У Клюева, имажинистов, серапионов, Пильняка, даже у футуристов: Хлебникова, Крученых, Каменского — есть мужицкая подоплека, у одних более, у других менее сознательная, у одних органическая, у других же в сущности буржуазная подоплека, переведенная на мужицкий язык. Отношения к пролетариату наименее двойственное у футуристов. У серапионов, имажинистов, Пильняка там и сям уклон в сторону оппозиции пролетариату — по крайней мере до недавнего прошлого. Все эти группировки отражают в крайне преломленном виде умонастроение деревни эпохи продовольственной разверстки. В те годы интеллигенция скрывалась от голода по деревням и там накапливала свои впечатления. В своем искусстве она подвела им довольно-таки двусмысленный итог. Но итог этот надо рассматривать не иначе, как в обрамлении периода, заверщенного крондштадтским мятежом⁵. Сейчас в крестьянстве значительный поворот. Он обозначился и на интеллигенции и может оказаться, даже должен, на творчестве мужиковствующих попутчиков. Отчасти уже сказывается. В этих группировках будут идти внутренние бои, расколы, новые образования под действием социальных толчков. За всем этим надо следить очень внимательно и критически. Партия, которая претендует не без некоторого, надеемся, основания на идейную гегемонию, не вправе отделяться в этом вопросе дешевеньким чистоплюйством.

Но разве чисто пролетарское искусство широкого охвата не может художественно освещать и питать также и движение крестьянства к социализму? Конечно, “может”, — так же, как государственная электрическая станция “может” освещать и питать своей энергией крестьянскую избу, хлев, мельницу. Нужно только иметь эту электрическую станцию и от нее провода в деревню. Тогда, кстати, не будет и опасно-

сти антагонизма между промышленностью и сельским хозяйством. Но ведь нет еще этих проводов. Нет и самой электрической станции. Пролетарского искусства нет. Искусству с пролетарской ориентацией, включая сюда группировки рабочих поэтов и коммунистов-футуристов, до художественного охвата запросов города и деревни немногим ближе, чем, скажем, советской промышленности — до разрешения универсальных хозяйственных задач.

Но если даже оставить в стороне крестьянство, — а как его оставишь в стороне? — то окажется, что и с пролетариатом, коренным классом советского общества, дело обстоит совсем не так просто, как это выходит на страницах “Лефа”. Когда футуристы предлагают выкинуть за борт старую индивидуалистическую литературу, и не только потому, что она формально устарела, но и потому — довод для нас, грешных — что она противоречит коллективистской природе пролетариата, то они обнаруживают весьма-таки недостаточное понимание диалектической природы противоречия индивидуализма и коллективизма. Абстрактной истины нет. Индивидуализм индивидуализму рознь. От избытка индивидуализма часть дореволюционной интеллигенции бросилась в мистику, другая часть отпихнулась по хаотически-футуристской линии и, подхваченная революцией, — к чести своей — приблизилась к пролетариату. Но когда эти приблизившиеся переносят индивидуалистическую оскомину в своих зубах на пролетариат, они оказываются немножко повинны в эгоцентризме, т.е. в предельном индивидуализме. Беда ведь в том, что рядовому пролетарию не хватает как раз этого самого качества. В массе своей пролетарская личность недостаточно оформилась и дифференцировалась. Самым ценным содержанием того культурного подъема, у порога которого мы сейчас стоим, будет именно повышение объективной квалификации и субъективного самосознания индивидуальности. Думать, что буржуазная художественная литература способна пробить бреши в классовой солидарности, наивно. То, что рабочий возьмет у Шекспира, у Гете, у Пушкина, у Достоевского, это прежде всего более сложное представление о человеческой личности, ее страстях и чувствах, он глубже и острее поймет ее психические силы, роль в ней бессознательного и пр. В итоге он станет богаче. Горький первой поры проникнут был романтически-босаяцким индивидуализмом. Между тем он питал весеннюю революционность пролетариата накануне 1905 г., ибо содействовал пробуждению личности в том классе, где, раз пробужденная, она ищет связи с другой пробужденной личностью. Пролетариат нуждается в художественном питании и воспитании, но нельзя же думать, что пролетариат — глина,

которую художники, отошедшие и здравствующие, лепят по образу и подобию своему.

Духовно, а следовательно и художественно, очень чуткий пролетариат эстетически не воспитан. Вряд ли есть законные основания думать, будто он может просто начать с того, на чем остановилась накануне катастрофы буржуазная интеллигенция. Как индивид в своем развитии их зародыша повторяет — биологически и психически — историю своего вида и отчасти всего животного царства, так, *до известной степени*, новый класс, в огромном своем большинстве только недавно вышедший из внеисторического почти бытия, не может не повторить на себе всей истории художественной культуры. Он не может приступить к построению культуры нового стиля, не вобрав в себя и не ассимилировав элементы старых культур. Это ни в каком случае не означает необходимости медленного и систематического прохождения со ступеньки на ступеньку всей прошлой истории искусства. Процесс усвоения и претворения, поскольку дело идет не о биологическом индивиде, а о социальном классе, имеет гораздо более свободный и сознательный характер. Но без обращения к важнейшим вехам прошлого для нового класса нет движения вперед.

Левый фланг старого искусства, из-под которого революция выбила социальную базу с такой решительностью, как никогда в истории, вынужден в борьбе за сохранение непрерывности художественной культуры искать опоры в пролетариате или, по крайней мере, в формирующейся вокруг него новой общественности. Со своей стороны пролетариат, пользуясь положением господствующего класса, стремится и начинает приобщаться к искусству вообще, подготавливая для него базу небывалого могущества. В этом смысле верно, что заводские стенные газеты представляют собою необходимейшую, хотя еще и очень отдаленную, предпосылку будущей новой литературы. Но никто, конечно, не скажет: на всем остальном ставим крест до тех пор, пока пролетариат не поднимается от стенных газет до самостоятельного художественного мастерства. Непрерывность творческой традиции нужна и пролетариату. Он осуществляет ее сейчас не столько непосредственно, сколько косвенно, через буржуазную творческую интеллигенцию, которая более или менее тяготеет к нему или хочет пригреться под его боком и которую он в одной ее части терпит, в другой — поддерживает, в третьей — полуусыновляет, а четвертой — и вовсе ассимилирует. Вот этой сложностью процесса, его внутренней множественностью и определяется политика коммунистической партии в области искусства. Свести эту политику к одной формуле, которая

была бы короче воробьиного носа, нельзя. Но это и обязательно вовсе.

Г. ЗИНОВЬЕВ

ИНТЕЛЛИГЕНЦИЯ И РЕВОЛЮЦИЯ

*Доклад на Всероссийском съезде
научных работников
23-го ноября 1923 г.¹*

Товарищи, мой доклад озаглавлен “Интеллигенция и революция“, но, само собой разумеется, что я собираюсь говорить не об интеллигенции вообще и не о революции вообще, а о нашей российской интеллигенции и о нашей революции 25-го октября 17-го года. Мне придется в самых кратких чертах коснуться прошлого лишь постольку, поскольку необходимо убрать с дороги некоторые препятствия для будущей совместной работы. Что русская интеллигенция и Октябрьская революция в течение некоторого времени жили на разных половинах — это секрет полишинеля. То время, когда интеллигент был синонимом слова “революционер“ прошло, увы, давным давно. Наибольшее сопротивление Октябрьская революция встретила сначала именно со стороны той группы населения, которая называется интеллигенцией. Тов. Ленин со свойственной ему краткостью и ясностью определил по горячим следам в начале 18-го года это сопротивление интеллигенции в следующих словах: “Это саботаж, объявленный наиболее образованными представителями старой буржуазной культуры; этот саботаж показал нагляднее, чем любой агитатор, чем все наши речи и тысячи брошюр, что эти люди считают знание своей монополией, превращая его в орудие своего господства над так называемыми низами; они воспользовались своим образованием для того, чтобы помешать делу социалистического строительства, открыто выступая против трудящихся масс“². Это очень жесткие слова, и может быть, на торжественном заседании сегодня с моей стороны даже несколько бестактно начинать именно с этого напоминания. Но я думаю, товарищи, что гораздо лучше будет для дела, для обеих сторон, если мы будем говорить начистоту, без условностей. Нельзя вычеркнуть из истории русской общественности и русской революции тот факт, что наиболее образованные представители нашей интеллигенции в начале Октябрьской революции пытались использовать монополию знания

против революции. Это знает весь наш народ, это знают все собравшиеся, это знает весь мир.

Те, кто сколько-нибудь объективно наблюдали работу Советской власти в начале ее существования и всю деятельность нашей партии, не смогут отказать нам в том, что и в разгаре событий наша партия и Советское правительство сделали со своей стороны все возможное для того, чтобы этот эпизод, который называется саботажем, ликвидировать возможно более мирным образом. Было бы неудивительно, если бы в конце 17 года, в разгаре событий, когда рабочий класс был еще не уверен в себе, когда он делал лишь первые шаги в области управления государством и был окружен со всех сторон врагами, и внутри и на внешней арене, — было бы неудивительно, если бы в ответ на саботаж в широких кругах рабочих началось поветрие антиинтеллигентских настроений вообще. И это несомненно было бы так, если бы наша партия и Советское правительство еще в разгаре событий, когда трудно было сохранить хладнокровие, в те недели и месяцы, когда решалась судьба России, если бы мы тогда не проявили максимума объективности и не использовали бы все свое влияние на рабочий класс и на передовые элементы крестьянства, на солдат в первую очередь, для того, чтобы не дать создаться такому настроению против интеллигенции.

В самые трудные моменты, в начале Октябрьской революции, в моменты наиболее интенсивной и упорной борьбы, мы учили рабочих — и учили с успехом — уважать знание, уважать предыдущие поколения революционеров, в том числе революционеров и из интеллигентской среды. И как только политическая агитация приняла в нашей стране после Октябрьской революции массовые размеры, как только мы смогли начать разговаривать не с кучками, а с миллионами, десятками миллионов рабочих, солдат и крестьян, мы сделали все, что от нас зависело, для того, чтобы в этих широких кругах народа вызвать необходимое уважение к предыдущим поколениям революционеров. Мы не отказывались ни на одну минуту от того наследства, которое мы получили от лучшей части народнической интеллигенции. Мы учили миллионы и миллионы рабочих и солдат благоговейно почитать память не только таких борцов, как Желябов, как Перовская, не только таких деятелей, как Чернышевский, как Герцен, как Белинский, как Добролюбов, но и таких, как Волконский, как Радищев, представителей привилегированной части интеллигенции, которые, однако, имели серьезные заслуги перед нашим народом. Нетрудно было бы в начале Октябрьской революции, в разгар событий, когда каждый мускул был напряжен, когда все страсти кипели, нетрудно было бы потерять объек-

тивность настолько, чтобы пойти по течению, может быть, даже поощрить те движения, которые были заметны в глубинах рабочих и солдат против интеллигенции, воспользовавшейся своими знаниями, по правильному выражению тов. Ленина, как монополией. Мы это не сделали потому, что, вынесенные могущественным революционным движением, мы помнили, что стоим на фундаменте, созданном предыдущими поколениями революционеров; мы помнили, что страстность первых стычек пройдет, а основные задачи поднятия нашей страны на новую ступень культуры останутся. Мы помнили, что нам нужно не только победить в первых боях, но и создать обстановку, при которой мы сможем выполнить самую программу революции, одним из основных пунктов которой не могло не быть поднятие культуры в стране, уничтожение безграмотности, создание действительно просвещенной, поголовно грамотной страны, в которой власть принадлежит трудящимся.

В буржуазных государствах интеллигенция как группа принадлежит к числу неизбежных атрибутов буржуазного господства. Буржуазия, конечно, держится на насилии, на штыках, но это не следует понимать слишком упрощенно. Во всех буржуазных демократиях буржуазия, кроме штыка, должна еще владеть и такими усовершенствованными орудиями своей диктатуры, как буржуазный парламент, буржуазная пресса, буржуазная школа, буржуазная литература и т.д. Владеть всем этим она может лишь в том случае, если она держит в своих руках ту социальную категорию, которая называется интеллигенцией. Разумеется, и это положение не следует понимать слишком упрощенно, механически. Дело обстоит не так, что каждый интеллигент сознательно поступает на службу к буржуазному строю. Если отдельные интеллигенты и проводят сознательно свои корыстные цели, то зависимость интеллигенции в целом от буржуазии гораздо сложнее. В России царское самодержавие не обладало теми минимальными свойствами, которыми обладает буржуазия в демократических странах, и, стало быть, не смогло овладеть и русской интеллигенцией. В 1905 году слой даже богатых инженеров, богатых врачей, адвокатов объединялся в знаменитом Союзе Союзов³; до поры до времени они искали известного соглашения с рабочим классом, как с единственной силой, от которой они могли ожидать избавления от царского самодержавия. Пока у интеллигенции была самая элементарная задача — низвержение царского самодержавия, до тех пор она играла роль оппозиционной силы по отношению к господствующему тогда режиму. Вся трагедия русской интеллигенции разыгралась в сущности на протяжении очень не-

большого промежутка исторического пути между февралем и октябрём, в течение каких-нибудь 8-ми месяцев от роли оппозиционной группы, которая в лице отдельных своих подгрупп иногда была не только оппозиционным, но и революционным фактором, в течение 8-ми месяцев русская интеллигенция быстрым этапом прошла по пути, который в октябре привел ее в лагерь организаторов саботажа против революции. Пока на очереди стояла задача, взлелеянная целыми поколениями русской оппозиционной интеллигенции, — задача низвержения царского самодержавия и создания буржуазно-демократического строя, возглавляемого Учредительным Собранием, — русская интеллигенция находила в себе силу воли бороться, хотя и не всегда решительно, против старого режима. Как только эта задача была разрешена и заговорили низы, как только миллионы рабочих и крестьян поставили на очередь уже не только чисто политическую революцию, а вопросы социальной революции, вопрос о социалистическом перевороте, в этот момент русская интеллигенция отпрянула от революционного движения, ибо ее духовному взору представлялось совсем не это. Она думала о создании России по образцу французской буржуазной республики или, в лучшем случае, Соединенных Штатов Америки. Она совершенно не была предыдущим своим развитием подготовлена к тому, чтобы примкнуть к пролетарскому революционному движению, для которого политические свободы были совершенно второстепенным, а на определенной стадии даже реакционным фактором.

Русская интеллигенция не могла примкнуть к движению чисто социалистическому, которое не только говорит о социализме как об отдаленнейшей перспективе, а которое, худо ли, хорошо ли, ставит вопрос о социальном перевороте ребром. Тут-то и начинается то отчуждение, которое в решающую минуту поставило интеллигенцию по другую сторону баррикад, что и вызвало немалое озлобление в самых широких кругах рабочих, солдат и крестьян. Оглядываясь теперь назад, мы можем отнестись к прошлому более объективно: нам гораздо более ясна тогдашняя психология нашей интеллигенции. Происходила первая социальная революция в мире, разрешалось уравнение с бесчисленным количеством неизвестных. Произошло это в момент, когда на полях империалистической войны все еще гремели пушки, причем этот первый опыт происходил в стране, которая по целому ряду причин казалась наименее для него подготовленной. Революция родилась из войны, и это в значительной степени предопределяло к ней отношение со стороны нашей интеллигенции. Наша интеллигенция как слой, опять-таки нельзя этого скры-

вать, была сторонницей империалистической войны. Тогдашняя русская печать, вплоть до самой левой кадетской, была полна шовинизма. Русская интеллигенция, часть студенчества, принимала участие в патриотических демонстрациях⁴. Мы все прекрасно помним, как петроградское студенчество набивало себе шишки на лбу, в буквальном смысле слова, падая ниц перед Николаем кровавым в демонстрациях перед Зимним дворцом. Мы помним, как смешались тогда все ряды. Милюков шел под ручку с Пуришкевичем. Это так называемый патриотизм интеллигенции также послужил гирькой на весах, оттягивавшей чашу интеллигенции. Еще не кончилась трижды проклятая война, как вспыхнула Октябрьская революция. Вся обстановка была такова, что интеллигенция не могла поверить в успех ее дела.

Когда мы смотрим теперь на роль интеллигенции во второй пролетарской революции, которая назревает сейчас в Германии⁵, то мы видим, что там она настроена по-другому. Германская интеллигенция едва ли захочет организовать саботаж. Германская интеллигенция, высший технический персонал в Германии, дает значительное количество сторонников пролетарской революции.

Германская интеллигенция отнюдь не представляет собою сплошной лагерь врагов коммунизма. Картина здесь другая и будет радикально иной на завтра после победы германского пролетариата.

В чем тут дело? Здесь оказывается ряд причин, но наиболее важная из них заключается в том, что германская революция будет уже вторым опытом в мировом масштабе; это будет вторая революция. За 6 лет мы уже доказали, — и не словами, а делом, — что даже в наших максимально неблагоприятных условиях (недостаточно созревшая промышленность, малограмотное крестьянство, тонкий слой пролетариата), что даже при этих неблагоприятных условиях можно победить, если поднимаются громадные массы рабочих. Вот почему германская интеллигенция совсем по-иному относится к тому, что сейчас происходит в Германии. Мы знаем, какое обаяние производит Советская Россия на широкие слои населения Германии, в том числе и на интеллигенцию.

Что означает это обаяние? В чем его смысл? В том, что те слои, которые в прошлом подходили к социальной революции, как Фома неверующий, те слои, которые до сего времени были по ту сторону баррикады, — эти слои населения теперь убедились, убеждаются, скажем осторожнее, что путь, избранный Россией, не случайный, и что избранный путь есть правильный путь. Вот почему, подходя к анализу роли интеллигенции в революции, мы, марксисты, должны подчер-

кнуть то, что подчеркивали и до революции, а именно: интеллигенция не есть сплошная масса — она разделяется, в свою очередь, на слои, группы и подгруппы, которые идут с различными классами населения. В зависимости от стадии революции интеллигенция играет в ней ту или иную роль, по-иному подходит к революции и оценивает ее. И мы видим на германской революции это с особой наглядностью. Германский пролетариат встретит много трудностей на своем пути, но он не будет иметь сплошной массы интеллигенции против себя. В частности, во время локального восстания в Гамбурге, повстанцы пользовались значительным сочувствием интеллигенции. Эта помощь и сочувствие несомненно примут большие размеры, когда дело будет идти не только о локальных восстаниях. Чем дальше будет развиваться процесс мировой социальной революции, тем большую часть интеллигенции мы увидим в наших рядах.

Маркс предсказывал это еще в те времена, когда вопрос о социалистической революции был только вопросом теории. Он тогда указывал, что по мере приближения революции лучшие люди из ученого мира, лучшие люди из интеллигенции будут переходить на сторону пролетариата⁶. Процесс этот происходит очень медленно. Мы не можем назвать еще очень большого количества имен. Правда, мы можем уже назвать таких людей, как покойный Тимирязев, как Эйнштейн, как недавно скончавшийся американский ученый Штейнметц, мы можем упомянуть ряд других славных имен, но это только первые ласточки, которые еще не сделали весны. По мере того, как мировая пролетарская революция будет шириться и крепнуть, когда мы увидим после первого русского опыта второй победоносный германский опыт, когда движение перейдет на третью, четвертую страну — можно ручаться, что в третьей, четвертой стране, где будет происходить социалистическая революция, мы увидим и все большие слои людей науки, представителей интеллигенции уже в рядах рабочих, чем это было и могло быть в первую революцию, русскую. Представители пролетариата должны в этой области с самого начала ориентироваться на длительный период, запастись некоторым терпением и значительной долей объективности, понимать те трудности, которые стоят на пути значительных слоев интеллигенции.

У нас в России, я думаю, мы эти трудности в значительной степени преодолели или, опять-таки будем скромнее и осторожнее, начинаем преодолевать. Все-таки мы не только о саботаже говорим, как об отдаленном прошлом, но я думаю, что даже о том холодке, который господствовал между вами и нами, мы можем уже говорить, как хотя и не об очень отда-

ленном, но все же прошлом. Создается обстановка, при которой интеллигенция, как группа, как известный слой, меняет свою ориентировку. Вся или почти вся учащаяся молодежь, не только наши рабфаковцы, не только наши друзья, вышедшие прямо из недр рабочей и крестьянской среды, но и учащиеся, вышедшие из других классов, в значительной части искренно, как это и подобает молодежи, также искренно, как в 17-м году они были против нас, сейчас идут с нами. Мы не забыли тех времен, когда эта же молодежь с оружием в руках вместе с юнкерами дралась в Петрограде и Москве против рабочих⁷. Мы не забыли, как на Дону в момент, когда казаки складывали оружие и не хотели драться с южными рабочими, студенческие отряды это оружие подбирали и шли с величайшим остервенением против рабочих и крестьян. Такое время было. Чем же это объяснялось? Более развитым классовым инстинктом, большей интеллигентностью. Эта молодежь считала, что ее долг бороться против пролетарской диктатуры, и она делала это с мужеством.

Я думаю, что очень значительные слои этой же молодежи с такой же искренностью и с таким же энтузиазмом поворачивают теперь в сторону Советской власти. Мы видим, как учительство, его масса, впервые тоже за время революции поворачивает в сторону Советской власти и Коммунистической партии. Это факт. Учителя в городах, учителя сельские, излюбленные герои нашей литературы, действительно необходимые для насаждения просвещения среди широких слоев населения, поворачивают в нашу сторону. Мы видим теперь серьезнейшую перемену настроения также среди представителей высшей части интеллигенции, которая также начинает понимать, что то, что было за эти 6 лет, не есть какой-то случайный эпизод, не есть наваждение, а есть действительно начало новой главы мировой истории, нечто такое, что будет в той или иной форме повторяться и уже начинает повторяться в ряде других стран.

Как только стал выявляться этот новый перелом настроения интеллигенции, мы готовы были сделать все возможное, чтобы пойти ему навстречу. Мы делали эту попытку даже в разгар гражданской войны. Вспомним знаменитое собрание интеллигенции в Петрограде, под председательством Алексея Максимовича Горького, происходившее в тяжкую годину гражданской войны и все же оставившее по себе немалые следы⁸. Я напоминаю попытку, которую делал больше всего Владимир Ильич, попытку создания той организации, которая называется Госпланом, которая сейчас заняла выдающееся место в нашей стране и со временем займет, несомненно, место еще более влиятельное. Мы собрали в эту организацию

не одну сотню лучших деятелей науки, которыми имеет основание гордиться наша страна⁹. Этот орган оказывает теперь влияние не только теоретическое, но и практическое на ход всей государственной и хозяйственной жизни, на бюджетную работу правительства и на ряд других в высшей степени важных сторон нашей работы.

Да и вообще не было недостатка в попытках с нашей стороны наладить сотрудничество. Но, товарищи, успех был до сих пор ограниченный. Эти попытки большей частью разбивались о подводные камни, которые всем вам хорошо известны. И только сейчас мы входим в такую полосу, когда это сотрудничество выражается уже в массовом масштабе и приобретает те размеры, которые необходимы нашей стране.

Часто теперь говорят, что интеллигенция, представители науки, приняла Октябрьскую революцию. Это было бы, пожалуй, товарищи, слишком рискованно утверждать относительно всей интеллигенции. Скажем опять осторожно, что когда значительная часть интеллигенции искренно заявляет, что она приняла Октябрьскую революцию и действительно считает, что она ее приняла, то на самом деле она из этой революции пока что приняла только нэп. Конечно, и то хорошо, потому что нэп есть все же часть политики пролетарского государства в определенный период социалистической революции. Я говорю тут о нэпе не в меркантильном смысле слова, не в том смысле, что наша интеллигенция вдохновляется образами нэпманов, ни в коем случае. Это было бы почти оскорблением для интеллигенции. Я говорю в широком смысле слова, в том смысле, что интеллигенция приняла нэп, новую экономическую политику, которая ей кажется более разумной, более осуществимой, более соответствующей историческому моменту. Это нисколько не означает того, что эта же интеллигенция вместе с нами не ненавидит нэпманов, вместе с нами не ненавидит спекулянтов, как колупаевых и разубаевых¹⁰. Можно сказать, что только маленькая часть интеллигенции приемлет Октябрьскую революцию как целое, как начало мировой революции. Но мне кажется, что нынешнее настроение интеллигенции все же создаст для нас новую базу, которая даст нам возможность сговориться о целях предстоящей эпохи.

Часто у очень крупных представителей науки по политическим вопросам существуют совершенно детские предрассудки. Я остановлюсь на примере такого выдающегося ученого, который пользуется, несомненно, всеобщим уважением в этом зале, — на профессоре Павлове.

Профессор Павлов — научная звезда первой величины. Его работы, приобретшие громадную популярность, являют-

ся, несомненно, ценнейшим вкладом в науку. Сотрудничество с таким человеком Советское правительство ценит в высокой степени, и в годы самой напряженной борьбы мы делали все возможное, чтобы с ним сговориться. Проф. Павлов недавно сделал большое путешествие. Он побывал в Америке, и в ряде других стран¹¹. И вот “из дальних странствий возвратясь”, он в Петрограде, открывая свой курс физиологии, следуя, как он говорит “своему обычному приему”, посвятил первую лекцию вопросам политики. Эта лекция в высокой степени интересна. Я знаю, конечно, что среди деятелей науки особенно много индивидуальностей и что каждого надо брать именно как особую индивидуальность. И может быть, проф. Павлов в этом отношении не отражает целого слоя, а отражает только одного себя. Но мне кажется, что его предрассудки свойственны не одному ему.

Профессор Павлов берет быка за рога и ставит ни больше, ни меньше, как вопрос о мировой революции. Он цитирует ряд заявлений представителей коммунистической партии, в особенности нашего друга, т. Бухарина, книги которого он, по-видимому, изучил особенно подробно¹². Он говорит: вы сами утверждаете, что ваша революция может победить лишь как мировая революция. Хорошо, но если так, то происходящее сейчас у нас есть чистейший бедлам. Где же у вас мировая революция? “Я только что сделал большое путешествие и я не вижу того, — я цитирую по стенограмме проф. Павлова, — что указывало бы на возможность мировой революции. Я этого не вижу и не видел, когда путешествовал. Вы видите, что там идут беспорядки. Конечно, после такой ужасающей войны это неизбежно. Лидеры нашей правящей партии верят в то, что мировая революция будет. Но я хочу спросить: до каких же пор они будут верить? Ведь нужно положить срок. Возьмите крупнейшие державы, которые в своих руках держат судьбы наций, как Франция, Англия, Америка. Там никаких признаков революции нет. Тишь и гладь. Я, правда, вращался исключительно в научных кругах, но все равно последняя война всех заставила интересоваться и общими вопросами. И это как свежую вещь, можно было бы слышать. Я ничего не слышал об опасности революции в Англии или во Франции, совершенно ничего не слышал. Идет брожение среди рабочих партий. Это обычное явление. Но никаких признаков приближающегося чрезвычайного положения совершенно нет”. Он говорит: я человек науки. Я работаю в лаборатории. Для меня фактом является только то, что я 20 раз проверил в своей лаборатории. А где же вы проверили вопросы мировой революции? Чем вы мне это докажете и почему не положили срока?

Вот вам подход совершенно бескорыстного, убежденного по-своему человека, который при такой постановке вопроса искренно считает, что то, что происходит у нас, есть совершенно неслыханный бедлам, разорение России, и который повторяет самые обывательские возражения против революции.

Я не знаю, товарищи, должен ли я объяснять, почему мы не можем назначить точного срока для мировой революции. Мне кажется, что самые узкие специалисты, — а мы очень ценим серьезных специалистов и превосходно отдаем себе отчет в том, что действительная наука требует громадной специализации, — все-таки я думаю, должны понимать, чем отличаются те химические процессы, которые великолепно наблюдает профессор Павлов в своей лаборатории, от процессов, связанных с общественной жизнью. Неужели это так трудно понять? Он превосходно описывает слюнные рефлексы собак. Каждый даже профан читает с наслаждением о слюнных рефлексах у собаки, обследованных и описанных до мельчайших тонкостей и, несомненно, движущих науку вперед и во многом напоминающих открытие Дарвина. Но одно дело слюнный рефлекс у собаки, у человека, и другое дело общественные явления, которые касаются десятков миллионов людей и развиваются в чрезвычайно сложной обстановке.

Мировая революция на то и мировая революция, что она происходит первый раз в мире, проф. Павлов! Неужели так трудно это понять? Мне рассказывали, что проф. Павлов, который был в числе оппозиционных Столыпину профессоров, подписывал в свое время манифесты вместе с земцами¹³. Правда, при этом он капризничал и брал в последний момент свою подпись обратно. Но это сейчас не важно. Я думаю, что перед 1905 г., когда он принадлежал к оппозиционерам и верил, что царизм падет, он не знал, что это будет 27 февраля 1917 г. с такой точностью, с какой можно говорить о слюнном рефлексе. Я думаю, что если бы проф. Павлов вышел на большие площади европейских городов и побывал не только среди ученых, а прислушался к тому гулу голосов жизни, которые раздаются в таких странах, как Германия и во всей центральной Европе, если бы он присмотрелся к той классово-вой борьбе, которая кипит в Америке, где он тоже побывал, он бы понял, что вопрос о социальном перевороте вошел в такую стадию, когда он становится злободневным не в том смысле, что это вопрос дня или года, а в том, что этот вопрос поставлен на повестку исторического дня. И этот вопрос не мог не быть поставлен империалистической войной. Это — то основное, чего не поняла наша интеллигенция. Она со всего разбега поддерживала империалистическую войну, видя в ней

войну освободительную. А когда дело подходило к ликвидации, т.е. когда на полях лежали груды трупов, когда все хозяйство было подорвано в корне, выдающиеся представители интеллигенции и науки думали: ну что же, повоевали и будет, а теперь соберется какой-нибудь великий конгресс, вроде Венского конгресса¹⁴, и так или иначе он замирит Европу, и все пойдет в колею. Проф. Павлов говорит: была большая война, было много споров. Бухарин, говорит он, смеется над тем, что было много конференций в Генуе, в Лозанне, и что все эти конференции были неудачны¹⁵. Проф. Павлов удивляется: ведь это же естественно, воевало столько держав, что, конечно, на одной конференции помириться трудно. Но будет несколько конференций, и в конце концов они помирятся, все войдет в свою колею.

Эта ограниченность кругозора ставит, мне кажется, нашу интеллигенцию иногда даже прямо в унижительное положение. Она ставит их в положение людей, которые верят в домового. Выходит так, что представители науки думают, что первая всемирная империалистическая война могла пройти бесследно, что так или иначе дело уляжется и кончится только маленькими переменами в облицовке фасада. Люди не ставят коренного вопроса, который, кажется, мог бы поставить даже и ребенок. Неужели они серьезно могут верить, что война кончилась, буржуазия остается у власти, весь механизм буржуазного строя продолжает действовать по-старому? Но неужели человечество потерпит, чтобы его ввергли в новые войны? Неужели сделанное кровопускание пройдет бесследно?

Неужели действительно все отношения собственности останутся старыми? Я говорю здесь не о сроках, не о темпе — в этом каждый из нас может ошибиться, может переоценить темп, как мы в октябре переоценили этот темп относительно Германии, — но о самом вопросе, который поставлен на повестку исторического дня. Не видеть этого для представителей науки, мне кажется, непростительно. Мы очень приветствуем признавшую Октябрь интеллигенцию, мы говорим: это шаг вперед. Но вам нужно для того, чтобы открытыми глазами посмотреть на божий мир, вам надо продумать первоначальную проблему przygotowительного класса, которая заключается в том, что первая всемирная империалистическая война не только маленький эпизод, который мог бы пройти бесследно. Вам надо продумать, какие же исторические пути лежат перед нами дальше, и я думаю, каждый, кто эту проблему перед собой поставит, не может прийти к другому выводу, чем тот, к которому мы пришли.

Вопрос относительно активного участия в этих грядущих событиях, это есть и вопрос темперамента. И мы прекрасно понимаем, что проф. Павлов не приспособлен для того, чтобы быть трибуном русских или французских рабочих, — этого от него никто не ждет, — но за всем тем не грех было бы людям науки подняться теперь на такую высоту, чтобы увидеть по крайней мере то основное, что вытекает из первой империалистической войны, и убедиться, что эта империалистическая война не может не поставить вопроса о социалистическом перевороте.

Мы нащупали, товарищи, теперь основное соглашение с громадным большинством интеллигенции. Но это вовсе не значит, что и сейчас спор с интеллигенцией в целом закончен. Он не закончен, хотя бы потому, что у нас в эмиграции живет очень значительное количество интеллигенции; эта интеллигенция имеет не только количественный, но и качественный вес. Этого нельзя забывать. В этой интеллигенции, которая все-таки тысячами нитей связана со всей интеллигенцией вообще, до сих пор клокочет ненависть против советского строя.

Уж казалось бы, что вопрос о признании Советской России есть пройденная ступень; оказывается, нет.

Во Франции происходит жаркая схватка, с одной стороны, между группой русской интеллигенции, руководимой Милюковым, и с другой стороны — группой французских политиков, руководимых недавно побывавшим здесь сенатором де-Монзи. И как вы думаете распределяются роли в этой схватке? Группа французских политиков во главе с де-Монзи, худо ли, хорошо ли, но открыто борется за признание Советской России; группа русской интеллигенции, возглавляемая Милюковым, открыто выступает против признания Советской России и обливает грязью де-Монзи с его партией. Вот как распределились роли. Дело дошло до того, что сенатор де-Монзи пишет Милюкову: “Неужели я не могу претендовать на то, чтобы стремиться к возобновлению сношений с Россией, не спросясь господ Коковцева и Милюкова“. Мне кажется, это не в бровь, а в глаз. И этот же де-Монзи говорит: “Да, ваша эмиграция весьма почтенная, но она состоит из благочестивых женщин и пострадавших дворян“. Я думаю, что де-Монзи ошибался: это есть группа более серьезная, но вы посмотрите на эту конфигурацию, что такое получается. Группа с Милюковым во главе издает газету; где? — в Париже¹⁶, в пекле мировой реакции, чтобы бороться с Советской Россией; ряд французских политиков, конечно, не ради наших прекрасных глаз, а из-за деловых интересов, говорит: неужели мы не можем признать Россию без разрешения гос-

под Коковцева и Милюкова. Вот вопрос о признании Советской России, который, казалось, давно должен быть решенным. Еще Милюков очень гордится и недавно держал речь в Лиге защиты прав человека¹⁷, что он не требует интервенции против России. Он считает, что мы должны за это ему преподнести благодарственный адрес. Но, товарищи, во-первых, если бы он даже потребовал интервенции, он бы ее не получил. Вот почему ему так легко отказаться от этого. А затем, неужели это такое большое благодеяние — не требовать от французской армии, чтобы она выступила против России — со стороны человека, который всегда был русским патриотом. Между тем Милюков знает, что в Европе не все благополучно. В его газете можно было читать, что “германский рейхстаг напоминает наш предреволюционный парламент”, т.е. то учреждение, которое было разогнано Октябрьской революцией¹⁸. Эта статья была озаглавлена: “Европейский надлом”. Я не буду ее цитировать, достаточно этого названия. Это значит, что та самая Европа, перед которой они все время расшаркиваются, она надломлена. Надломлено европейское равновесие, надломлено капиталистическое владычество, надломлен тот буржуазный строй, над которым вы молились. И тем не менее он над этим надломом Европы стоит на коленях и упрощает ее не признавать Советской России.

Сколько раз эта интеллигенция говорила против террора. Товарищи, я думаю, что у вас всех в памяти процесс по делу убийства Воронского¹⁹. Какую роль сыграла там часть нашей интеллигенции? Я беру уже не Милюкова, старого прожженного политика, я беру более типичных представителей интеллигенции — Кускову, Прокоповича, — они ли не ратовали против террора. Кто из вас сомневается в том, что Кускова вегетарианка, что она никогда не проливали крови? Какова была ее роль в процессе? Она выступала в защиту убийства тов. Воронского. Конради, благоуханный цветок русской интеллигенции, и Полунин, — вся зарубежная печать поставила себе задачу защищать их. Газета “Руль”, издаваемая тоже профессором-интеллигентом Гессеном, писала в день вынесения приговора: “Вердикт этот прозвучит безмерно громче, нежели самый выстрел Конради, потому что большевики создали обстановку и т.д. Судьи совести нанесли моральный удар Советской России”. Это были судьи совести, эти лавочники, которые оправдали убийцу. Вот маленький эпизод самых последних дней, в котором отражается, как солнце в капле воды, все состояние Западной Европы. Тов. Воронский тоже принадлежал к интеллигенции, к той славной плеяде марксистов, которые с начала 900-х годов под ударами царского самодержавия прокладывали дорогу рабочему классу. Это был

один из знаменитейших людей русского марксизма, один из талантливейших литераторов. Его убил Конради, который тоже считает себя интеллигентом, защищал Конради Прокопович, который тоже интеллигент, и Гессен, тоже интеллигент, пишет, что это есть моральный удар по Советской России.

Вот что мы получаем от нашей интеллигенции даже на 7-ом году революции, вот насколько велика амплитуда колебаний внутри самой интеллигенции.

Я вам процитирую еще одного интеллигента. На днях исполнилась годовщина итальянского фашизма. Вы понимаете, что это выдающееся историческое событие — годовщина итальянского фашизма, не то, что завоевание власти рабочим классом в полудикой варварской стране — России. И один из выдающихся русских интеллигентов, Философов, имя, я полагаю, вам достаточно известное, пишет следующее: “26—27 октября 1922 г. из Неаполя двинулись на Рим черные рубашки. Стройными рядами вошли в Вечный Город фашисты и расположились лагерем перед парламентом.

Они были похожи на войско, только без оружия, их привел небольшой, коренастый человек, с резкими чертами лица, твердыми, пронзительными глазами, актерским обликом.

Легкой походкой поднялся он по широким ступеням парламента“... И далее, прямо стихотворение в прозе. Я даже не знал, что Философов обладает таким почти поэтическим даром. И по поводу кого расточается этот дар? — По поводу Муссолини.

Итак, вы видите, что люди, подобные Философову, находятся сейчас на ролях человека, который (ну, как бы это выразиться поделикатнее?) духовно обслуживает Муссолини. Кускова обслуживает Конради и Полунина, Милюков обслуживает худшие элементы французских политиканов и французского империализма, которые лелеют еще мечту повести свои войска против Советской России. Эти имена не случайные, их не вырвешь из истории русской интеллигенции, из контекста событий, вот почему я никак не мог обойти их молчанием. Нововременцы подают им руку. Когда в “Новом времени“ заявляется, что сильных людей в Европе только трое: Пуанкаре, Пашич и Муссолини, — то это понятно, но когда по этой дорожке идут Философовы, то это показывает, что среди выброшенной за борт русской интеллигенции есть люди, которые и сейчас точат нож против русской революции и систематически работают над тем, чтобы намечающееся между вами и нами сотрудничество расстроить.

Я хотел бы процитировать еще одного интеллигента, имя которого вам известно. Я говорю о Петре Струве, о человеке наиболее последовательном из наших противников, о человеке

ке, который привык додумывать свои мысли до конца, мнение которого поэтому наиболее ценно. Он недавно в Праге произносил речь программного характера, озаглавленную "Отечество и собственность". Речь была посвящена юбилею 19 февраля 1861 года. Он говорит:

"Но как ни велика и ни величественна реформа 19-го февраля 1861 г., мы должны до конца понять и прямо и открыто признать, что в своем завершении она была запечатлена одним крупным недостатком, я бы сказал, великим и роковым историческим пороком. Крестьяне были освобождены не только лично, земля была дана им в постоянное пользование и в неотъемимое сословное владение, но освобожденный крестьянин не был сделан ее собственником, хотя значительная часть пространства, которую обрабатывало крепостное крестьянство, и по освобождении осталось в его руках. Крестьянин был наделен землей, но не собственностью..." И дальше он тоже почти в стихах поет дифирамбы собственности. «Знаете ли, — говорит он, — какой первоначальный смысл слова "патриот". Слово это обозначает человека, который сидит на прочно унаследованной родовой земле, означает отечество и собственность. Быть патриотом, значит любить свое отечество, как собственность». И вот все на эту тему. Речь кончается знаменательными словами: "*Отечество и собственность*". Струве это выразил с угловатостью, которая ему свойственна, но это лозунг, который объединяет Струве со всей белой эмиграцией и, я думаю, даже некоторой частью той по-новому настроившейся интеллигенции, которая приемлет частичку революции, именно нэп. Я не знаю, может ли вызвать большой энтузиазм среди широких кругов интеллигенции лозунг: "Отечество и собственность" после того, что пережило человечество за последние годы, но, как эволюция умов известной части интеллигенции, заявление Струве характерно. Сюда относятся и те слои интеллигенции, которые лелеют мечту о реставрации, конечно, не в грубой форме, а чтобы лозунгом стала "собственность". Им все еще кажется, что удастся повернуть вспять колесо истории. Я хотел бы вас познакомить еще с одной работой, более объективной, Лутохина, напечатанной тоже в Праге, в белогвардейской печати. Это статья человека, который 5 лет пробыл при Советской власти в России. Он описывает русскую интеллигенцию "под советами", как он выражается. "Велики, — он пишет, — мистические увлечения интеллигенции. Один молодой ученый-финансист прежде, чем решить вопрос: уезжать ли за границу, ходил к гадалкам. Это типично. Оккультные науки изучаются с увлечением, науки общественные мало интересуют". Я не знаю, товарищи, хорошо ли Лутохин знает эту сре-

ду. Может быть, в самом деле, у нас есть еще люди, для которых самый авторитетный источник, разрешающий все сомнения, это гадалка. У меня нет оснований не верить этому самому Лутохину. По его представлению, интеллигенция переживает громадный душевный кризис. Идущая на смену интеллигентская молодежь, по его мнению, также снедаема сомнениями и колебаниями. “Материальное положение, — говорит он, — чуть-чуть улучшается, но зато моральное настроение интеллигенции из рук вон плохо”.

А вот еще один последний отзыв, которым я хотел с вами поделиться. В той же Праге издается журнальчик “Воля России”. И в последней книжке его имеется сообщение о беседах с прибывшими из России. До сих пор они ловили за фалды приезжих из России, чтобы почерпнуть у них сведения о том, как погибают в Советской России. Теперь наши противники вынуждены констатировать совершенно противоположные настроения. Один из них констатирует:

«Позвольте вас познакомить, вот Н.Н., только что приехал из России, — обращается один из приятелей. Пожимаем руки: “Вы когда из Москвы”, спрашиваю. Отвечает: “В пятницу выехал”. Два дня назад представители другого — тоже несколько дней назад, как приехал из Петрограда. Сегодня случайно познакомился с человеком, который три-четыре дня тому назад еще был в Киеве. И так почти каждый день приезжают новые люди из России и Украины и все сообщают о тамошней жизни почти одно и то же. Уже не приходится выслушивать рассказы о том, что в России стало “легче” жить. Это уже неинтересно. Каждый старается показать и подчеркнуть, что обыватель начинает находить “почву под ногами”. Внешний вид приезжающих действительно противоположен тому, какой был до нэпа. Тогда приезжали оборванные, с каким-то специфическим запахом беженцев. Теперь и одеты прилично и выглядят сытыми людьми. Каждый подчеркивает, что жить трудно, приходится вывертываться всякими способами, но все-таки живут и не голодают. Помню, совсем недавно встретил приехавшую два дня назад из Киева девушку. Нарочно, чтобы посмотреть, какое на нее производит впечатление наша столица, повел ее на главную улицу. И все время следил за тем, как она реагировала на окружающее, и вот оказалось, что поражающего она ничего не заметила. “Ну, как же у вас одеваются?” — спрашиваю. Она посмотрела на публику, шедшую мимо нас, и ответила: “Значительно скромнее и больше черных, чем ярких платьев у дам”. — “Ну, а народу также много, как здесь?” — “Днем, отвечает, у нас очень мало ходит по улице публики, ибо все заняты, все где-нибудь работают, но зато утром, когда бегут по улицам Киева на

службу, народу гораздо больше, чем здесь у вас“. Еще задал я несколько вопросов и все получал ответы, из которых видно было, что особенного удивления моя собеседница не испытывает».

Итак, эти сведения из Петрограда, Москвы, Киева — достаточно видные города Советской России. Мне кажется, товарищи, что это уже не в бровь, а в глаз всем Милюковым и прочим. Да, по части фланирования в ярких платьях у нас меньше, хотя, по правде говоря, можно было бы пожелать еще меньше. Зато бывают определенные часы, когда у нас на улице мы действительно видим больше людей, которые спешат на работу.

Автор этого белогвардейского журнала пишет дальше почти с ужасом: «Любопытно проявление большинством чувства национализма. Признаться, это несколько новое чувство для многих и многих из русских людей. Это не шовинизм, а именно “национальное чувство“. Они часто повторяют: “у нас в России“, мы “русские“, при чем один из моих собеседников настаивал и доказывал, что в известной части последние демонстрации против Англии были искренними. Эти люди разводят руками: неужели можно искренно говорить о том, что идут на демонстрацию против Керзона по собственной воле, а не сгоняемые пулеметами»²⁰.

«В дополнение к данному разговору приведу беседу с одной дамой, которая на днях приехала из Москвы. Когда я стал с ней беседовать о заграничной русской печати, то она мне категорически заявила, что, по ее мнению, эмигрантская пресса запоздала в своих расценках положения по крайней мере на полтора года. У вас здесь не понимают, что делается в России. Больше всего ее возмутил “Руль“. Она между прочим рассказала, что в Москве все-таки попадается “Руль“ и за него не сажают в ГПУ. Однажды к ней зашла коммунистка, работающая вместе с ней в одном учреждении. Взяла со стола “Руль“ и с укоризной, рассказывала моя собеседница, указывает: посмотрите, какую чепуху пишут в вашей эмигрантской печати. И я должна была не только сознаться, но и сама перед собой “покраснела“. Мы пришли к тому периоду, когда даже невольная, несознательная лож приносит огромный вред, который может быть иногда непоправимым. Коммунисты широко используют эмигрантскую печать для воздействия, особенно молодежь. Иногда даже им выгодно, чтобы эмигрантская печать распространялась среди известных кругов». “Коммунисты пользуются эмигрантской печатью“. Есть такой грех, и я сегодня делаю то же самое. «Я считаю, — говорил один из моих собеседников, — что право свободного слова за границей не использовано в достаточной степе-

ни. Не в том дело, чтобы можно было свободно ругать Советскую власть, а в том, чтобы независимо от какой бы то ни было “турецкой политики” говорить о том, что надо России, чтобы она могла поскорее выбиться на верную дорогу. У вас здесь говорят “конечно, надо, но прежде всего надо скинуть большевиков”. Я вам замечу: так вы же видите, что *они не скидываются*»...

Таким образом, товарищи, теперь только, на седьмом году революции, крепкие черепа некоторых представителей эмигрантской интеллигенции начинают как будто, соображать, что Советская власть “не скидывается”, что против Керзона люди идут искренно. Они этого не понимают, потому что все их существование идет на счет Керзона. Я думаю, что в вопросах иностранной политики мы можем теперь сойтись со всей интеллигенцией, находящейся в России, которая видит, насколько правильна та линия, которую ведет Советская власть и коммунистическая партия. Вы все знаете Пешехонова, человека, с которым мы немало боролись и который выпустил недавно интересную книжку: “Почему я не эмигрировал”²¹. Он написал эту книжку уже в Ревеле, переехав нашу границу, остановился там на несколько дней, чтобы написать ее, по его словам, “по горячим следам”, пока не попал в эмигрантское болото и не подпал под его влияние. Между прочим, его пророчество как раз сбылось.

Пешехонов, который был очень ярким нашим противником, в вопросах иностранной политики должен был признать нашу правоту. Он пишет: «Я радовался, когда советские войска прогнали поляков из Киева, я радовался, когда советская дипломатия делала удачный шаг и поднимала международный престиж России...»

“Я считаю себя обязанным сказать несколько слов о государственных заслугах большевиков. Конечно, не для того это я делаю, чтобы оправдать все содеянное ими и не потому, что нахожу удовольствие быть “адвокатом дьявола”. Да, большевики, по моему убеждению, сделали большое дело, и я прямо назову его: они восстановили русскую государственность. Как так? Они именно разрушили ее — несомненно воскликнут многие читатели. Не отрицаю. Да большевики — не одни они, но главным образом они — эту государственность разрушили, но они же ее и воссоздали”».

Товарищи, для того, чтобы исторгнуть из уст такого человека, как Пешехонов, признание, что мы восстановили русскую государственность, для этого нужно было немало поработать. Наблюдая всю гамму настроений этой части зарубежной интеллигенции, я думаю, что расслоение теперь пойдет быстрее, что не понадобится десятка лет для того, чтобы по-

нять сущность дела, потому что они получают хорошие уроки в Берлине, в Праге. Когда Изгоев описывает 1 мая в Праге, то видно, что то, чего он не понял, сидя еще в предварилке в Петрограде, а его пришлось некоторое время там подержать, то он понял во время первомайской демонстрации в Праге, когда увидел, что народ идет за коммунистами, что только маленькая часть идет за социал-демократами, а пражские рабочие крупнейшего центра и громадная лавина населения идет под знаменами коммунистов, на которых изображены серп и молот — эмблема советской власти. Для всех людей искренних, для таких людей эти впечатления не пропадают зря. И в Берлине многие из русских интеллигентов это также поймут. Конечно, часть спасает себя. Когда казалось, что в Германии уже начинается социальная революция, многие решили уехать в Варшаву, думая, что это самый надежный пункт, но я боюсь, что они выбрали место не особенно правильное. События в Польше в течение последних 2-х недель, частичные восстания и первый переход 3-х крестьянских полков на сторону рабочих — эти события таковы, что я, будь я белогвардейским эмигрантом, я выбрал бы другой уголок. Правда, большого выбора нет...

Часть эмиграции начала шевелить мозгами по-другому. Они видят, что революция начинается и в Германии. Правда, обстановка там другая: нет демобилизованных солдат, этих “серых горилл”, как назвала их Гиппиус, всем вам известная поэтесса, это почти небесное создание, никогда не интересовавшееся политикой, противница насилия, почти вегетариантка. Так вот, я говорю, есть же люди, которые поймут, что и в России не только были “серые гориллы”, что это не был только стихийный бунт, а что это нечто такое, что стучится в дверь мировой истории, что надвинулось на нас в результате войны не случайно, а потому, что человеческая история, человеческое развитие к этому привели.

За всем тем мы отдаем себе отчет в том, что есть большая разница в основном настроении, во всей гамме настроений, которая господствует в интеллигенции, находящейся за рубежом, и у интеллигенции, находящейся здесь у нас. Да, у нас много несогласий было, есть и, вероятно, будет (не будем этого скрывать), но все же наша интеллигенция, сколько-нибудь добросовестная, даже та, которая прошла через тяжкие годы 18-й, 19-й и 20-й с пайками, “буржуйками”, отсутствием дров, с теми лишениями, которые всем нам хорошо известны, видела и не могла не видеть, как Советская власть, как рабочий класс, возглавляемый нашей партией, бился, как рыба об лед, чтобы защитить основные интересы нашей страны; она видела, что нашу страну, которую только ленивый раны-

ше не бил, разделили бы, расчленили (как теперь с Германией делают), если бы не Советская власть; видела, как спасла от этого нашу страну Советскую власть; видела, что наше правительство и наша партия, хотя и ошибались иногда (я этого не скрываю), но ошибались вместе с рабочим классом и с народом, затем исправляли свои ошибки и вывели страну в общем и целом на широкую дорогу.

Мы теперь уверены, что настал момент, когда не на словах, а на деле мы начинаем вписывать новую страницу в историю взаимоотношений Советской власти и коммунистической партии, с одной стороны, и интеллигенции — с другой. Прошлого не будем вспоминать. Над прошлым надо поставить точку, крест. Мы не устраиваем состязательный процесс между рабочим классом и интеллигенцией. Рабочий класс не злопамятен, не может быть злопамятен, потому что это класс будущего, он не страдает собачьей старостью, как буржуазия, он не может быть мстителен, как бывают мстительны погибающие классы, ему нужна мощная поддержка со стороны людей культуры. Перед нами новый мир. Кто хочет помочь добиться знаний, поставить страну на ноги, уничтожить безграмотность, сделать страну нашу культурнейшей страной всего мира, должен нам помочь.

Сейчас кончается определенная глава, даже может быть уже кончилась. Я вспоминаю слова Ленина: “завоеванное и записанное — это надо отличать“. Я думаю, что мы теперь уже не завоевываем регулярные, добрые отношения, а записываем, записываем завоеванное этими шестью годами. После 6 лет революции создались более нормальные взаимоотношения между интеллигенцией, людьми науки и рабочим классом. Революция со всеми ее изъятиями, со всеми ее трудностями обращается ко всем и говорит: полюбите нас черненькими, со всеми тяготами, которые стояли на нашем пути, надрывом во время войны, голодовкой, сыпным тифом, вошью, безграмотной деревней, нечесанными мужиками. Я думаю, что теперь, когда происходят эти съезды интеллигенции в Питере и во всероссийском масштабе, мы записываем наши завоевания, регистрируем их, вводим в определенные рамки, даем организационную оболочку тому, что уже завоевано. Разоружение уже в сущности давно наступило, а в тех местах, где не наступило, должно наступить. Военные действия, которые одно время были между интеллигенцией и рабочим классом и должны были быть, как неизбежное, теперь приостановлены, а где не приостановлены, там должны быть приостановлены. Мы нашли общую дорогу. Вы помните старую, ветхозаветную народническую формулу: пролетариат, крестьянство, интеллигенция, как триединство. Это было пус-

той фразой до 1917 г. Нужна была диктатура пролетариата, чтобы создать реальную базу для воплощения в жизнь этой триединой формулы. Теперь это не фраза, это не пустые слова. Люди науки, люди типа Павлова, конечно, не могли стать вождями переворота, не могли помочь народу в тот момент, когда нужно было делать решающие шаги. В 1917 г. рассматривать Павлова, интеллигенцию, ученый мир как союзников пролетариата, было бы простой фантазией, обманом. Нужна была диктатура пролетариата, необходимо было прижечь огнем обнаженные язвы, нужна была революционная хирургия, когда нужно было действовать, надо было пережить “10 дней, которые потрясли мир”, как сказал Джон Рид. Все это мог выполнить только пролетариат. Интеллигенция в лучшем случае была нейтральна, а в худшем — по другую сторону баррикад. Теперь, когда 6 лет диктатуры обеспечили независимость нашей стране, создали нормальные условия для развития хозяйства, вывели из беды и поставили на правильные рельсы, это уже не фраза. Да, наступает момент, когда пролетариат, крестьянство и интеллигенция создадут один союз. Ветхозаветную народническую формулу триединства раньше невозможно было осуществить, потому что она была тогда только фразой. Теперь она воплотится в действительность, облечется плотью и кровью.

Пройдет год, другой, и мы увидим, что Россия станет не та. Уже сейчас русская деревня не та, что была до революции. Конечно, и сейчас мы нищие, мы в рубищах. Да, революция не располагала ресурсами, чтобы накормить всех голодных, одеть, создать хорошую школу, поставить всех в человеческие условия существования. Для этого не хватало материальных ресурсов, т.к. революция родилась из войны, которая разорила все. Но в культурном отношении революция очень много сделала для страны. Крестьяне в России уже не те, что были 6 лет тому назад. Мы — обновленная страна. Пуанкаре сказал недавно, что сейчас есть две независимые страны — Франция и Советская Россия. Что касается Франции, мы оставим слова Пуанкаре на его ответственности, не о ней мы сейчас говорим. Но, что касается России — это верно. Если есть какая-нибудь независимая в подлинном смысле страна, которую не заставят платить царских долгов и 132 миллиарда контрибуции золотом, что хотят взять с Германии по Версальскому договору, если есть нация, которую не будут распинать на кресте, которую не будут грабить капиталисты, а которая сама держит свою судьбу в своих руках, то это наша великая страна. В прошлом году один социал-демократ, меньшевик, Ст. Иванович (известный по газете “Речь”, “День” и прочим органам “свободной печати”) выпустил

книжку, в которой он говорит следующее: “С тех пор прошло 5 лет; если кто-нибудь тогда бы сказал, что это продержится еще 5 лет, то его сочли бы сумасшедшим, а если бы теперь сказал, что продлится еще 5 лет, то его сочли бы всего лишь пессимистом“. Ну, как видите, теперь прошел уже 6-й год. Но не будем считать годов. Теперь мы можем сказать, что пока будут существовать государство, до тех пор будет и у нас в России существовать Союз Советских Социалистических Республик.

Мы твердо уверены, что то, что будет сказано на этом съезде, будет хорошо и как следует записано, будет вложено в организационную оболочку. Мы построим свои ряды. Если понадобится через год, два перестраиваться — перестроимся. Мы не фетишисты организационной формы, а сделаем так, как это будет полезно для дела. Этот съезд, я уверен, войдет в историю нашей революции и в историю нашей интеллигенции. Старого вспоминать больше не будем. Перед нами громадное новое будущее. С одинаковой твердостью, самоотверженностью и беззаветностью мы возьмемся за работу по восстановлению нашей родной страны, Союза Социалистических Республик. Нашей мечтой, нашей гордостью, нашей амбицией является то, чтобы добиться в ближайший срок того, чтобы наша страна, которая долгие годы стонала под игом самодержавия, а затем разорялась и сжигалась, как свеча с двух сторон, при кратковременной власти буржуазной “демократии“, чтобы наша страна заняла теперь выдающееся место в семье народов, чтобы у нас не было неграмотных, чтобы мы покрыли университетами всю страну, чтобы мы действительно вывели наш великий талантливый народ, много мучившийся, запоздавший на сотню с лишним лет со своей буржуазной революцией, но, в силу счастливых обстоятельств, сделавший первым свою пролетарскую революцию, вывели на широкую дорогу и помогли ему занять то место, которое он должен занимать.

ПРИМЕЧАНИЯ

БУДУЩЕЕ ИНТЕЛЛИГЕНЦИИ

¹Материалы диспута, состоявшегося 6 апреля 1924 г. в Политехническом музее в Москве, сохранились в реферативном изложении. В настоящем издании печатаются по: *Бюллетени литературы и жизни*. — 1924. — Кн. 3. — С. 190—192.

²Более подробное изложение взглядов М.А. Рейснера см.: *Интеллигенция как предмет изучения в плане научной работы // Печать и революция*. — 1922. — № 1. — С. 93—105.

³Аскеза (от греч. askesis) — образ жизни, отвечающий требованиям аскетизма.

⁴Акриды — саранчовые насекомые. “Питаются диким медом и акридами” — голодать, скудно питаться.

⁵М.А. Райснер здесь выражал интересы левого крыла профессорско-преподавательского состава вузов страны. В частности, созданные в 1921—1923 гг. в ряде крупных центров так называемые группы левой профессуры одной из своих задач считали борьбу против “корпоративности и кастовости” вузов и, пользуясь при этом поддержкой партийно-государственных органов, способствовали размежеванию в среде вузовской интеллигенции. Сама же чистка преподавательского корпуса в скрытых формах шла с первых лет Советской власти. Так, в 1922 г. из страны была выслана группа профессоров, преподававших в вузах Петрограда, Москвы и других городов, — Н.О. Лосский, Н.П. Карсавин, П.А. Сорокин и др.

⁶В своих построениях Б.И. Горев фактически базировался на богатой марксистской традиции сравнительного анализа природы интеллигенции и рабочего класса, занятых разновидностями труда — умственным и физическим. — См., напр., у В.И. Ленина: “Никто не решится отрицать, что *интеллигенция, как особый слой* современных капиталистических обществ, характеризуется, в общем и целом, *именно индивидуализмом* и неспособностью к дисциплине и организации (ср. хотя бы известные статьи Каутского об интеллигенции); в этом, между прочим, состоит невыгодное отличие этого общественного слоя от пролетариата...” (*Ленин В.И.* Полн. собр. соч. — Т.8. — С. 254). В то же время Ленин твердо стоял на позиции оценки интеллигенции как промежуточного слоя, примыкающего своими крайними полюсами к буржуазии и пролетариату, но сохраняющего свою социальную определенность. Б.И. Горев же делал упор на общность социальной природы и целей работников умственного и физического труда, хотя и не отрицал наличия ряда серьезных различий между этими группами.

⁷В действительности же точка зрения, высказанная Ю.Н. Потехиным, не была оригинальной. Так, еще в первые послеоктябрьские дни подобные оценки социальной природы большевиков преобладали в публицистике представителей разных политических партий. А.А. Богданов, в частности,

утверждал, что послеоктябрьская власть есть государство не пролетариата, а интеллигенции, которая формируется теперь как новый класс. В настоящее время тезис о том, что в 1917 г. к власти в России пришли маргинальные (в том числе интеллигентские) слои, получил широкое распространение в западной литературе и стал достоянием отечественной публицистики.

СУДЬБЫ СОВРЕМЕННОЙ ИНТЕЛЛИГЕНЦИИ

¹Диспут о судьбах русской интеллигенции состоялся 10 марта 1925 г. в Москве в Большом зале консерватории. В ряду многочисленных дискуссий 1924—1925 гг. данный диспут занимал особое место. Оно определялось временем проведения (весна 1925 г. совпала со своего рода апогеем в развитии нэпа, когда была провозглашена социальная политика, направленная на улучшение условий существования и деятельности непролетарских масс города и деревни — крестьянства, интеллигенции, ремесленников и др.) и составом участников (идеолог большевизма Н.И. Бухарин, руководитель культурной политики А.В. Луначарский, представитель российской демократической интеллигенции П.Н. Сакулин и один из лидеров сменовеховского движения Ю.В. Ключников). Опубликованные отдельным изданием (*Судьбы современной интеллигенции*. — М., 1925) материалы диспута получили широкое распространение и резонанс среди общественности страны. Кроме того, отдельно было издано выступление Н.И. Бухарина. — См.: *Вопросы культуры при диктатуре пролетариата*. — М.; Л., 1925. — С. 152—165; *Печать и революция*. — 1925. — № 3. — С. 3—10. В данной книге материалы диспута публикуются по отдельному изданию.

²См., напр.: *Луначарский А.В.* Смена вех интеллигентской общественности // *Культура и жизнь*. — 1922. — № 1; *Он же.* Об интеллигенции. — М., 1923; *Он же.* Интеллигенция в ее прошлом, настоящем и будущем. — М., 1924; и др.

³В частности, в США удельный вес конторских и торговых служащих в составе самостоятельного населения страны возрос с 8,0% в 1900 г. до 14,7% в 1920 г., в то время как доля рабочего класса практически не изменилась — 53,5% в 1900 г. и 53,1% в 1910 г. — См.: *Семенов В.С.* Капитализм и классы. — М., 1969. — С. 189, 206.

⁴См., напр.: *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. — 2-е изд. — Т. 23. — С. 81, 516.

⁵Лейтмотивом большинства ленинских высказываний был тезис о необходимости использования партией в работе со специалистами различных методов. Вот одно из них: “Совершенно незачем выкидывать полезных нам специалистов. Но их надо поставить в определенные рамки, предоставляющие пролетариату возможность контролировать их. Им надо поручать работу, но вместе с тем бдительное следить за ними, ставя над ними комиссаров и пресекая их контрреволюционные замыслы. Одновременно необходимо учиться у них. При всем этом — ни малейшей политической уступки этим господам, пользуясь их трудом всюду, где только возможно“. — *Ленин В.И.* Полн. собр. соч. — Т. 38. — С. 6—7.

⁶Классовый принцип комплектования высшей школы в 20-е гг. реализовывался через систему разверстки мест в вузы, которая была призвана создать благоприятные условия для увеличения рабоче-крестьянской прослойки, а также партийно-комсомольской группы среди студенчества. Так, в 1925 г. из 18 тыс. мест на первом курсе 8 тыс. должны были занять выпускники рабфаков. Остальные места распределялись следующим образом: по 15% — ЦК РКП(б) (партийным организациям), ЦК комсомола (комсомоль-

ским организациям), ВЦСПС (членам профсоюзов), демобилизованным и инвалидам, 25 — особо талантливой молодежи из школ 2-й ступени, техникумов и совпартшкол, 20 — трудовой интеллигенции и 5 % — союзным республикам в порядке обмена. — *Украинцев В.В.* КПСС — организатор революционного преобразования высшей школы. — М., 1963. — С. 85.

⁷Более подробно взгляды А.В. Луначарского на данную проблему изложены им в статье «III Интернационал и интеллигенция» (Коммунистический Интернационал. — 1921. — № 17).

⁸См., напр.: *Ленин В.И.* Полн. собр. соч. — Т. 36, — С. 366—367.

⁹Речь идет о работе К.Каутского «Интеллигенция и пролетариат» (Одесса, 1905).

¹⁰Сменовеховство — массовое общественно-политическое течение, зародившееся в среде российской интеллигенции как внутри страны, так и за рубежом. Название течения дано по сборнику «Смена вех» (Прага, 1921), авторами которого были видные деятели эмиграции — Н.В. Устрялов, Ю.В. Ключников, С.С. Лукьянов и другие, призывавшие интеллигенцию к примирению и деловому сотрудничеству с Советской властью «во имя русского национального дела». Политика партии предполагала учет неоднородности и противоречивости самого сменовеховства. Так, в резолюции XII конференции РКП(б) отмечалось: «Так называемое сменовеховское течение до сих пор играло и еще может играть объективно-прогрессивную роль. Оно сплачивало и сплачивает те группы эмиграции и русской интеллигенции, которые «примирились» с Советской властью и готовы работать с ней для возрождения страны. Постольку сменовеховское направление заслуживало и заслуживает положительного отношения. Но вместе с тем нельзя ни на минуту забывать, что и в сменовеховском течении сильны буржуазно-реставраторские тенденции...» (*КПСС* в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК. — 9 изд. — М., 1983. — Т.2. — С. 590). Со второй половины 20-х гг. акценты в политической оценке сменовеховства были неправомерно смещены: в сущностной характеристике течения подчеркивалось «реставраторство», его представители внутри страны подверглись политическим преследованиям.

¹¹Речь идет о I Всероссийском съезде научных работников, состоявшемся в Москве 23—27 ноября 1923 г. (см. доклад Г.Е. Зиновьева на с. 137 настоящего издания).

I Всероссийский учительский съезд проходил в Москве с 12 по 17 января 1925 г.

¹²В 1919 г. В.И. Ленин отмечал: «Наша задача — путем опыта привлечь в широких размерах специалистов, заменять их, подготавливая новый командный состав, новый круг специалистов, которые должны научиться чрезвычайно трудному, новому и сложному делу управления» (*Ленин В.И.* Полн. собр. соч. — Т.39. — С. 431).

¹³Близкий к данному принцип членения интеллигенции, основанный на разграничении ее социальных функций, был предложен в начале 20-х гг. проф. М.А. Рейснером. Взяв за основу механизм функционирования культурного цикла, он выделял в составе интеллигенции три категории: а) создатели, творцы духовных ценностей; б) приспособители; в) хранители и реализаторы этих ценностей. — *Рейснер М.А.* Интеллигенция как предмет изучения в плане научной работы // Печать и революция. — 1922. — № 1. — С.93—105.

¹⁴Московское педагогическое общество, организованное при университете, в 1905 г. возглавляли известные историки-марксисты М.Н. Покровский и Н.А. Рожков. Несмотря на репрессии и запреты царских властей, в рамках общества велась большая революционно-пропагандистская работа. Общество

сыграло важную роль в создании общероссийского Союза учителей (июнь 1905 г.).

¹⁵Учение же социализма выросло из тех философских, исторических, экономических теорий, которые разрабатывались образованными представителями имущих классов, интеллигенцией. Основатели современного научного социализма, Маркс и Энгельс, принадлежали и сами по своему социальному положению к буржуазной интеллигенции". — *Ленин В.И.* Полн. собр. соч. — Т.6. — С. 30—31.

¹⁶Здесь и далее П.Н. Сакулин обосновывает необходимость более осторожного и взвешенного подхода к оценкам отношения интеллигенции к Октябрьскому перевороту, которое, по его мнению, было излишне политизировано большевиками. П.Н. Сакулин справедливо подчеркивал, что нельзя любые проявления позиций считать саботажем: основная часть интеллигенции, оказывая гражданское неповиновение новому режиму, продолжала тем не менее свою профессиональную деятельность.

¹⁷Искаженное от фр. *controverse* — контроверза — разногласие, спор, спорный вопрос.

¹⁸П.Н. Сакулин имеет в виду динамику партийного состава правительства в России после Февральской революции. Кадеты занимали положение правящей партии в однородном Временном правительстве Г.Е. Львова (март—май 1917 г.). В составе же последнего по счету 3-го коалиционного Временного правительства (сентябрь—октябрь 1917 г.) на 10 из 16 министерских постов находились представители эсеровской и меньшевистской партий. Совет Народных Комиссаров с момента создания и до декабря 1917 г. (когда образовался блок с левыми эсерами) являлся однородным большевистским правительством.

¹⁹*Обращение к ученым // Коммунистический труд. — 1920. — 14 дек.*

²⁰Речь идет, вероятно, о временах гражданской войны, когда в ходе красного террора (жертвами которого была и часть интеллигенции) проводились массовые аресты, расстрелы, взятие заложников. Известность получили протесты А.М. Горького в связи с санкционированными Г.Е. Зиновьевым массовыми репрессиями против деятелей науки и культуры Петрограда. Кроме того в самом руководстве партии были представлены лидеры течений, в той или иной форме борющихся против курса на привлечение специалистов ("левые коммунисты", "военная оппозиция", "рабочая оппозиция", "децисты" и др.).

²¹Воззрения Н.И. Бухарина и А.В. Луначарского, несмотря на ряд различий, имеют принципиальное сходство и находятся в русле нынешних марксистских представлений о социальной природе интеллигенции и ее месте в структуре буржуазного общества как части промежуточных средних слоев.

²²В США доля интеллигенции и служащих, работающих по найму, в составе самостоятельного населения увеличилась с 12,7% в 1900 г. до 21,5% в 1910 г., в том числе управленческого персонала вдвое — соответственно с 1,3 до 2,6%. — *Труд при капитализме. — М., 1964. — С. 117.*

²³О марксистском анализе диалектической взаимосвязи политики со сферами научной и культурной деятельности см.: *Ленин В.И.* Полн. собр. соч. — Т.37. — С. 188—197.

²⁴Родился 27 сентября (по старому стилю) 1888 г. в Москве, — писал Н.И. Бухарин в автобиографии. — Отец был в то время учителем начальной школы, мать — учительница там же. По специальности отец — математик (кончил физико-математический факультет Московского университета). Воспитывали меня в обычном интеллигентском духе... — *Энциклопедический словарь Русского библиографического института Гранат. — 7-е изд. — М., [б.г.] — Т.41. — Вып. 2. — Стб. 52.*

²⁵ Во время июльских событий 1917 г. политикан, журналист, ранее входивший в большевистскую партию, Г.А. Алексинский вместе с эсером В.С. Панкратовым опубликовал в петроградской газете "Живое слово" заявление и документ, на основании которого обвинил В.И. Ленина и ряд других большевиков в связях с германским генштабом и получении от последнего крупных денежных сумм. Эта публикация способствовала развязыванию антибольшевистской кампании. Впоследствии министр юстиции Временного правительства П.Н. Переверзев признал, что пустил в ход непроверенные обвинения с целью скомпрометировать лидеров большевизма в глазах масс.

²⁶ Н.И. Бухарин выступал с речью от имени большевистской фракции на открытии Учредительного собрания 5(18) января 1918 г. После отказа правых партий поддержать политику Советской власти большевики, левые эсеры и некоторые другие группы покинули заседание. В ночь с 6(19) на 7(20) января 1918 г. ВЦИК по докладу Ленина принял декрет о роспуске Учредительного собрания.

²⁷ См.: Ленин В.И. Полн. собр. соч. — Т.44. — С. 163.

²⁸ Речь идет о восстании на Сенатской площади 14 декабря 1825 г., столетний юбилей которого был широко отмечен в СССР в 1925 г.

²⁹ Противостояние интеллигенции мещанству являлось традиционной темой в русской общественной мысли на рубеже XIX—XX вв. Наиболее известная интерпретация проблемы с марксистских позиций принадлежала А.В. Луначарскому ("Мещанство и индивидуализм". — 1909).

³⁰ См. примеч. 11 на с. 161 настоящего издания.

³¹ Евхаристия — то же, что причастие.

³² Философ-идеалист А.И. Введенский — неприменный участник философских атеистических диспутов 1924—1925 гг., оппонент А.В. Луначарского на них.

³³ Кириллица — одна из первых славянских азбук. Названа по имени славянского просветителя Кирилла. Легла в основу русского алфавита.

³⁴ Обскурант (лат. *obscurans* — затемняющий) — мракобес, враг науки и просвещения, защитник реакционных идей.

О ПОЛИТИКЕ ПАРТИИ В ХУДОЖЕСТВЕННОЙ ЛИТЕРАТУРЕ

¹ В мае 1924 г. при Отделе печати ЦК РКП(б) было проведено расширенное совещание, в работе которого приняли участие партийные работники, журналисты, писатели, критики. Активно обсуждались вопросы о задачах партии по руководству литературным движением, об организации пролетарской литературы, об отношении к писателям—"попутчикам". Материалы совещания публикуются по: *Вопросы культуры при диктатуре пролетариата.* — М., Л., 1925. — С. 56—137.

² Под "внутренней эмиграцией" партийные деятели в начале 20-х гг. подразумевали ту часть интеллигенции, которая, находясь внутри страны, либо продолжала негативно оценивать послеоктябрьские преобразования, либо была настроена аполитично.

³ "Попутчики" — термин, широко использовавшийся пропагандистами и публицистами 20-х гг. после публикации Л.Д. Троцким в 1923 г. цикла статей о послеоктябрьской литературе (выпущен затем отдельным изданием под названием "Литература и революция"). Л.Д. Троцкий предложил своеобразную классификацию интеллигенции, выделив в составе последней несколько групп по признакам не столько политических позиций, но и социальной пси-

хологии. В качестве одной из самых значительных он назвал группу "попутчиков". «"Попутчиком" мы называем в литературе, как и в политике, того, кто, ковыляя и шатаясь, идет до известного пункта по тому же пути, по которому мы с вами идем гораздо дальше» (см. с. 88—89 настоящего издания). Название "попутчики" употреблялось наряду с терминами "пролетарские писатели" и "крестьянские писатели". К "попутчикам" относили прежде всего писателей, входивших в литературные группы "Серапионовы братья", "Перевал", "Литературный центр конструктивистов", "ЛЕФ", имажинистов, а также многих писателей, не принадлежавших к литературным содружествам (напр., Л. Леонов, Б. Лавренев, А. Толстой, М. Шагинян, В. Шишков и др.). Наиболее благожелательно относился к идейным воззрениям "попутчиков" критик и редактор журнала "Красная Новь" А.К. Воронский, наиболее непримиримо — "напостовцы", считавшие "попутчиков" бесплодной для революции силой. В связи с роспуском всех литературных группировок (1932) и созданием единого Союза писателей СССР термин "попутчики" постепенно отмирает.

⁴См. об этом подробнее: *Ленин В.И. О нашей революции* // Полн. собр. соч. — Т. 45. — С. 378—382.

⁵"Октябрь" — литературная группа пролетарских писателей. Появилась в 1922 г. Основатели: А. Безыменский, Г. Лелевич, Ю. Либединский и др. В противовес революционному романтизму, пафосу и увлеченности пролетарской литературы предыдущих лет "Октябрь" ставил задачей показать человека революции в его повседневной, будничной работе и борьбе. Группа явилась организационным центром, вокруг которого сложилась Всероссийская ассоциация пролетарских писателей (ВАПП).

"Октябрь" — литературно-художественный и критический ежемесячный журнал Московской ассоциации пролетарских писателей (МААП) и Российской ассоциации пролетарских писателей (РАПП), поставивших целью организацию и объединение творческих сил пролетарских писателей. Создан в 1924 г. в Москве.

"Кузница" — литературное объединение, существовавшее в Москве в 1920—1931 гг. Основано группой поэтов, вышедших из Пролеткульта (В. Александровский, М. Герасимов, В. Казин, В. Кириллов, С. Обрадович, Н. Полетаев, С. Родов, Г. Санников). "Кузница" выступила инициатором создания независимого от Пролеткульта Всероссийского союза пролетарских писателей (учрежден в 1920 г.). Вместе с тем теоретическая платформа группы во многом оставалась в рамках Пролеткульта с его вульгарно-социологическими представлениями о путях развития новой послеоктябрьской культуры. Во второй половине 20-х гг. роль "Кузницы", оттесняемой Российской ассоциацией пролетарских писателей, в литературной жизни становится все менее заметной. В 1931 г. вливается в РАПП.

"Кузница" — литературно-художественный журнал, издавался в 1920—1922 гг. в Москве одноименным литературным объединением. Всего выпущено девять номеров. Первоначально программа журнала ограничивалась задачами учебного характера. Затем на его страницах развернулась полемика с Пролеткультом. Объединение "Кузница" использовало журнал в кампании за создание Всероссийского союза пролетарских писателей.

"Молодая гвардия" — литературная группа, организованная в октябре 1922 г. по инициативе ЦК РКСМ и объединившая молодых писателей первого комсомольского поколения. В марте 1923 г. "Молодая гвардия" вместе с группами "Октябрь" и "Рабочая весна" влилась в МАПП. Впоследствии группа, увеличившись численно, существовала как творческое объединение комсомольских писателей МАПП при журнале и издательстве "Молодая

гвардия". Влияние на литературный процесс оказали поэты "Молодой гвардии" А. Безыменский, А. Жаров, М. Светлов, М. Голодный и др.

"Молодая гвардия" — литературно-художественный и научно-популярный журнал ЦК комсомола, создан в 1922 г. Рассчитанный главным образом на комсомольский актив и учащуюся молодежь, в 20—30-е гг. журнал значительное место отводил политическим статьям и материалам по всем отраслям науки и знания.

⁶"Красная новь" — первый советский "толстый" литературно-художественный и научно-публицистический журнал, издавался в Москве с 1921 г. (первоначально двухмесячный, затем ежемесячный). Создан по инициативе М. Горького и с одобрения В.И. Ленина. Первый редактор (до 1927 г.) — А. Воронский. В 20-е гг. журнал стал одним из крупных литературных центров борьбы за всестороннее художественное освоение советской действительности. Ведущее место в журнале занял отдел художественной прозы. Вокруг него группировались многие советские писатели и критики, главным образом так называемые попутчики. В 1927 г. деятельность журнала подверглась критике, А. Воронский был освобожден от работы в "Красной нови". Последний номер "Красной нови" вышел в августе 1942 г.

⁷"Горн" — литературно-художественный и научный журнал. Издание Всероссийского и Московского Пролеткультов. Выходил в Москве: 1918 (кн. 1—5), 1922 (кн. 6—7), 1923 (кн. 8—9).

⁸В 20—30-е гг. термин "шулятиковщина" (В.М. Шулятиков — известный до революции литературный критик, член РСДРП) широко использовался в качестве синонима грубой вульгаризации марксизма.

⁹"На посту" — советский критический журнал. Выходил в 1923—1925 гг. в Москве под редакцией Б. Волина, Г. Лелевича, С. Родова. С журналом связано течение в пролетарской литературе — "напостовство". Подобно пролеткультовцам, "напостовцы" отрицательно относились к "непролетарскому" творчеству, классическому наследию (как к источнику классово-враждебных влияний). Резким нападкам подвергались писатели-"попутчики". "Напостовцы" требовали установления гегемонии пролетарской литературы путем передачи им "руководящего влияния в основных литературных партийно-советских органах печати". В начале 1926 г. лидеры "напостовцев" (Вардин, Лелевич, Родов) уступили место группе, вставшей во главе журнала "На литературном посту". Новое издание характеризовалось аналогичной направленностью.

¹⁰Влияние идей и стилевых поисков Б. Пильняка на литературный процесс первой половины 20-х гг. было значительным. См. об этом подробнее: *Белая Г. Донкихоты 20-х годов.* — М., 1989. — С. 139—149.

¹¹"Символ веры" — в прямом смысле употребляется как краткое изложение основных догматов христианской религии, в иносказательном — как кредо, основные положения какой-либо теории, политической программы.

¹²Пролеткульт — пролетарская литературно-художественная и культурно-просветительная организация, сложившаяся в период между февралем и октябрём 1917 г. Первая конференция Пролеткульта состоялась 16—19 октября 1917 г. В 1917—1920 гг. ячейки Пролеткульта были созданы по всей стране (до 400 тыс. членов, 80 тыс. чел. реально участвовали в различных художественных студиях и кружках). Пролеткульт издавал около 20 журналов; теоретический орган — журнал "Пролетарская культура". Размах деятельности Пролеткульта отразил стремление трудящихся к культуре, к художественному творчеству. Вскоре обнаружилась идеологическая и организационная замкнутость Пролеткульта, лидеры которого полемически заостряли тезис о классовости искусства и культуры. В течение 20-х гг. Пролеткульт переживает кризис. В 1925 г. организация была подчинена ВЦСПС, сохра-

нив при этом административную обособленность. Во второй половине 20-х гг. активно ведется культурно-просветительная работа на базе театров, клубов и т.п. В 1932 г. Пролеткульт прекратил свое существование.

¹³Речь идет о внутрипартийных дискуссиях 1918—1921 гг., в ходе которых, помимо прочего, обсуждался вопрос о партийной стратегии, формах и методах ее реализации в отношении так называемых старых специалистов (групп управленцев, военспецов, инженерно-технических работников и др.). Оппонентами ленинского курса выступали группы “левых” коммунистов, “военной оппозиции”, “децистов”, “рабочей оппозиции”.

¹⁴МАПП — Московская ассоциация пролетарских писателей, организована в 1923 г. в составе ВАПП по инициативе групп “Октябрь” и “Рабочая весна”. В 1931 г. насчитывала 400 членов. Издавала журналы “Октябрь” и “На литературном посту”.

¹⁵“Круг” — издательство артели русских советских писателей, основано в августе 1922 г., в 1929 г. влилось в издательство “Федерация”. Председатель правления — А. Воронский, в правление входили Н. Асеев, И. Бабель, А. Веселый, Вс. Иванов, Л. Леонов, Н. Ляшко, А. Новиков-Прибой, Б. Пастернак, Б. Пильняк, И. Сельвинский, К. Федин. “Круг” выпускал серии “Новости русской литературы”, “Новости иностранной литературы”, “Библиотека пролетарских писателей”, “Романы приключений” и др. Издательство ставило своей целью объединить писателей разных направлений.

“Круг” — альманах, выходил в 1923—1927 гг. Публиковал главным образом художественную прозу М. Горького, Е. Замятина, А. Малышкина, Б. Пильняка, А. Белого и др. Из поэтов в “Круге” печатались Б. Пастернак, В. Казин, С. Есенин, С. Клычков, В. Александровский и др.

¹⁶“Перевал” — литературная группа, сформировавшаяся в Москве в конце 1923 — начале 1924 г. при журнале “Красная новь”. Первоначально была немногочисленна и объединяла молодых писателей, входивших ранее в литературные группы “Апрель”, “Октябрь” и “Молодая гвардия”. В периодически выходивших сборниках “Перевал” (1924—1928) участвовали А. Веселый, М. Голодный, М. Светлов, А. Ясный и др. Позднее группа увеличилась, и в “Красной нови” (1927, № 2) была опубликована декларация “Перевала”, подписанная более чем 60 писателями, в том числе М. Пришвиным, И. Катаевым, Э. Багрицким, Н. Огневым, Н. Деметьевым, А. Караваевой, А. Малышкиным, Дж. Алтаузенем и др. Декларация ратовала за сохранение “премущественной связи с художественным мастерством русской и мировой классической литературы”. Критика 20—30-х гг., не учитывая сложность литературно-политической обстановки, в которой сформировалась группа, рассматривала “Перевал” как враждебную советской литературе организацию. Эстетические позиции перевальцев отражали идеynые искания кругов демократической интеллигенции 20-х — начала 30-х гг. с их реакцией на “рационализм” левовцев и конструктивистов. В связи с усилившейся в начале 30-х гг. критикой “Перевала” группа начала распадаться и после постановления ЦК ВКП(б) от 23 апреля 1932 г. “О перестройке литературно-художественных организаций” прекратила свое существование.

¹⁷Речь идет о тезисах секретаря ЦК РКП(б) В.М. Молотова к XIII съезду партии под названием “Очередные вопросы партийного строительства”, опубликованных в “Правде” 18 апреля 1924 г.

¹⁸См.: Бухарин Н.И. О ликвидаторстве наших дней // Большевик. — 1924. — № 2. — С. 3—9.

¹⁹См. предисловие Н.И. Бухарина к повести: Эренбург И. Необычайные похождения Хулио Хуренито и его учеников. — М., 1921.

²⁰Цеткин К. Воспоминания о Ленине // Коммунист. — 1924. — № 27.

²¹Свердловский университет — Коммунистический университет имени Я.М. Свердлова. Первое высшее партийное учебное заведение, было организовано в июле 1918 г. как курсы агитаторов и инструкторов при ВЦИК, затем преобразовано в Школу советской и партийной работы. Последняя переименована в июле 1919 г. в Коммунистический университет.

²²*Писатели об искусстве и о себе.* — М.; Л., 1924. — Т. 1.

²³*Осинский Н.* О “Медвежьей свадьбе” т. Луначарского // Правда. — 1924. — 10 мая.

²⁴*Правдухин В.* Василий Казин // Красная нива. — 1924. — № 17.

²⁵“Воля России” — журнал, издававшийся с 1922 г. группой эсеровской эмигрантской интеллигенции в Праге. За подчеркнуто благожелательный интерес к развитию культуры в СССР получил репутацию левого издания.

²⁶ВАПП — Всероссийская ассоциация пролетарских писателей — возникла в 1920 г. при Пролеткульте (см. примеч. 12 на с. 165 настоящего издания). В 1928 г. I Всероссийский съезд пролетарских писателей принял решение о создании ВОАПП — Всесоюзной объединенной ассоциации пролетарских писателей.

²⁷Речь идет о позиции лидеров “Рабочей оппозиции” (1920—1921), утверждавших, в частности, что в политике партийного руководства сквозит недоверие к творческим силам рабочего класса и это нетерпимо на фоне подъема буржуазии, роста чиновничества, спецов. Так, А.М. Коллонтай писала: “...рабочий чувствует, видит, ощущает на каждом шагу, что спецы... выталкивают серого рабочего...” — *Коллонтай А.М.* Рабочая оппозиция. — М., 1921. — С. 16.

²⁸“Современный мир” — русский ежемесячный литературный, научный и политический журнал, близкий по направленности к легальному марксизму. Издавался с октября 1906 по январь 1918 г. в Петербурге, являясь прямым продолжением журнала “Мир божий”. Первый редактор — А.И. Богданович, после его смерти — Ф.Д. Батюшков, затем Н.И. Иорданский.

²⁹См.: *Первый* сборник пролетарских писателей / Предисловие А.М. Горького. — Спб., 1914.

³⁰“Русский современник” — литературный журнал. Выходил в Москве и Ленинграде в 1924 г. Всего вышло четыре книги.

³¹Повесть “Тарзан — приемный обезьяны” написана американским писателем Эдгаром Райс Берроузом, повесть “Месс Менд” — советской писательницей Мариэттой Шагинян.

³²*Воронский А.* Искусство как познание жизни и современность. — Иваново-Вознесенск, 1924.

³³Аналогичное этому изображение принципа гегемонии рабочего класса по отношению к крестьянству Н.И. Бухарин использовал неоднократно. — См. об этом подробнее: *Козн С.* Бухарин. Политическая биография. 1888—1938. — М., 1988. — С. 220.

³⁴“Рабочий журнал” — литературно-художественный и научно-популярный двухмесячник “Кузицы”. Выпускался в Москве и Ленинграде (1924—1925 гг.).

³⁵“Леф” (Левый фронт искусства) — литературная группа, сформировавшаяся в конце 1922 г. в Москве и существовавшая до 1929 г. Группу возглавлял В. Маяковский. В нее входили Н. Асеев, С. Третьяков, В. Каменский, Б. Пастернак (порвал с “ЛЕФом” в 1927 г.), А. Крученых, П. Незнамов, О. Брик, Б. Арватов, Н. Чужак и др. Участники группы выступали за создание действенного революционного искусства (искусства как “жизнестроения”), критиковали пассивное “бытоотражательство”, психологизм. Лефовские лозунги были направлены против установок “Перевала” и отражали полемические крайности, присущие литературным манифестам тех лет. Иде-

алом личности лефовцы считали “человека НОТа, расчета, интеллекта“, ра-туя за утилитарное “производственное“ искусство. Лефовцы выдвинули тео-рию “литературы факта“, отрицавшую художественный вымысел. Отсюда вытекало прокламирование очерка, документального кино, публицистическо-го и агитационного жанров и отрицание (крайними лефовцами) романа, ли-рики, художественной кинематографии, станковой живописи.

“Леф“ (Левый фронт) — журнал, издававшийся в Москве в 1923—1925 гг. группой “Леф“ под редакцией В. Маяковского. Всего вышло семь номеров. Предшественником “Лефа“ была футуристическая газета “Искусство коммуны“ (Пг., 1918—1919). Новаторские поиски поэтов “Лефа“ в области стихосложения, борьба за обновление поэтического языка сыграли заметную роль в развитии советской поэзии. Однако журнал не отрешился от издержек формализма (публикация заумных стихов и статей, оправдывающих футуристическое словотворчество). В 1925 г. издание “Лефа“ было прекращено.

³⁶См. речь Г.Е. Зиновьева “Интеллигенция и революция“ на с. 144—148 настоящего сборника.

³⁷Здесь Л.Д. Троцкий не преминул язвительно подчеркнуть, что для Ф.Ф. Раскольниковца деятельность в сфере художественной культуры (редактирование журналов “Молодая гвардия“, “Красная новь“) являлась сравнительно новой. Всего менее полугода назад, в декабре 1923 г., он вернулся из Афганистана, где проработал около двух лет полпредом.

³⁸“Звезда“ — легальная большевистская газета, выходявшая с декабря 1910 по апрель 1912 г. в Петербурге сначала еженедельно, затем два-три раза в неделю. Какое-то время в газете сотрудничали и меньшевики-партийцы. Руководящий центр газеты (В.И. Ленин, Г.Е. Зиновьев, Л.Б. Каменев) находился за границей. “Звезде“ удалось хорошо организовать работу отдела рабочих корреспонденций, начать мобилизацию и объединение рабочих масс вокруг легальной газеты, отстаивавшей платформу нелегальной партии. Всего вышло 68 номеров газеты. Постановлением суда “Звезда“ была закрыта, вместо нее стала выходить “Невская звезда“.

³⁹М.П. Арцыбашев был выслан за границу в 1923 г.

⁴⁰“Новое слово“ — легальный марксистский журнал, издавался с апреля по декабрь 1897 г. в Петербурге. В нем сотрудничали В.И. Ленин, Г.В. Плеханов, А.Н. Потресов, В.И. Засулич, Л. Мартов.

⁴¹“Просвещение“ — ежемесячный общественно-политический и литературный журнал, теоретический орган большевиков. Издавался в Петербурге с декабря 1911 по июль 1914 г. при участии В.И. Ленина, Г.Е. Зиновьева, М. Горького, Л.Б. Каменева, И.И. Степанова-Скворцова и др. Закрыт правительством накануне первой мировой войны. Издание было возобновлено в 1917 г. после Февральской революции (вышел один двойной номер).

⁴²Речь идет о теоретических воззрениях А.А. Богданова на культуру, которые легли в основу платформы Пролеткульта. Культурное творчество пролетариата трактовалось им как самодостаточное явление, порождаемое особыми, присущими только данному классу принципами организации его труда, быта, психологии. — См.: *Богданов А. О пролетарской культуре. 1904—1924.* — М.; Л., 1924.

⁴³Л.Д. Троцкий имел веские основания говорить об этом, поскольку в развернувшейся с 1923 г. острой внутривнутрипартийной борьбе за политическое лидерство его оппоненты (Г.Е. Зиновьев, Л.Б. Каменев, И.В. Сталин и др.) нередко умышленно искажали в своих прагматических интересах смысл тех или иных ленинских высказываний.

⁴⁴См.: *Троцкий Л.Д. Литература и революция.* — М., 1924.

⁴⁵“Руль” — ежедневная газета правых кадетов. Основана в Берлине в 1921 г. И.В. Гессеном, А.И. Каминкой, В.Д. Набоковым. Относилась резко враждебно к Советской власти.

“Дни” — эмигрантская газета правоэсеровского направления. В 1921—1924 гг. выходила в Берлине, с 1924 по 1928 г. — в Париже. В газете сотрудничали А.Ф. Керенский, М. Вишняк, В.М. Зензинов, Е.Д. Кускова и др. Имела ярко выраженную антисоветскую направленность.

⁴⁶“Когда гремит оружие, молчат музы” — один из вариантов латинской поговорки: “Когда гремит оружие, законы молчат”.

⁴⁷Государственная академия художественных наук (ГАХН) была основана в 1921 г. Имела в своем составе ряд секций — театральную и др. Президентом ГАХН в 20-е гг. являлся известный литературовед П.С. Коган (1872—1932).

⁴⁸Речь идет о проявлении в художественной культуре сектантских, лево-радикальных тенденций, природа которых была раскрыта В.И. Лениным на основе анализа сферы политики в работе «Детская болезнь “левизны” в коммунизме» (Полн. собр. соч. — Т. 41).

⁴⁹“Коммунист, который говорит, что нельзя впадать в такое положение, чтобы руки пачкать, что у него должны быть чистые коммунистические руки, что он будет чистыми коммунистическими руками строить коммунистическое общество, не пользуясь презренными контрреволюционными буржуазными кооператорами, — пустой фразер...” — Ленин В.И. Полн. собр. соч. — Т. 38. — С. 58.

⁵⁰По-видимому, речь идет об упоминавшейся уже участниками совещания статье Н. Осинского. — См. примеч. 23 на с. 167 настоящего издания.

⁵¹“Рабочая правда” — группа, сформировавшаяся нелегально весной 1921 г. Состояла из членов партии. Выпустила несколько изданий. Члены организации, базируясь на теоретических взглядах А.А. Богданова, который отрицал существование в стране диктатуры пролетариата, ставили своей целью подготовить рабочий класс к борьбе за реальное овладение властью. Сентябрьский (1923 г.) Пленум ЦК РКП(б) квалифицировал группу как антикоммунистическую, антисоветскую.

⁵²В резолюции XI съезда РКП(б) “О печати и пропаганде” говорилось: “На основе роста капиталистических отношений неизбежно усиление буржуазного влияния не только на мелкобуржуазные слои, но даже на наиболее отсталую часть пролетариата. Констатируя стремление буржуазии через посредство литературы и культработы повлиять на трудящиеся массы, съезд считает, что этим влияниям надо противопоставить энергичную политработу”. — КПСС в резолюциях... — Т. 2. — С. 523.

⁵³Из резолюции XII съезда РКП(б) “По вопросам пропаганды, печати и агитации”. — КПСС в резолюциях... — Т. 3. — С. 106.

Л. ТРОЦКИЙ

ПАРТИЙНАЯ ПОЛИТИКА В ИСКУССТВЕ

¹Статья “Партийная политика в искусстве” была написана 8 сентября 1923 г. и опубликована в “Правде” 16 сентября 1923 г.

²Олеография — способ многокрасочной литографии, применявшийся в конце XIX в. и имевший целью не только воспроизвести тона картины, но и передать на бумаге своеобразный характер поверхности масляной живописи — мазки кисти, структуру полотна.

Л. Троцкий термин “олеографичность” применяет в переносном смысле, подразумевая, по-видимому, чрезмерное увлечение подробностями, деталями, мелочами.

³ Речь идет о сборниках критических статей русских марксистов “Литературный распад”, направленных против литературно-философских концепций русского и зарубежного декадентства и модернизма. Вышло всего два сборника: первый в 1908 г. (издан дважды) и второй в 1909 г. В большинстве статей сборников проявились вульгарно-социологические тенденции, предвзятый-классовый подход к литературе.

⁴ Речь идет о том, что новые научные факты, по мнению Л.Д. Троцкого, не охвачены пока такой теоретической концепцией, которая составила бы веху в познании законов развития природы, как “Происхождение видов”, и общества, как “Капитал”

⁵ Имеется в виду период “военного коммунизма” 1918—1921 гг.

Г. ЗИНОВЬЕВ

ИНТЕЛЛИГЕНЦИЯ И РЕВОЛЮЦИЯ

¹ I Всероссийский съезд научных работников состоялся в Москве 23—27 ноября 1923 г. Проходил в весьма торжественной обстановке. Его предварил своим докладом Г.Е. Зиновьев, занимавший тогда одно из ведущих мест в партийном руководстве. Съезд подвел итог сложному подготовительному процессу профессиональной консолидации, избрав Центральный совет Секции научных работников (в составе Всероссийского союза работников просвещения). Кроме проблем, касающихся положения науки, широко обсуждались общеполитические вопросы. В принятой съездом резолюции отмечалось: “Былая рознь между работниками науки и рабочим классом в настоящее время стала достоянием прошлого и все более уступает место растущему сближению в процессе работы по восстановлению хозяйственной и культурной жизни страны”. — Правда. — 1923. — 28 нояб. Доклад Г. Зиновьева печатается по отдельному изданию (М., 1924).

² Ленин В.И. Полн. собр. соч. — Т. 37. — С. 77. Цитируется неточно.

³ “Союз союзов” — крупнейшее профессионально-политическое объединение дореволюционной интеллигенции. В мае 1905 г. в Москве состоялся съезд представителей 14 профессиональных профсоюзов, объединявших группы интеллигенции (ученых, адвокатов, врачей, агрономов и др.). Центральное бюро созданного на нем “Союза союзов” возглавил П.Н. Милоков. “Союз союзов” принял активное участие в общедемократическом движении, поддержал борьбу рабочих, вооруженное восстание в Москве и т.д. В условиях наступления реакции в 1906 г. прекратил свою деятельность.

Приведенная Г.Е. Зиновьевым в докладе оценка входившей в “Союз” интеллигенции носила достаточно упрощенный характер.

⁴ Речь идет о волне демонстраций, прокатившихся по стране после вступления России в августе 1914 г. в первую мировую войну. Г.Е. Зиновьев обошел вниманием тот факт, что патриотическим подъемом были охвачены все слои общества, не исключая и рабочий класс.

⁵ Руководство РКП(б) весьма оптимистично расценивало перспективы революционного движения в Германии в 1923 г. К осени страна была охвачена глубоким кризисом, обострившимся в результате оккупации Рурской области Францией. Налицо имелись все признаки революционной ситуации. В ряде районов страны (Саксония, Тюрингия) начали возникать рабочие правительства. Высшей точкой революционного подъема явилось восстание рабочих Гамбурга под руководством Э. Тельмана (23—25 октября 1923 г.). После его

подавления движение рабочих пошло на спад. Однако в ноябре 1923 г. лидер Коминтерна еще продолжал верить в неизбежность победоносной революции в Германии, чем и объясняется столь пространное изложение германского вопроса на съезде ученых (“мы увидим после первого русского опыта второй победоносный германский опыт”).

⁶Вероятно, имеется в виду известное положение из “Манифеста коммунистической партии” о неизбежности перехода части представителей буржуазии (“буржуа-идеологов”) на сторону рабочего класса. — *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. — 2-е изд. — Т. 4. — С. 433—434; Т. 19. — С. 173—174.

⁷В конце октября 1917 г. в момент вооруженного противостояния в Москве из студентов было сформировано несколько отрядов, добровольных дружин, действовавших вместе с юнкерами.

⁸Митинг состоялся в Петрограде 6 октября 1918 г. под председательством А.М. Горького. На нем присутствовало более 20 тыс. чел. преимущественно из числа интеллигенции. В выступлениях отразилась противоречивость общественного настроения данного слоя. Признавая необходимость сближения трудовой интеллигенции и народа, некоторые выступавшие протестовали против таких акций Советской власти, как закрытие известной демократической газеты “Новая жизнь”.

⁹Государственная общеплановая комиссия (Госплан) была создана 22 февраля 1921 г. под председательством Г.М. Кржижановского. В число первых сотрудников Госплана вошла группа деятелей науки и техники, участников комиссии ГОЭЛРО: И.Г. Александров, Г.О. Графтио, А.В. Винтер, Л.К. Рамзин и др. В первые годы работы Госплана беспартийная интеллигенция преобладала в нем.

¹⁰Типы российских купцов-“кровопивцев”, составлявших опору крепостнического режима, были созданы М.Е. Салтыковым-Щедриным в работах “Убежище Монрепо” (1878—1879), “За рубежом” (1880), “Письма к тетеньке” (1881—1882).

¹¹В ходе своей зарубежной поездки 1923 г. И.П. Павлов побывал в США, а на обратном пути останавливался в Англии, где принял участие в работе XI Международного физиологического конгресса.

¹²Н.И. Бухарин выступил с критическим анализом общественно-политических воззрений И.П. Павлова. — См.: *Бухарин Н.И.* О мировой революции, нашей стране, культуре и прочем (ответ профессору И. Павлову) // Академик Н.И. Бухарин. Методология и планирование науки и техники. — М., 1989. — С. 225—259.

¹³Накануне 1905 г. земское движение активизировалось: проводились оппозиционные царизму акции, выдвигались требования умеренных политических реформ “сверху”. В конце 1904 г. состоялась земские собрания и банкеты интеллигенции, сопровождавшиеся принятием адресов, петиций, манифестов, обращенных к царскому режиму.

¹⁴Венский конгресс европейских государств проходил в 1814—1815 гг. и закрепил итоги войны коалиции европейских держав против наполеоновской Франции. Произошла реставрация монархических режимов. Для обеспечения решений конгресса был создан Священный союз монархов Австрии, Пруссии и России.

¹⁵Генуэзская международная конференция по экономическим и финансовым вопросам с участием капиталистических государств и Советского государства состоялась 10 апреля — 19 мая 1922 г.

Лозаннская конференция по вопросам Ближнего Востока проходила 20 ноября 1922 г. — 24 июля 1923 г. На ней обсуждались вопросы границ Турции, конвенция о проливах и другие вопросы.

На этих и других конференциях вопросы, касающиеся Советской страны, вызывали острые споры и оказывались неразрешенными. В свою очередь СССР не ратифицировал конвенцию о проливах и т.д.

¹⁶П.Н. Милюков, эмигрировавший в 1920 г., с 1921 г. жил в Париже, где редактировал газету “Последние новости” и выступал с позиций “новой тактики” (отказ от вооруженной интервенции в надежде на перерождение советского режима изнутри).

¹⁷Лига защиты прав человека — общественная организация, возникшая в 1898 г. в Париже в связи с делом Альфреда Дрейфуса. Действовала до 1923 г.

¹⁸Речь идет о так называемом Предпарламенте (официальное название — Временный Совет Российской республики) — совещательном органе при Временном правительстве, созданном 20 сентября (3 окт.) 1917 г. в процессе работы Демократического совещания. Предпарламент был выделен из состава последнего для выполнения функций представительного органа, перед которым Временное правительство должно было быть ответственным до созыва Учредительного собрания. На заседаниях Предпарламента велись острые дискуссии по политическим и экономическим вопросам. 24 октября представители демократических партий пытались перехватить инициативу у большевиков, потребовав от правительства немедленного издания декрета о земле и переговоров о мире. Днем 25 октября войска ВРК окружили Мариинский дворец и Предпарламент прекратил свое существование.

¹⁹Видный советский дипломат, полпред в Италии и генеральный секретарь советской делегации на Международной конференции в Лозанне В.В. Воровский был убит 10 мая 1923 г. белогвардейцем-эмигрантом Конради. Он и его сообщник Полуниин (в то время секретарь Российского общества Красного Креста в Женеве) предстали перед швейцарским судом и были им оправданы. На процессе убитых защищал адвокат Теодор Обер, который позднее стал руководителем так называемой Лиги по борьбе с III Интернационалом (“Лига Обера”). Правое крыло эмиграции во время процесса проводило кампанию по защите террористов, возводя последних в ранг мучеников и героев.

²⁰Речь идет о демонстрациях в СССР в связи с так называемым ультиматумом Дж. Керзона, министра иностранных дел Великобритании, от 8 мая 1923 г. Меморандум грозил разрывом англо-советского торгового соглашения 1921 г. в случае неудовлетворения советской стороной английских требований (отзыв советских дипломатов из стран Ближнего Востока за антибританскую пропаганду; освобождение арестованных в СССР священнослужителей; освобождение задержанных в советских территориальных водах английских траулеров т.д.). Советское правительство отвергло основные претензии, но согласилось удовлетворить ряд второстепенных требований (освобождение рыбаков и др.).

²¹Книга А.В. Пешехонова была встречена эмиграцией неоднозначно: ее критиковали правые, левые, “сменовеховцы”. — См.: *Гессен И. Завоевания революции // Руль. — 1923. — № 742; Исповедь эмигранта поневоле // Последние новости. — 1923. — № 942; Керенский А. Человеческий документ // Дни. — 1923. — № 161; Мельгунов С. Мы и они // Последние новости. — 1923. — № 1000; Познер С. Большевики и государственность // Там же. — № 988, 997; Он же. Служба большевикам и служба России // Там же. — № 981.*

БИОСПРАВКИ

Авербах Леопольд Леонидович (1903—1939) — русский советский критик, публицист, общественный деятель. Редактор журнала “Молодая гвардия” (1922—1924). В 1926—1932 гг. редактор журнала “На литературном посту” и генеральный секретарь РАПП. После ликвидации РАПП принимал участие в подготовке I Всесоюзного съезда советских писателей. Незаконно репрессирован, реабилитирован посмертно.

Александровский Василий Дмитриевич (1897—1934) — русский советский поэт. В партии с 1917 г. Участник первой мировой войны и боев в дни Октябрьской революции. Печататься начал с 1913 г. В 1918—1919 гг. состоял в литературной студии Московского отделения Пролеткульта, затем вступил в литературную группу “Кузница” (до 1925 г.). Известность получили сборники его стихов “Восстание” (1919), “Утро” (1921), “Солнечный путь” (1922), “Шаги” (1924), “Ветер” (1925) и др.

Андреев Леонид Николаевич (1871—1919) — писатель. Литературную деятельность начал в газете “Курьер”, в которой в 1897 г. напечатал свой рассказ “Бергамот и Гераська”, привлекая внимание М. Горького. В начале XX в. творчество Л. Андреева получило широкую известность. В произведениях этих лет писатель отошел от реализма, тяготел к импрессионизму и символизму. Более всего его привлекало изображение перипетий жизни личности. К революционному движению относился скептически, сотрудничая в “правых” изданиях (газета “Русская воля” и др.). Произведения: “Большой шлем”, “Стена” (1901), “Бездна” (1902), “Красный смех” (1905), “Царь-голод” (1907), “Черные маски” (1907).

Арватов Борис Игнатьевич (1896—1940) — русский советский литературный критик, искусствовед. В партии с 1919 г. Активный теоретик Пролеткульта, затем группы “ЛЕФ”, представитель формально-социологического метода в искусстве. Упрощенно анализируя взаимосвязи искусства и материального производства, выдвигал лозунг “производственного искусства”. Важнейшие работы: “Искусство и классы” (1923), “Искусство и производство” (1926) и др. В конце 20-х гг. отошел от литературной деятельности.

Аросев Александр Яковлевич (1890—1938) — советский партийный и государственный деятель, писатель. В партии с 1907 г. Неоднократно подвергался арестам и ссылкам, жил в эмиграции. В октябре 1917 г. — член Московского ВРК, командующий войсками Московского военного округа. Позднее — на военно-политической и дипломатической службе. Литературную деятельность начал в 1916 г. Наиболее известные произведения: “Страда. Записки Терентия Забытого”, “Недавние дни”, “Председатель”, “Никита Шорнев” и др. Известен также очерками о революционном движении. Незаконно репрессирован, реабилитирован посмертно.

Арцыбашев Михаил Петрович (1878—1927) — русский писатель. Литературную деятельность начал в 1901 г. Наибольшую известность приобрел

благодаря роману "Санин" (1907), появившемуся в эпоху столыпинской реакции. Марксистскими критиками квалифицировался как представитель упаднического направления в литературе. Другие работы ("Миллионы", "Рабочий Шевырев", "У последней черты") расценивались как памфлеты на революционное движение и образцы нигилизма. Эмигрировал за границу, совместно с Д. Философовым редактировал газету "За свободу" (Варшава).

Асеев Николай Николаевич (1889—1963) — русский советский поэт, лауреат Гос. премии (1941). Начал печататься с 1913 г. Входил в близкие к футуристам литературные группы "Лирика" и "Центрифуга". С 1923 г. участвовал в литературной группе ЛЕФ. В произведениях, изданных в 20-е гг. ("Буденный", "Двадцать шесть", "Семен Проссаков" и др.), отразил героику революции.

Ахматова (Горенко) Анна Андреевна (1899—1966) — русская советская поэтесса. Поэтический дебют связан с акмеизмом. Первые книги стихов "Вечер" (1912), "Четки" (1914). Не принимая полностью революцию, А. Ахматова тем не менее осталась на Родине и разделила со своим народом в полной мере все испытания, включая сталинский террор. Поэтическое воплощение народной скорби — "Реквием" А. Ахматовой, яркое свидетельство ее высокой гражданственности и поэтического таланта. Итоговый сборник — "Бег времени. Стихотворения 1909—1965". Известны переводы восточной, западно-европейской, еврейской поэзии, литературно-критические статьи.

Бедный Демьян (Придворов Ефим Алексеевич) (1883—1945) — русский советский поэт. В партии с 1912 г. Один из первых пролетарских поэтов, связавших свое творчество с пропагандистской и агитационной работой большевистской партии и революционной борьбой пролетариата. Печатается в большевистских газетах "Звезда" (с 1910 г.) и "Правда" (с 1912 г.), а также в журнале "Просвещение". В 20-е гг. популярность получили его сатирические стихи, стихотворные фельетоны, басни, песни, эпические поэмы.

Безыменский Александр Ильич (1898—1973) — русский советский поэт. В партии с 1917 г. Член ЦК РКСМ 1-го созыва. Принадлежал к числу ведущих комсомольских поэтов 20-х гг. В 1923—1926 гг. активный участник Российской ассоциации пролетарских писателей, сотрудник журнала "На посту".

Белинский Виссарион Григорьевич (1811—1848) — русский литературный критик, публицист, революционный демократ, философ-материалист. В 1839—1848 гг. работал в журналах "Отечественные записки" и "Современник". Внес значительный вклад в развитие русской общественной мысли и художественной литературы.

Белый Андрей (Бугаев Борис Николаевич) (1880—1934) — русский советский писатель. Начал печататься с 1901 г. Принадлежал к символистам "младшего" поколения (вместе с А. Блоком, Вяч. Ивановым, С. Соловьевым). В послереволюционные годы вел занятия по теории поэзии с молодыми писателями в Пролеткульте, издавал журнал "Записки мечтателей". Опубликовал автобиографические повести "Котик Летаев" (1922), "Крещеный китаец" (1927). В мемуарах "На рубеже двух столетий" (1930), "Начало века. Воспоминания" (1933), "Между двух революций" (1934) дана широкая картина идейной жизни русской интеллигенции. Выступал как теоретик-стиховед и литературный критик.

Бердяев Николай Александрович (1874—1948) — русский религиозный философ, представитель персонализма. В 900-х гг. находился под влиянием идей марксизма и неокантианства, примыкал к так называемому легальному марксизму, в дальнейшем обратился к религиозной философии. Участвовал в сборниках "Проблемы идеализма" (1902), "Вехи" (1909), "Из глубины" (1918), в деятельности философско-религиозного общества им. Вл. Соловьева.

ва. Был инициатором создания Вольной Академии духовной культуры (1918—1922). В 1922 году выслан из СССР. С 1924 г. жил во Франции, издавал философско-религиозный журнал “Путь” (Париж, 1925—1940).

Бернштейн Эдуард (1850—1932) — немецкий социал-демократ, идеолог реформизма в рабочем движении. В конце 90-х гг. прошлого века выступил с критикой ряда важных положений марксистской революционной доктрины, предложив стратегию постепенного преобразования современного ему буржуазного общества в социалистическое. Этих своих взглядов придерживался и при оценке Октябрьской революции, которую не считал социалистической. В настоящее время реформизм Бернштейна является основой тактики многих социал-демократических партий Западной Европы.

Блок Александр Александрович (1880—1921) — русский поэт. Печататься начал с 1903 г. Первый широко известный сборник его стихов — “Стихи о Прекрасной даме”, где автор предстал как лирик-символист. Впоследствии его творчество становится трагедийным, проникнутым ощущением катастрофичности эпохи. Велико значение в его творчестве темы Родины и революции, высокого предназначения России (“Двенадцать”, “Скифы”). Выступал с критическими и публицистическими статьями, развивал идеи своей поэзии в драматургии. В последние годы жизни вел большую общественную работу.

Богданов (Малиновский) Александр Александрович (1873—1928) — экономист, философ, политический деятель, ученый-естествоиспытатель. С 1896 г. — член социал-демократической партии. В 1903 г. примкнул к большевикам. После 1907 г. разошелся с Лениным во взглядах, в основном по вопросам философии и пролетарской культуры. Результатом научного поиска А. Богданова стало создание “организационной науки” — тектологии, многие положения которой актуальны и сегодня.

После Октябрьской революции — один из лидеров и теоретиков Пролеткульта. Организатор и директор первого в мире Института переливания крови (1926). Умер в результате эксперимента по переливанию крови, поставленного на самом себе. Автор ряда философских и экономических трудов, а также научно-фантастических романов о будущем общества: “Красная звезда” (1908), “Инженер Мэнни” (1912).

Брюсов Валерий Яковлевич (1873—1924) — русский советский писатель. В партии с 1920 г. Один из лидеров модернистской литературы. Активно участвовал в делах издательства “Скорпион”, редактировал журнал русских модернистов “Весы”. Порвал с символизмом после революции 1905 г. Активно сотрудничал с Советской властью. Работал в Наркомпросе, Госиздате, в 1921 г. организовал Высший литературно-художественный институт (впоследствии ВЛХИ им. В.Я. Брюсова). Занимался исследованиями в области стиховедения, опубликовал ряд поэтических сборников.

Буданцев Сергей Федорович (1896—1937) — поэт, беллетрист. Получил известность благодаря роману “Мятеж”, посвященному левозсеровскому восстанию 1918 г. в Поволжье.

Булгаков Сергей Николаевич (1871—1944) — русский религиозный философ и богослов, экономист. В 90-х гг. — “легальный марксист”. В дальнейшем обратился к христианской религии. Участник программного сборника русских идеалистов “Проблемы идеализма” (1902), а также сборников “Вехи” (1909), “Из глубины” (1918). Член II Государственной думы (1907) от партии кадетов. В 1918 г. принял сан священника. С 1923 г. в эмиграции. Один из идейных руководителей русского студенческого христианского движения (РСХД). В 1925—1944 гг. профессор догматики и декан русского Богословского института в Париже.

Бунин Иван Алексеевич (1870—1953) — русский писатель. В своем творчестве продолжал классические традиции русской литературы, один из наиболее известных во всем мире мастеров русского художественного слова.

В 1909 г. избран почетным академиком Петербургской Академии наук в знак признания его литературного таланта и достижений. Октябрьскую революцию и большевизм принять не смог и был вынужден эмигрировать в 1920 г. во Францию. В 1933 г. удостоен Нобелевской премии в области литературы. Умер во Франции.

Бухарин Николай Иванович (1888—1938) — советский партийный и государственный деятель. Член партии с 1906 г. В 1918—1929 гг. — редактор газеты “Правда”, в 1934—1937 гг. — “Известия”. В 1919—1929 гг. — член исполкома Коминтерна. С 1929 г. работал в ВСНХ, Наркомтяжпроме. Член ЦК партии в 1917—1934 гг. (кандидат в 1934—1937 гг.); член Политбюро ЦК в 1924—1929 гг. (кандидат в 1919—1924). Член ВЦИК, ЦИК СССР. Академик АН СССР (1929). Труды по философии, политэкономии. Незаконно репрессирован, реабилитирован посмертно.

Вардин (Мгеладзе) Илларион Виссарионович (1890—1941) — русский советский критик, публицист. В 1906—1927 и 1930—1935 гг. — член КПСС (исключался как участник троцкистской оппозиции). Один из основателей журнала “На посту”, активный деятель РАПП. Для критических выступлений И. Вардина характерно восприятие литературы как разновидности публицистики, отрицание роли классического наследия. Опубликованные книги: “Советская печать” (1922), “Эпоха войн и революций” (1925). Незаконно репрессирован, реабилитирован посмертно.

Введенский Александр Иванович (1856—1925) — русский философ-идеалист, крупнейший представитель русского неокантианства. Председатель Санкт-Петербургского философского общества (с 1899). В 20-е гг. активный участник философских диспутов, на которых выступал против материализма и марксизма.

Веселый Артем (Кочуров Николай Иванович) (1899—1939) — русский советский писатель. Сотрудничал в большевистских газетах с 1917 г. Участвовал в литературной группе “Перевал”, вышел из нее в 1926 г. Бытописатель анархической вольницы (матросов, “зеленых” и др.), крестьянских восстаний. Основное произведение — роман “Россия, кровью умытая” (полностью опубликован в 1932 г.). Незаконно репрессирован, реабилитирован посмертно.

Виппер Роберт Юрьевич (1850—1954) — русский советский историк, специалист в области всеобщей истории, академик АН СССР (1943). С 1897 по 1922 г. преподавал в Московском университете, профессор (1899). В исследовании социального-экономических отношений использовал принципы исторического материализма. Отрицательно отнесся к преобразованиям Октябрьской социалистической революции. В 1924 г. эмигрировал в буржуазную Латвию. В 1927—1938 гг. профессор университета в Риге, где подвергался преследованиям за прогрессивные взгляды. С 1941 г. в Москве на преподавательской, затем научной работе.

Волин (Фрадкин) Борис Михайлович (1886—1957) — партийный работник, публицист, историк. В партии с 1904 г. С октября 1917 г. — на ответственной партийной и советской работе, в том числе преподавательской и научной. Участник Великой Отечественной войны. С 1945 г. — научный сотрудник Института марксизма-ленинизма при ЦК КПСС. Профессор, автор ряда работ по истории партии, общеполитическим вопросам.

Волконский Сергей Григорьевич (1788—1865) — декабрист, князь, генерал-майор. Участник войны 1812 г. Член “Союза благоденствия” и “Южного общества”, один из директоров Каменской управы. Осужден на вечную ка-

торгу. С 1826 г. — в Нерчинских рудниках, в 1835—1856 г. — на поселении в Иркутской губернии. В 1856 г. амнистирован. Оставил “Записки”, которые были впервые изданы в 1901 г.

Вольнов Иван Егорович (1885—1931) — русский советский писатель. С 1903 г. член партии эсеров. Подвергался репрессиям. В 1917 г. вернулся в Россию, участвовал в гражданской войне. В 20-е гг. жил в родной деревне. Начал публиковаться с 1911—1912 гг. Автор ряда автобиографических повестей.

Воровский Вацлав Вацлавович (1871—1923) — советский дипломат, один из первых литературных критиков-марксистов. В партии с 1903 г. Сотрудничал в газетах “Искра”, “Вперед”, “Пролетарий”. В 1905—1911 гг. вел партийную и литературную работу в России, с 1915 г. — на революционной работе за границей. Полпред Советской республики в скандинавских странах (1917—1919), Италии (1921—1923). Участвовал в Генуэзской (1922) и Лозаннской (1923) конференциях. Убит в Лозанне белогвардейцем.

Воронский Александр Константинович (1884—1943) — русский советский литературный критик, публицист, писатель. В партии с 1904 г. Участник Пражской партийной конференции. Первые литературные выступления относятся к 1911 г. Организатор и первый редактор журнала “Красная новь” (1921—1927), возглавлял издательство “Круг” и редактировал (1923—1927) журнал “Прожектор”. В партийных дискуссиях 1923—1927 гг. поддерживал Л.Д. Троцкого, за что исключался из ВКП(б). Позднее был восстановлен в ней, работал в Гослитиздате. Незаконно репрессирован, реабилитирован посмертно.

Герасимов Михаил Прокофьевич (1889—1939) — русский советский поэт. В партии с 1905 г. После Октябрьской революции был председателем Самарского совета солдатских депутатов, заместителем председателя ревкома. Участник гражданской войны. Начал печататься в 1913 г. в большевистских изданиях “Пролетарий”, “Правда”. В 1918 г. — председатель самарского Пролеткульта, в 1920 г. — один из основателей литературной группы “Кузница” в Москве. В 1921 г. вышел из партии. Незаконно репрессирован, реабилитирован посмертно.

Гессен Иосиф Владимирович (1866—1943) — русский политический деятель, один из лидеров кадетов, адвокат, публицист. Депутат II Государственной думы. Редактировал вместе с П.Н. Милоковым газету “Речь” — центральный орган партии кадетов (закрывается после Октябрьской революции за контрреволюционные выступления). Эмигрант, издатель газеты “Руль”.

Гиппиус Зинаида Николаевна (1869—1945) — русская писательница, критик. Вместе с Д.С. Мережковским являлась теоретиком и представителем декадентского направления в русской литературе. В 1903—1904 гг. совместно с Д.С. Мережковским и Д.В. Философовым издавала литературный журнал “Новый путь”. Как критик выступала с защитой символизма. К большевизму и советскому строю относилась критически. В 1920 г. эмигрировала.

Голодный (Энштейн) Михаил Семенович (1903—1949) — русский советский поэт. В партии с 1939 г. Первые стихи опубликовал в 1920 г. Входил в литобъединение “Молодая гвардия”. В своем творчестве отразил пафос “комсомолии” начала 20-х гг. Испытал влияние эстетических теорий “Перевала”. Переводил стихи польских, белорусских, украинских поэтов.

Горев (Гольдман, Игорев) Борис Исаакович (1874—1937?) — социал-демократ. В революционном движении с середины 90-х гг. В годы первой российской революции большевик, после 1907 г. примкнул к меньшевикам, сотрудничал в ряде их изданий. В 1917 г. входил в ЦК партии, член ВЦИК 1-го созыва. Позднее проделал политическую эволюцию, в августе 1920 г. заявил о разрыве с партией меньшевиков. Впоследствии занимался публици-

стикой, научно-педагогической деятельностью. Основные работы посвящены проблемам исторического материализма, истории социализма. В их числе: "На идеологическом фронте" (1923); "Очерки исторического материализма" (1925).

Горький Максим (Пешков Алексей Максимович) (1868—1936) — русский советский писатель и общественный деятель, активный участник революционного движения, литературный критик и публицист, инициатор создания и первый председатель правления Союза писателей СССР. Член ЦИК СССР.

Добролюбов Николай Александрович (1836—1861) — русский литературный критик, публицист, революционный демократ. С 1857 г. постоянный сотрудник журнала "Современник". Развивал эстетические принципы В.Г. Белинского и Н.Г. Чернышевского, отстаивал реализм и народность литературы, ее высокое гражданское назначение, разработал метод "реальной критики".

Дружинин Александр Васильевич (1824—1864) — критик и беллетрист. Вел критический отдел в "Современнике" после смерти В.Г. Белинского, редактировал "Библиотеку для чтения". Как критик отстаивал "чистое" искусство.

Есенин Сергей Александрович (1895—1925) — русский советский поэт. Начал печататься с 1914 г. Октябрьскую революцию принял радостно, но по-своему, "с крестьянским уклоном". В 1919—1923 гг. входил в группу имажинистов. В 1922—1923 гг. предпринял длительное заграничное путешествие; в 1924—1925 гг. совершил поездки по Закавказью. Опубликованы поэмы "Пугачев" (1921), "Баллада о двадцати шести" (1924) и "Анна Снегина" (1925), сборники "Русь советская" (1925), "О России и революции" (1925). Сложности поэтического развития Есенина отразились в цикле "Москва кабацкая" (1924), поэме "Черный человек" (1925). В 1925 г. покончил жизнь самоубийством.

Желябов Андрей Иванович (1851—1881) — революционер-народник. С 1873 г. — член кружка "чайковцев" в Одессе. Участник Липецкого и Воронежского съездов, один из создателей и руководителей "Народной воли", ее военных, рабочих и студенческих организаций, член исполкома, редактор "Рабочей газеты". Организатор покушений на Александра II. На процессе "первомартовцев" произнес программную речь. Казнен.

Зиновьев (Радомысльский) Григорий Евсеевич (1883—1936) — советский партийный и государственный деятель. Член партии с 1901 г. На V съезде РСДРП избран членом ЦК. Находясь в 1908 г. по апрель 1917 г. в эмиграции, работал в редакции ряда партийных изданий, в составе Заграничного бюро ЦК большевиков, был активным помощником В.И. Ленина. Накануне Октябрьской социалистической революции вместе с Л.Б. Каменевым проявил колебания, выступая против курса партии на вооруженное восстание. С конца 1917 г. — председатель Петроградского Совета, возглавлял губком партии. В 1919—1926 гг. — председатель Исполкома Коминтерна. После 1927 г. — ректор Казанского университета, член коллегии Центросоюза. Член ЦК в 1907—1927 гг. Член Политбюро ЦК в 1921—1926 гг. (кандидат в 1919—1921). Член ЦИК СССР и ВЦИК. Несколько раз (1927, 1932, 1934) был исключен из партии по обвинению во фракционной деятельности, отправлен в ссылку. Незаконно репрессирован, реабилитирован посмертно.

Зозуля Ефим Давидович (1891—1941) — русский советский писатель. Начал публиковаться в 1911 г. Печатался в петербургских журналах "Солнце России", "Новый сатирикон" и др. Мастер сжатой новеллы. Ему принадлежат философско-сатирические сказки (1918—1919), где большие социальные

темы воплощены в аллегорических образах и ситуациях. Погиб на фронте Великой Отечественной войны.

Зоценко Михаил Михайлович (1894—1958) — русский советский писатель. Участник первой мировой войны. В 1918 г. вступил добровольцем в Красную Армию, в 1919 г. демобилизован. Первый рассказ опубликовал в 1921 г. в “Петербургском альманахе”. В том же году вступил в литературную группу “Серапионовы братья”. Центральное место в творчестве писателя занимали фельетоны, короткие юмористические новеллы, разоблачающие психологию мещанства. Его перу принадлежат автобиографические повести, драматургические произведения.

Иванов Всеволод Вячеславович (1895—1963) — русский советский писатель. Начал печататься в газетах с 1915 г. Получил известность как автор повестей о гражданской войне и партизанском движении в Сибири (“Партизаны”, 1921; “Бронепоезд 14-69”, 1922; “Цветные ветра”, 1922). Впоследствии продолжал разрабатывать историко-революционную тему. Выступал с публицистическими статьями и книгами, писал романы, очерки, рассказы, пьесы.

Иванович Ст. — меньшевик, публицист. После Октябрьской социалистической революции примыкал к крылу меньшевиков-“активистов”, выступавших за вооруженную борьбу против Советской власти. В 1922—1925 гг. в эмиграции возглавлял меньшевистскую крайне правую группу “Заря”.

Инбер Вера Михайловна (1890—1972) — русская советская писательница, поэтесса. В партии с 1943 г. Первый сборник стихов вышел в 1914 г. В середине 20-х гг. Инбер сближается с “конструктивистами”. Пробует свои силы как журналист и прозаик. В годы войны находилась в осажденном Ленинграде, запечатлела в стихах героическую оборону города.

Каверин Веншамин Александрович (1902—1989) — русский советский писатель. Впервые напечатался в альманахе “Серапионовы братья” в 1922 г. Ранний период его творчества (в соответствии с программой группы “Серапионовы братья”) отмечен стремлением выработать свою повествовательную манеру, свой писательский почерк, что дало основание рапповской критике обвинить молодого писателя в “формализме”. Автор повестей, романов (в том числе романа для юношества “Два капитана”, трилогии “Открытая книга” и др.).

Казин Василий Васильевич (1898—1981) — русский советский поэт. Печататься начал в 1914 г., популярность приобрел с выходом сборника стихов “Рабочий май” (1922). В 1918—1920 гг. учился в литературной студии Московского отделения Пролеткульта, печатался в его изданиях. Состоял членом редколлегии журналов “Гудок”, “Кузница”. Один из организаторов литературной группы “Кузница”. Основная тема творчества — освобожденный труд.

Каменев (Розенфельд) Лев Борисович (1883—1936) — советский партийный и государственный деятель. Член партии с 1901 г. После II съезда РСДРП — большевик. Подвергался репрессиям со стороны царского режима. На апрельской конференции 1917 г. избран членом ЦК партии, на II Всероссийском съезде Советов — председателем ВЦИК (затем заменен на этом посту Я.М. Свердловым). С 1919 г. — председатель Моссовета, с 1922 г. — заместитель председателя СНК СССР, с 1924 по 1926 г. — председатель Совета Труда и Оборона. После 1926 г. — нарком торговли СССР, полпред СССР в Италии, председатель Главконцесскома, директор Института мировой литературы. Член ЦК в 1917—1927 гг. Член Политбюро ЦК в 1919—1926 гг., член ЦИК СССР и ВЦИК. Несколько раз (1927, 1932, 1934) был исключен из партии по обвинению во фракционной деятельности, отправлен в ссылку. Незаконно репрессирован, реабилитирован посмертно.

Каменский Василий Васильевич (1884—1961) — русский советский поэт, один из первых русских пилотов. В раннем творчестве — представитель футуризма. Романтические поэмы “Стенька Разин” (1912—1920), “Емельян Пугачев” (1931), “Иван Болотников” (1934).

Кареев Николай Иванович (1850—1931) — русский историк, член-корреспондент Российской АН (член-корреспондент Петербургской АН) с 1910 г., почетный член АН СССР (1929). Профессор Петербургского университета. Кадет. Был членом I Государственной думы (1906). Труды по аграрной истории Франции, истории Великой французской революции; курс по новой истории Западной Европы.

Касаткин Иван Михайлович (1880—1938) — русский советский писатель. В партии с 1902 г. Начал печататься в 1908—1909 гг. В 30-е гг. — редактор Гослитиздата, журналов “Красная новь”, “Земля советская” и др. Незаконно репрессирован, реабилитирован посмертно.

Катаев Валентин Петрович (1897—1986) — русский советский писатель. В партии с 1958 г. Начал печататься в 1910 г. В 1915—1917 гг. — на фронтах первой мировой войны (ушел добровольцем). В 1919 г. мобилизован в Красную Армию. Вернувшись в Одессу, сотрудничал в ЮгРОСТА. С 1923 г. — постоянный сотрудник газеты “Гудок”. Печатался в “Правде”, “Рабочей газете”, “Труде”. В 20-е гг. опубликовал романы о мировой революции — “Остров Эрендорф” (1924), “Повелитель железа” (1924). В годы Великой Отечественной войны и послевоенный период пишет фельетоны, очерки, рассказы, пьесы, повести (в том числе повесть “Сын полка”, 1945). Автор серии автобиографических повестей (Гос. премия СССР, 1946). Герой Социалистического Труда (1974).

Каутский Карл (1854—1938) — один из лидеров и теоретиков немецкой социал-демократии и II Интернационала. Взгляды К. Каутского претерпели значительные изменения. Будучи в начале века известнейшим теоретиком революционного марксизма, он во многом благодаря полемике с Лениным и другими большевиками постепенно склоняется к тактике реформ, его позиции сближаются с позициями Эдуарда Бернштейна. К. Каутский выдвинул концепцию “ультраимпериализма” и переосмыслил многие положения марксизма начала XX в. (один из наиболее известных и глубоких критиков Октябрьской революции, оппонент Ленина и других теоретиков большевизма).

Керенский Александр Федорович (1881—1970) — русский политический деятель. Депутат IV Государственной думы, где некоторое время примыкал к группе трудовиков, был ее председателем. После Февральской революции 1917 г. — министр юстиции, военный и морской министр, а затем премьер-министр буржуазного Временного правительства, Верховный главнокомандующий. После победы Октябрьской революции активно боролся против Советской власти. В 1918 г. бежал за границу.

Керженцев (Лебедев) Платон Михайлович (1881—1940) — советский государственный и партийный деятель, историк, журналист. В партии с 1904 г. Сотрудник “Звезды”, “Правды”; в 1918 г. — заместитель редактора “Известий ВЦИК”. В 1920—1926 гг. — на дипломатической работе. С 1926 г. — заместитель управляющего ЦСУ, с 1928 г. — заместитель заведующего Агитационно-пропагандистским отделом ЦК ВКП(б). С 1933 г. — председатель Радиокomiteта, в 1936—1938 гг. — Комитета по делам искусств при СНК СССР. Труды по истории революционного движения.

Керзон Джордж Натаниел (1859—1925) — министр иностранных дел Великобритании (1919—1924), консерватор, маркиз. В 1899—1905 гг. — вице-король Индии. Один из организаторов антисоветской интервенции. Во время советско-польской войны 1920 г. требовал прекратить наступление

Красной Армии на "линии Керзона". В 1923 г. направил меморандум ("нота Керзона") Советскому правительству, которое его отвергло.

Кириллов Владимир Тимофеевич (1889—1943) — русский советский поэт. За участие в революционном движении моряков подвергался репрессиям. Начал печататься в 1913 г. В 1917—1918 гг. работал в петроградском, в 1919 г. — в тамбовском Пролеткультах, выезжал с агитбригадами на фронт. Один из организаторов литературной группы "Кузница". Полемическое стихотворение "Мы" (написано в декабре 1917 г. в ответ на заявление А. Луначарского о выходе в отставку в знак протеста против разрушения памятников русской культуры) содержало строку, которая впоследствии стала восприниматься как один из лозунгов Пролеткульта: "Во имя нашего Завтра — сожжем Рафаэля, разрушим музеи, растопчем искусства цветы". В годы нэпа поэт пережил серьезный творческий кризис. Незаконно репрессирован, реабилитирован посмертно.

Клычков (Лешинов) Сергей Антонович (1889—1940) — русский советский писатель. Начал печататься в 1908 г. С первых поэтических сборников — "Песни" (1911), "Потаенный сад" (1913) — примкнул к так называемому новокрестьянскому направлению (Н. Клюев, С. Есенин и др.). Разрабатывал мотивы русской песни и сказки, переосмыслял их в духе символизма. В 20-е гг. обратился к прозе. Выражал неприятие советской действительности, "бесовской" машинной цивилизации, тяготение к старине, патриархальной деревне. Незаконно репрессирован, реабилитирован посмертно.

Клюев Николай Алексеевич (1887—1937) — русский советский поэт. Странствовал по России, принимал участие в движении сектантов. Первые книги — "Сосен перезвон" (1912), "Братские песни" и другие — выдержаны в стиле раскольничьих песнопений, духовных стихов, апокрифов. Сблизился с кружком символистов и возглавил "новокрестьянское" направление (С. Есенин, С. Клычков, П. Орешин). В начале 30-х гг. незаконно репрессирован, реабилитирован посмертно.

Ключников Юрий Вениаминович (1886—1938) — русский юрист, профессор Московского университета, кадет. После Октября участвовал в деятельности контрреволюционных правительств, Министр иностранных дел у Колчака. С 1919 по 1923 г. — в эмиграции. В 1921—1922 гг. активно участвовал в издании сборника "Смена веж" и газеты "Накануне". Был приглашен в качестве эксперта советской делегации на Генуэзскую конференцию (1922). В 1923 г. вернулся в СССР, занимался научно-педагогической, публицистической деятельностью. Незаконно репрессирован, реабилитирован посмертно.

Коковцев Владимир Николаевич (1853—1943) — русский государственный деятель, граф, министр финансов Российской империи в 1904—1914 гг. (с перерывом в 1905—1906), председатель Совета министров в 1911—1914 гг. Крупный банкир. Странник курса С.Ю. Витте, затем П.А. Столыпина. После Октябрьской революции эмигрировал за границу.

Кон Феликс Яковлевич (1864—1941) — российский и международный революционный деятель. Участник революции 1905—1907 гг. Член партии с 1906 г. В 1921 г. — секретарь ЦК КП(б) Украины. Один из создателей Международной организации помощи борцам революции. В 1922—1923 гг. — секретарь ИККИ; в 1927—1935 гг. — зам. председателя Интернациональной контрольной комиссии. В 1931—1933 гг. председатель Всесоюзного радиокомитета. Член ВЦИК, ЦИК СССР и его Президиума. Труды по истории революционного движения.

Крученых Алексей Елисеевич (1886—1968) — русский советский поэт. Один из теоретиков кубофутуризма, позднее примыкал к "ЛЕФу". Занимался литературно-музейной работой. Пытался изобрести новый поэти-

ческий язык — заумь (сб. “Слово, как таковое”, сб. “Взорваль” и др.). Автор первой книги о Маяковском: “Стихи В. Маяковского” (1914).

Кускова Екатерина Дмитриевна (1869—1958) — публицист, социал-демократ, автор “Кредо” — программного заявления “экономизма” в русском революционном движении. Деятель “Союза освобождения”. После Октябрьской революции работала в Комиссии помощи голодающим (1921—1922). В 1922 г. выслана за границу.

Лабриола Антонио (1843—1904) — итальянский философ, теоретик и пропагандист марксизма, публицист. На позиции марксизма перешел в начале 90-х гг. Участвовал в итальянском, международном рабочем движении, содействовал основанию Итальянской социалистической партии, хотя и не участвовал в ее деятельности. В своих работах рассматривал в основном вопросы исторического материализма.

Лавренев Борис Андреевич (1891—1959) — русский советский писатель. Выступил в печати в 1911 г. со стихами. Первый рассказ опубликовал в 1924 г. В повестях “Ветер” (1924), “Сорок первый” (1924), драме “Разлом” (1927) и других произведениях отразил романтику революции, ее героические характеры. Повести об интеллигенции, о судьбах культуры — “Седьмой спутник” (1927), “Гравюра на дереве” (1928). Государственная премия СССР (1946, 1950).

Лассаль Фердинанд (1825—1864) — немецкий мелкобуржуазный социалист, родоначальник одной из разновидностей оппортунизма в рабочем движении, философ, публицист. Организатор и руководитель Всеобщего германского рабочего союза (1863—1875). Принятая в 1875 г. на съезде в Готе программа единой социалистической рабочей партии (Готская программа) содержала ряд лассальянских положений.

Левидов Михаил Юльевич — известный советский публицист, литературный и театральный критик. Стоял на леворадикальных позициях. Активный участник многочисленных диспутов 20-х гг. по проблемам интеллигенции и путей развития художественной культуры. Широкую известность приобрела его работа “Организованное упрощение культуры” (Красная новь. — 1923. — Кн. 1.)

Лелевич Григорий (Калмансон Лаборий Гилевич) (1901—1945) — русский советский критик, поэт. В партии с 1917 г. Тогда же начал свою литературную деятельность. Значительна его литературно-критическая деятельность. В острой борьбе литературных течений и групп он участвовал как критик и редактор (совместно с Б. Волиным и С. Родовым) журнала “На посту” и как один из руководителей ВАПП. Известность получили книги “На литературном посту. Статьи и заметки” (1924), “Творческие пути пролетарской литературы” (1925), “О пролетарском литературном молодняке” (1926) и др. В 30-е гг. незаконно репрессирован, реабилитирован посмертно.

Леонов Леонид Максимович (р. 1899) — русский советский писатель. Начал печататься в 1915 г. В 1920 г. мобилизован в Красную Армию, работал преимущественно во фронтовых газетах. Рассказы, повести 20-х гг., романы “Барсуки” (1924), “Вор” (1924) отразили драматизм революционной борьбы. Последующая литературная деятельность его плодотворна: драмы, повести, романы, киносценарии, статьи о литературе, публицистика. Заслуженный деятель искусств РСФСР. Академик АН СССР (1972). Герой Социалистического Труда (1967). Депутат Верховного Совета СССР 5—7-го созывов.

Либедицкий Юрий Николаевич (1898—1959) — русский советский писатель. В партии с 1920 г. Участвовал в гражданской войне; в Красной Армии был пропагандистом, политруком. Входил в литературную группу “Октябрь”, один из руководителей Российской ассоциации пролетарских писате-

лей. В 30-е гг. — корреспондент “Правды”, публикует очерки о социалистическом строительстве. В годы Великой Отечественной войны работал во фронтовой редакции газеты “Красный воин”, корреспондентом “Красной звезды”. Перу писателя принадлежат повести (наиболее известная из них — “Неделя”, 1922), рассказы, очерки, воспоминания.

Лидин Владимир Германович (1894—1979) — русский советский писатель. Участник гражданской войны. Литературную работу начал в 1915 г. В произведениях 20—30-х гг. героями выведены сильные, волевые люди, искатели счастья (сб. рассказов “Норд”, 1925; сб. очерков “Пути и версты”, 1927). В годы Великой Отечественной войны — военный корреспондент “Известий”. В послевоенные годы писал романы, воспоминания.

Лосский Николай Онуфриевич (1870—1965) — русский философ-идеалист, один из крупнейших представителей интуитивизма и персонализма в России. В 1922 г. выслан за границу, до 1945 г. жил в Праге. В 1947—1950 гг. — профессор философии в Русской духовной академии в Нью-Йорке.

Луначарский Анатолий Васильевич (1875—1933) — советский государственный, партийный деятель, писатель, критик, академик АН СССР (1930). Член партии с 1895 г. С 1917 г. — нарком просвещения. С 1929 г. — председатель Ученого комитета при ЦИК СССР. С 1933 г. — посол в Испании. Труды по истории революционной и философской мысли, проблемы культуры, литературно-критические работы, пьесы. Член ВЦИК и ЦИК СССР.

Львов-Рогачевский (Рогачевский) Василий Львович (1874—1930) — русский советский критик, литературовед. В печати выступил как поэт в 1895 г. Литературно-критическую деятельность начал в 1899 г. Сотрудничал в “Русском богатстве”, “Современном мире”, “Современнике” и других журналах. Член “Союза борьбы за освобождение рабочего класса” с 1898 г. С 1917 г. отошел от политики, занялся литературной деятельностью. Автор критических очерков о ряде советских и зарубежных писателей.

Ляшко (Лященко) Николай Николаевич (1884—1953) — русский советский писатель. Член партии с 1928 г. Участник подпольных социал-демократических кружков с 1901 г. Первые литературные выступления относятся к 1905 г. Творчество посвящено почти исключительно рабочему классу. Один из организаторов и руководителей группы “Кузница”. Повесть “Доменная печь” (1925) рассматривалась группой “Кузница” как программное произведение. В 30—40-е гг. писал автобиографические романы, повести.

Малашкин Сергей Иванович (1888—1969) — русский советский писатель. В партии с 1906 г. Участник восстания 1905 г. в Москве. Дебютировал как поэт в 1916 г. Стихи и поэмы 20-х гг. — о революции, об освобожденном труде. С середины 20-х годов выступает как прозаик, пишет романы, повести, отражавшие процесс становления нового общества. С 30-х гг. перестал печататься. Новая “волна” творческой активности приходится на 50—60-е гг.

Мальшикин Александр Георгиевич (1890—1938) — русский советский писатель. Начал печататься в 1914 г. В 1916 г. призван в армию, служил на флоте. В годы гражданской войны — историограф в штабе Фрунзе. Участник штурма Перекопа. Литературную популярность приобрел после выхода в свет повести “Падение Даира” (1923) о событиях гражданской войны. Известность получила и повесть “Севастополь” (1931) — о сложном пути исканий русской интеллигенции в революционную эпоху.

Мандельштам Осип Эмилевич (1891—1938) — русский советский поэт. Начал печататься в 1910 г. Начало литературной деятельности связано с акмеизмом (сб. стихов “Камень”, 1913). В 1918—1921 гг. работал в культурно-просветительных учреждениях. Во время обострившейся в 20-е гг. борьбы литературных группировок поэт сохраняет независимое положение. Незави-

симым от власти и честным в поэзии поэт остался до конца своих дней. В 1934 г. незаконно репрессирован, погиб после вторичного ареста.

Кроме стихов в 20-е гг. написаны автобиографические рассказы ("Шум времени", 1925) и повесть "Египетская марка" (1928).

Маринетти Филиппо Томазо (1876—1944) — итальянский писатель. Создатель и теоретик направления футуризма в европейских литературе и искусстве.

Маяковский Владимир Владимирович (1893—1930) — русский советский поэт. В партии с 1908 г. В начале поэтической деятельности — футурист. Поэтический дебют — в альманахе "Пошечина общественному вкусу" (1912). В 1914 г. приглашен М. Горьким сотрудничать в журнал "Летопись" и газету "Новая жизнь". После Октября 1917 г. занят поисками новых форм участия поэта в революции. С 1919 г. сотрудничает в РОСТА. Организатор и лидер группы ЛЕФ (1922) и РЕФ (1929). В феврале 1930 г. вступил в РАПП. В апреле 1930 г. покончил жизнь самоубийством.

Мережковский Дмитрий Сергеевич (1866—1941) — русский писатель, один из зачинателей русского декаданства. Творчество проникнуто религиозно-мистическими идеями (трилогия "Христос и Антихрист", 1895—1905). Его перу принадлежит ряд антиреволюционных памфлетов, в том числе "Грядущий хам" (1906). Автор исторических песен и романов. Писал стихи, критические исследования. В 1920 г. эмигрировал.

Мещеряков Николай Леонидович (1865—1942) — деятель российского революционного движения, публицист, член-корреспондент АН СССР (1939). Член партии с 1901 г. Участник Октябрьской революции, член редколлегии "Известий Московского военно-революционного комитета". До лета 1918 г. редактировал "Известия Московского Совета". В 1918—1922 гг. — член редколлегии "Правды", в 1920—1924 гг. — председатель редколлегии ГИЗ. В 1924—1932 гг. заместитель главного редактора Большой Советской Энциклопедии, в 1927—1938 гг. — главный редактор Малой Советской Энциклопедии. Труды по истории литературы, революционного движения.

Милюков Павел Николаевич (1859—1943) — русский политический деятель, историк, публицист. Лидер партии кадетов, с 1907 г. — председатель ее ЦК, редактор центральной газеты "Речь". Депутат III и IV Государственной думы. В 1917 г. — министр иностранных дел в первом составе буржуазного Временного правительства; проводил политику продолжения империалистической войны "до победного конца". В августе 1917 г. — один из вдохновителей корниловского мятежа. После октября 1917 г. принимал участие в организации иностранной военной интервенции против Советской России. Эмигрировал за границу. Труды по истории России XVIII—XIX вв., Февральской и Октябрьской революций 1917 г.

Молотов (Скрябин) Вячеслав Михайлович (1890—1986) — советский партийный и государственный деятель. Член партии с 1906 г. Накануне Февральской революции — член Русского бюро ЦК РСДРП, работал в Петрограде, в период Октябрьской социалистической революции — член Петроградского ВРК. Позднее — на советской и партийной работе. В 1921—1930 гг. — секретарь ЦК, в 1930—1941 гг. председатель СНК СССР, в 1941—1957 гг. — первый заместитель председателя СНК СССР (Совета Министров). После 1957 г. — посол в МНР, постоянный представитель СССР при Международном агентстве по атомной энергии. С 1962 г. — на пенсии. В 1962 г. исключен из партии, а в 1984 г. восстановлен. Член ЦК в 1921—1957 гг. Член Политбюро, Президиума ЦК в 1926—1957 гг. (кандидат с 1921 г.). Член ЦИК СССР и ВЦИК. В.М. Молотов входил с начала 20-х гг. в ближайшее сталинское окружение.

Муссолини Бенито (1883—1945) — фашистский диктатор Италии в 1922—1943 гг. Политическую карьеру начал в социалистической партии, из которой был исключен в 1914 г. В 1919 г. основал фашистскую партию. Захватил власть (1922) и установил фашистскую диктатуру. В 1945 г. захвачен итальянскими партизанами, казнен.

Низовой (Тупиков) Павел Георгиевич (1882—1940) — русский советский писатель. Первые стихи опубликовал в 1907 г., первый рассказ — в 1911 г. Участник первой мировой войны. В 20-е гг. пишет рассказы о гражданской войне, революционных событиях в деревне. Наиболее значительна книга, рисующая деревню конца империалистической войны, — повесть “Черноземье” (1923). Во второй половине 20-х — 30-е гг. опубликовал ряд повестей, романов.

Никандров (Шевцов) Николай Никандрович (1878—1964) — русский советский писатель. Первый рассказ опубликовал в 1903 г. В 1901 г. примкнул к партии социал-революционеров, был членом эсеровской боевой организации. В 1910—1914 гг. жил в эмиграции. Годы гражданской войны провел в Севастополе, с 1922 г. — в Москве. Первые послереволюционные годы отражены в повестях, опубликованных в начале 20-х гг.

Никитин Николай Николаевич (1895—1963) — русский советский писатель. В 1918 г. вступил добровольцем в Красную Армию, работал пропагандистом в петроградских воинских частях. В 1921 г. примкнул к литературной группе “Серапионовы братья”. В 1922 г. вышла его первая повесть. Активно занимался журналистикой. Автор романов, пьес, киносценариев. Государственная премия СССР (1951).

Новиков-Прибой (Новиков) Алексей Силыч (1877—1944) — русский советский писатель. Участник революционного движения. В 20-е гг. входил в литературную группу “Кузница”. Большую часть сочинений составляют повести и рассказы о жизни моряков. Наиболее значительное произведение — историческая эпопея “Цусима” (1932—1935) о походе и гибели русской эскадры в русско-японской войне (1904—1905). Государственная премия СССР (1941).

Обрадович Сергей Александрович (1892—1956) — русский советский поэт. В партии с 1941 г. Первое стихотворение опубликовал в 1912 г. В 1922—1927 гг. по приглашению М.И. Ульяновой работал заведующим отделом “Правды”. Член Пролеткульта, один из организаторов группы “Кузница”. В годы нэпа пережил творческий кризис. Впоследствии продолжил творческую деятельность. Выступал как литературный критик, работал над стихотворными переводами.

Орешин Петр Васильевич (1887—1938) — русский советский поэт. Начал печататься в 1911 г. В годы первой мировой войны служил в действующей армии, писал стихи антивоенного содержания. Участник альманаха “Скифы” (1918). Первая книга стихов — “Зарево” (1918). Один из инициаторов создания секции крестьянских писателей при московском Пролеткульте. В 1925 г. избран членом правления Всероссийского союза поэтов. Автор поэм на историко-революционные темы, автобиографической прозы. Незаконно репрессирован, реабилитирован посмертно.

Осинский (Оболенский) Валериан Валерианович (1887—1938) — советский партийный и государственный деятель. Член Коммунистической партии с 1907 г. После Февральской революции член Московского облбюро РСДРП(б); член редколлегии большевистской газеты “Социал-демократ”. После Октября 1917 г. — управляющий Госбанком РСФСР, председатель ВСНХ. В 1918 г. — “левый коммунист”, в 1920 г. — участник группы “демократического централизма”, в 1923 г. примыкал к троцкистской оппозиции. В 1921—1923 гг. — заместитель наркома земледелия, с 1926 г. — уп-

равляющий ЦСУ СССР, с 1929 г. — заместитель председателя ВСНХ, заместитель председателя Госплана СССР. Член главной редакции Большой Советской Энциклопедии. Экономист-аграрник, автор книг по экономике сельского хозяйства за рубежом, мировому хозяйству. Академик АН СССР (1932), действительный член ВАСХНИЛ (1935). Незаконно репрессирован, реабилитирован посмертно.

Павлов Иван Петрович (1849—1936) — советский физиолог, создатель материалистического учения о высшей нервной деятельности. Академик АН СССР (академик Петербургской АН с 1907 г.). Классические труды по физиологии кровообращения и пищеварения. Нобелевская премия (1904).

Пастернак Борис Леонидович (1890—1960) — русский советский писатель. Первый сборник стихов “Близнец в тучах” вышел в 1914 г. В предреволюционные годы — участник футуристической группы “Центрифуга” (Н. Асеев, С. Бобров и др.). В 1923—1924 гг. сотрудник журнала “ЛЕФ”. В 1926—1927 гг. создает поэмы “Лейтенант Шмидт” и “1905 год”, насыщенные революционным пафосом. Роман в стихах “Спекторский” (1931) — о человеческих судьбах эпохи военных лет и революции. Богатое литературное наследие Пастернака включает сборники стихов, романы, повести, очерки, репортажи, переводы. Нобелевская премия (1958).

Пашич Никола (1845—1926) — премьер-министр Сербии в 1891—1892 гг. 1904—1918 гг. (с перерывами), премьер-министр Королевства сербов, хорватов. В молодости близок к последователям М.А. Бакунина, позже — С. Марковича. Один из организаторов (1881), затем руководителей Радикальной партии. Проводил реакционную внутреннюю и антисоветскую внешнюю политику.

Перовская Софья Львовна (1853—1881) — революционерка-народница. Член кружка “чайковцев”, участница “хождения в народ”, член “Земли и воли”. Организатор и участница покушений на Александра II. Казнена 3 апреля 1881 г. в Петербурге.

Пешехонов Алексей Васильевич (1867—1933) — русский общественный деятель, публицист. В начале 900-х гг. близок к эсерам, с 1904 г. — член редакционного комитета журнала “Русское богатство”, один из организаторов и лидеров партии народных социалистов. В мае—августе 1917 г. — министр продовольствия буржуазного Временного правительства. После Октября 1917 г. — участник антисоветских заговоров, член контрреволюционных правительств. В 1922 г. выслан из СССР.

Пильняк (Воган) Борис Андреевич (1894—1937) — русский советский писатель. Начало постоянной литературной деятельности относится к 1915 г. Известность приобрел повестью “Гольи год” (1922), в которой изобразил жизнь и облик города начала 20-х гг.: быт голодного и исполненного смертельной опасности времени. В публикациях 20-х гг. (“Повесть непогащенной луны” (1926), “Красное дерево” (1929, вышла за рубежом) и др.) пытался показать рождение “новой русской культуры”, новые психологические ситуации, приводящие порой к трагическим коллизиям. Повести “Петербургская” (1922), “Третья столица” (1923) содержат размышления писателя о судьбах России, ее историческом пути. Незаконно репрессирован. Посмертно реабилитирован.

Плетнев Валериан Федорович (1886—1942) — русский советский писатель, литературный критик. Член партии с 1904 г. В 1921—1932 гг. возглавлял Пролеткульт. В 1941 г. ушел добровольцем в народное ополчение, погиб в 1942 г. Первый рассказ опубликовал в 1918 г. Автор рассказов “На тихом плесе” (1919), “Андрейкино горе” (1921), ряда пьес. Один из теоретиков Пролеткульта.

Плеханов Георгий Валентинович (1856—1918) — деятель российского международного социал-демократического движения, философ, пропагандист марксизма. С 1875 г. — народник, один из руководителей “Земли и воли”, “Черного передела”. С 1880 г. — в эмиграции, организатор марксистской группы “Освобождение труда”. Один из основателей РСДРП, газеты “Искра”. Разрабатывал вопросы исторического материализма, проблемы эстетики. После II съезда РСДРП — один из лидеров меньшевизма. В 1917 г. вернулся в Россию, поддерживал буржуазное Временное правительство. К Октябрьской революции отнесся отрицательно, но не поддерживал контрреволюцию.

Подъячев Семен Павлович (1866—1934) — русский советский писатель. В партии с 1918 г. Начал печататься в 1888 г. После Октябрьской революции вел общественную работу, выступал в газетах с очерками и рассказами. Наиболее значительная книга последних лет — автобиографическая повесть “Моя жизнь” (кн. 1—2, 1929—1932).

Полонская Елизавета Григорьевна (1890—1969) — русская советская поэтесса. Печаталась с 1913 г. Большое влияние на творчество поэтессы оказала литературная группа “Серapiоновы братья”. В 20-е гг. выходят сборники лирических стихов “Знамя” (1921), “Под каменным дождем” (1922), “Упрямый календарь” (1929) и др. В 30-е гг. корреспондент “Ленинградской правды”. Перу Полонской принадлежат книги очерков, стихов о Великой Отечественной войне, стихи для детей, переводы.

Полонский (Гусин) Вячеслав Павлович (1886—1932) — советский критик, историк, публицист. С 1905 г. участвовал в революционном движении (примыкал к меньшевикам); с 1919 г. член ВКП(б). В период гражданской войны руководил литературно-издательским отделом Политуправления Красной Армии. В 1921 г. организовал издание критико-библиографического журнала “Печать и революция” (редактор с июля 1921 до марта 1929 г.). В 1926—1931 гг. редактировал журнал “Новый мир”. Публиковал в этих изданиях литературно-теоретические, исторические, полемические статьи. Большая их часть вошла в сборники статей “Уходящая Русь” (1924) — об эмигрантской литературе и публицистике, “Марксизм и критика” (1927) — о книге Г. Лелевича “На литературном посту”, “На литературные темы” (1927), “Очерки литературного движения революционной эпохи” (1928) и др.

Потресов Александр Николаевич (1869—1934) — участник российского революционного движения, один из лидеров меньшевизма. В 90-х гг. примкнул к марксистам, входил в петербургский “Союз борьбы за освобождение рабочего класса”. В 1900 г. уехал за границу, участвовал в создании газеты “Искра”. В годы реакции (1908—1910) — один из идеологов и руководителей ликвидаторов. В 1917 г. редактировал меньшевистскую газету “День”. После Октябрьской революции эмигрировал, за границей сотрудничал в еженедельнике А.Ф. Керенского “Дни”.

Правдухин Валериан Валерианович (1892—1939) — русский советский писатель, литературный критик. Работал народным учителем, участвовал в научных экспедициях. С 1921 г. — один из организаторов и редакторов журнала “Сибирские огни” (Новосибирск). Автор книги о В. Белинском (1923), рассказов, пьес, критических статей о литературе. В 30-е гг. работал над романом из жизни уральского казачества (частично опубликован). Незаконно репрессирован, реабилитирован посмертно.

Пришвин Михаил Михайлович (1873—1954) — русский советский писатель. Первый рассказ напечатан в 1906 г. Появлению первого собрания сочинений Пришвина (1912—1914) содействовал М. Горький. В годы первой мировой войны был фронтовым корреспондентом. В 20-е гг. постоянно печатался в журналах “Новый мир”, “Красная новь”. Над произведениями, поэтизи-

рующими природу, Пришвин работал до конца жизни. Писал рассказы, очерки, повести, романы, публиковал дневниковые записи и др.

Прокопович Сергей Николаевич (1871—1955) — политический деятель, социал-демократ, публицист. Идеолог “экономизма”, деятель “Союза освобождения”. В 1917 г. — министр буржуазного Временного правительства. После Октябрьской революции работал в Комиссии помощи голодающим (1921—1922). В 1922 г. выслан за границу.

Пуанкаре Раймон (1860—1934) — президент Франции в 1913 — янв. 1920, 1922—1924, 1926—1929 гг. Проводил реакционную милитаристскую политику. Один из организаторов антисоветской интервенции в период гражданской войны в Советской России.

Пуришкевич Владимир Митрофанович (1870—1920) — российский государственный деятель. Депутат II, III и IV Государственной думы, лидер крайних правых. Ярый черносотенец, один из основателей “Союза русского народа”, “Союза Михаила Архангела”. Участвовал в убийстве Распутина. После Октября 1917 г. — активный участник контрреволюционного движения и вооруженной борьбы с Советской властью.

Радек Карл Бернгардович (1885—1939) — советский партийный и государственный деятель, публицист. Принимал активное участие в социал-демократическом движении Галиции, Польши, Германии. В партии с 1917 г. После Октябрьской революции работал в Наркомате иностранных дел, был секретарем Исполкома Коминтерна. На VIII—XII съездах РКП(б) избирался членом ЦК партии. В 1918 г. — “левый коммунист”; с 1923 г. активный участник троцкистской оппозиции. В 1927 г. исключен из партии, в 1929 г. восстановлен. В 1936 вновь исключен. Незаконно репрессирован, реабилитирован посмертно.

Раскольников (Ильин) Федор Федорович (1892—1939) — советский государственный и военный деятель, дипломат, литератор. В партии с 1910 г. Участник Февральской и Октябрьской революций. С 1918 г. — заместитель наркома по морским делам, член РВС Восточного фронта, член РВСР. В 1919—1920 гг. командовал Волжско-Каспийской военной флотилией, в 1920—1921 гг. — Балтийским флотом. В 1921—1923 гг. — полпред в Афганистане. В 1924—1930 гг. — ответственный редактор ряда журналов, издательства “Московский рабочий”. В 1929 г. — член коллегии Наркомпроса, начальник Главискусства. В 1930—1938 гг. — полпред в Эстонии, Дании, Болгарии. С 1938 г. в эмиграции.

Рейснер Михаил Александрович (1868—1928) — известный русский советский правовед, специалист в области социальной психологии. Принимал участие в социал-демократическом движении Германии, России. В партии с 1905 г. После 1917 г. работал в наркоматах юстиции, просвещения. Принял участие в разработке первой советской конституции (1918), являлся одним из основателей Социалистической (Коммунистической) академии. Один из пионеров марксистской интерпретации проблем социальной психологии.

Родов Семен Абрамович (1893—1968) — русский советский поэт, литературный критик. В партии с 1918 г. Начал печататься в 1912 г. Ответственный секретарь Московской ассоциации пролетарских писателей (1923—1924), Всесоюзной ассоциации пролетарских писателей (1924—1926). Автор сборников стихов “Мой сев” (1918), “Перебежка зарниц” (1921), “Прорыв” (1921), “Стальной строй” (1923) и других, поэм. В 1923—1925 гг. вместе с Б. Волиным и Г. Лелевичем редактировал журнал “На посту”. В последующем работал как поэт-переводчик.

Рязанов (Гольдендах) Давид Борисович (1870—1938) — участник российского революционного движения, партийный деятель, академик АН СССР (1929). В партии с 1917 г. Организатор и директор Института

К. Маркса и Ф. Энгельса (1921—1931 гг.). В 1931 г. исключен из партии. Незаконно репрессирован, реабилитирован посмертно.

Сакулин Павел Никитич (1868—1930) — русский советский литературовед. Академик АН СССР (1929). В 1902—1911 гг. читал курсы по истории русской литературы в Московском университете, откуда ушел в знак протеста против преследования студентов. Автор капитального научного труда “Из истории русского идеализма. Князь Ф.Ф. Одоевский” (1913). После октября 1917 г. занимался педагогической, научной и общественной деятельностью. Возглавлял Общество любителей российской словесности. Послереволюционные исследования: “Русская литература и социализм” (ч. 1, 1922; 2-е изд., перераб., 1924); “Теория литературных стилей” (1928) и др.

Светлов Михаил Аркадьевич (1903—1964) — русский советский поэт, драматург. Первые стихи опубликовал в 1917 г. Участник гражданской войны. Автор стихов, воспевающих романтику гражданской войны, комсомольскую юность. С середины 30-х гг. обращается к драматургии. В годы Великой Отечественной войны — специальный корреспондент газеты “Красная звезда”. В 1967 г. удостоен Государственной премии (посмертно) за книгу стихов “Стихи последних лет”.

Свирский Алексей Иванович (1865—1942) — русский советский писатель. В партии с 1919 г. Начал печататься в 1892 г. Его очерки, рассказы, повести из жизни люмпен-пролетариата внесли в литературу новые социальные темы. После Октябрьской революции активно участвовал в культурно-просветительной жизни. В 1928 г. работал над итоговой автобиографической книгой “История моей жизни”.

Сейфуллина Лидия Николаевна (1889—1954) — русская советская писательница. Первые литературные опыты относятся к 1917 г. В 1921—1923 гг. жила в Новосибирске, работала в Сибгосиздате, участвовала в организации журнала “Сибирские огни”. С этим периодом связано начало ее профессиональной литературной деятельности: опубликованы повести и рассказы “Четыре главы” (1922), “Правонарушители” (1922), “Перегной” (1922) и др. В московских журналах “Красная новь”, “Молодая гвардия”, “Новый мир” появляются повести “Виринея” (1924) “Каин-кабак” (1926) и рассказы.

Семенов Сергей Александрович (1893—1942) — русский советский писатель. В партии с 1918 г. Начал печататься в 1921 г. В 1921—1922 гг. участвовал в работе Петроградского отделения Пролеткульта, заведовал литературно-художественным отделением Ленгосиздата, редактировал альманах “Ковш”. Наиболее значительное произведение — роман “Наталья Тарпова” (кн. 1, 1927—1929). В 30-е гг. принимал участие в трех арктических экспедициях, продолжал работать над прозаическими произведениями, пьесами. Погиб на фронте Великой Отечественной войны.

Семенов Сергей Терентьевич (1868—1922) — русский советский писатель. Начал печататься в 1887 г. В рассказах, написанных большей частью до революции, изобразил главным образом жестокие стороны деревенского семейного быта. В 1922 г. убит во время крестьянского мятежа. Литературные работы: 6-томник “Крестьянские рассказы” (предисловие Л. Толстого, М., 1894—1913). Ряд произведений вышел в 1915—1918 гг. в издательстве “Знание”.

Сен-Симон Клод Анри де Рувруа (1760—1825) — французский мыслитель, социалист-утопист. Движущими силами исторического развития считал прогресс научных знаний, морали и религии. В сочинении “Новое христианство” (1825) объявил освобождение рабочего класса целью своих стремлений, но путь решения этой задачи видел в утверждении “новой” религии (“все люди — братья”).

Серафимович (Попов) Александр Серафимович (1863—1949) — русский советский писатель. В партии с 1918 г. Первый рассказ опубликовал в 1889 г. Участник первой мировой войны, автор антивоенных рассказов и очерков. После Октябрьской революции заведывал литературно-художественным отделом “Известий”, вел большую работу в Наркомпросе. Редактировал первый советский литературно-художественный журнал “Творчество” (1920), несколько лет возглавлял журнал “Октябрь”. Главная книга — роман “Железный поток” (1924). В последующие годы писал очерки, рассказы, работал над автобиографической повестью. Государственная премия СССР (1943).

Слонимский Михаил Леонидович (1897—1972) — русский советский писатель. Первые литературные опыты относятся к 1917 г. С 1919 г. работал в издательстве “Всемирная литература”. В начале 20-х гг. входил в литературную группу “Серапионовы братья”. Наиболее крупное произведение создано в последующее время — трилогия “Инженеры” (1950), “Друзья” (1954), “Ровесники века” (1959) — о становлении технической интеллигенции в первые годы революции.

Соболев Юрий Васильевич (1887—1940) — русский советский литературовед, литературный критик, театровед. Печатался с 1910 г. В 30-е гг. заведывал литературной частью МХАТ-2. Педагог, доктор искусствоведения (1940). Основные работы посвящены творчеству А.П. Чехова. Автор книг по истории театра, о творчестве русских актеров.

Соболь Андрей (Юлий) Михайлович (1888—1926) — русский советский писатель. Вел революционную борьбу, до 1915 г. находился в эмиграции. После Февральской революции стал комиссаром Временного правительства на Северном фронте. Безнадежная попытка примирения двух “правд” и двух революций описана им в повести “Салон-вагон” (1922). Покончил жизнь самоубийством.

Сомов Николай Михайлович (1867—1951) — советский библиограф и книговед. Окончил Виленский педагогический институт (1891). В 1899—1922 гг. работал в библиотеке Румянцевского музея (ныне Государственная библиотека им. В.И. Ленина), в 1921—1924 гг. — в Институте В.И. Ленина при ЦК партии (ныне Институт марксизма-ленинизма при ЦК КПСС). Участвовал в подготовке ряда томов 2-го и 3-го изданий сочинений В.И. Ленина. Библиографические указатели, составленные Сомовым, и его книговедческие труды и поныне сохраняют научную ценность.

Сосновский Лев Семенович (1886—1937) — советский партийный деятель, публицист. В партии с 1904 г. После Октября 1917 г. — председатель Харьковского губкома КП(б)У (1918—1919), член Президиума ВЦИК (1918—1924), заведующий агитпромом ЦК РКП(б) (1921). В 1918—1924 гг. — главный редактор газеты “Беднота”. В 1925—1926 гг. член коллегии Наркомзема РСФСР. Основной жанр — газетный фельетон. Выступал также с полемикой по литературным вопросам, с критическими статьями. Опубликовано 4-томная книга “Дела и люди” (1924—1927). На XV съезде РКП(б) (1927) исключен из партии. Незаконно репрессирован, реабилитирован посмертно.

Стеклов (Нахамкис) Юрий Михайлович (1873—1941) — российский революционный деятель, публицист. В революционном движении с 1888 г. Один из организаторов первых социал-демократических кружков в Одессе. После Октябрьской революции — редактор “Известий ЦИК” (до 1925 г.). Член ВЦИК и ЦИК ряда созывов, член Президиума ВЦИК 2-го и 3-го созывов. В 1928—1929 гг. — редактор журнала “Советское строительство”. С 1929 г. — заместитель председателя комитета по руководству учеными и

учебными заведениями ЦИК СССР. Автор ряда трудов по истории революционного движения. Незаконно репрессирован, реабилитирован посмертно.

Столыпин Петр Аркадьевич (1862—1911) — российский государственный деятель, министр внутренних дел и председатель совета министров (с 1906 г.). В эпоху реакции 1907—1911 гг. определял правительственный курс. Организатор третьеиюньского переворота 1907 г., руководитель аграрной реформы, названной “стольпинской”. Убит в результате террористического акта.

Струве Петр Бернгардович (1870—1944) — русский экономист, философ, историк, публицист. Теоретик “легального марксизма”, один из лидеров партии кадетов, редактор журналов “Освобождение”, “Русская мысль”, участник сборника “Вехи” (1909). После Октябрьской революции эмигрировал за границу.

Тимирязев Климентий Аркадьевич (1843—1920) — русский естествоиспытатель-дарвинист, один из основоположников русской научной школы физиологов растений, член-корреспондент Российской АН (чл.-корр. Петербургской АН с 1890 г.). Профессор Петровской земледельческой и лесной академии (с 1871 г.) и Московского университета (1878—1911); ушел в отставку в знак протеста против притеснений студентов. Труды по методам исследований физиологии растений, биологическим основам агрономии, теории науки. Один из первых пропагандистов дарвинизма и естественно-научного материализма в России. Депутат Моссовета (1920).

Тихонов Николай Семенович (1896—1979) — русский советский писатель, общественный деятель. Участник первой мировой войны. С 1918 по 1922 г. — в Красной Армии. В 20-е гг. пишет стихи (в том числе поэмы “Сами”, 1920; “Лицом к лицу”, 1924), рассказы (сб. “Военные кони”, 1928). В лирике — романтика революционного долга, темы дружбы народов, борьбы за мир. Лауреат Государственных премий СССР (1942, 1949, 1952), Ленинская премия (1970). Герой Социалистического Труда (1966). Председатель Советского комитета защиты мира (с 1949). Международная Ленинская премия (1957).

Толстой Алексей Николаевич (1882/83—1945) — русский советский писатель. Академик АН СССР (1939). Выступил в печати с книгами сказок, стихов и рассказов (1909—1910 гг.). Широкую известность получили трилогия “Хождение по мукам” (1922—1941) о путях русской интеллигенции в революции, исторический роман “Петр I” (кн. 1—3, неоконч., 1929—1945), научно-фантастические романы, рассказы, пьесы и др. Государственная премия СССР (1941, 1943, 1946 посм.).

Тренев Константин Андреевич (1876—1945) — русский советский писатель. Автор рассказов о дореволюционной деревне, пьес “Пугачевщина” (1924), “На берегу Невы” (1937). Героическая драма о гражданской войне “Любовь Яровая” (1926). Государственная премия СССР (1941).

Третьяков Сергей Михайлович (1892—1939) — русский советский писатель. Автор агитационных стихов, очерков на советские и зарубежные темы, пьесы. Один из теоретиков ЛЕФа. В 1923 г. опубликовал книгу “Итог”, суммирующую его поэтическую работу за 1914—1922 гг. Работал в области беллетристики, очерка, драматургии, кино, разрабатывал одновременно теоретические проблемы лефовской эстетики.

Троцкий (Бронштейн) Лев Давидович (1879—1940) — партийный политический деятель. В социал-демократическом движении с 1897 г. До 1917 г. занимал центристские позиции. В Коммунистической партии в 1917—1927 гг. Один из виднейших руководителей и идеологов Октябрьской революции, член ЦК (1917—1927) и Политбюро ЦК РКП(б) (1919—1926). В 1917—1920 гг. — нарком по иностранным делам, председатель РВСР. В

20-е гг. — один из руководителей оппозиционного движения в РКП(б) — ВКП(б). В 1927 г. исключен из партии, в 1929 г. выслан из СССР. Создатель IV Интернационала. В 1940 г. погиб от руки наемного убийцы.

Успенский Николай Васильевич (1837—1889) — русский писатель. Его перу принадлежат реалистические очерки и рассказы из жизни бесправного дореволюционного русского крестьянства.

Ушинский Константин Дмитриевич (1824—1870/71) — русский педагог-демократ, основоположник научной педагогики в России. Основа его педагогической системы — требование демократизации народного образования и идея народности воспитания. Его педагогические идеи отражены в книгах для первоначального классного чтения “Детский мир” (1861), “Родное слово” (1864), фундаментальном труде “Человек как предмет воспитания. Опыт педагогической антропологии” (в 2-х т., 1868—1869) и др.

Федин Константин Александрович (1892—1977) — русский советский писатель, общественный деятель. Академик АН СССР (1958), Герой Социалистического Труда (1967). Получил известность романами, в том числе “Города и годы” (1924), “Братья” (1927—1928), трилогией “Первые радости” (1945), “Необыкновенное лето” (1947—1948; Гос. премия СССР, 1949), “Костер” (кн. 1—2, 1961—1965). Первый секретарь правления СП СССР (1959—1971).

Федорченко Софья Захаровна (1880—1959) — русская советская писательница. В 1914 г. добровольно ушла на фронт сестрой милосердия. Печата-лась с 1917 г. Самое значительное произведение — “Народ на войне” (в 3-х т., 1923—1927) — о событиях первой мировой войны, Февральской ре-волюции, гражданской войны. Автор сказок (в прозе и стихах), книжек для детей. В 40—50-е гг. работала над исторической трилогией из времен пуга-чевского восстания.

Философов Дмитрий Владимирович (1872—1940) — русский литера-турный критик, публицист. Один из ведущих критиков журнала “Мир ис-кусства”. В начале 900-х гг. сближается с Д. Мережковским и З. Гиппиус. Печата-л литературно-критические и религиозно-философские статьи в духе “христианского социализма”. В 1920 г. эмигрировал из России. Сотрудничал в эмигрантских газетах “За свободу”, “Молва” и журнале “Меч”.

Форш Ольга Дмитриевна (1873—1961) — русская советская писатель-ница. В романах “Горячий цех” (1926), “Сумасшедший корабль” (1931), “Ворон” (1933) — события революции 1905—1907 гг., жизнь художествен-ной интеллигенции 1910—1920 гг. Автор исторических романов “Одеты кам-нем” (1924), “Радищев” (1932—1939), “Михайловский замок” (1946), рас-сказов, пьес.

Хлебников Велемир (Виктор Владимирович) (1885—1922) — поэт, один из родоначальников русского футуризма. Стремился к преобразованию поэтического языка. В своем словотворчестве исходил из смыслового автоном-ного значения слова. Оказал большое влияние на творчество В. Маяковского, Н. Асеева и др. Собрание произведений В. Хлебникова вышло в Ленинграде в 1928—1933 гг.

Цеткин Клара (1857—1933) — деятель германского и международного коммунистического движения, одна из основателей КП Германии (КПГ). В 1881—1918 гг. — член социал-демократической партии Германии (принад-лежала к левому крылу), деятель II Интернационала (1889). Инициатор празднования Международного женского дня 8 Марта (1910). Одна из орга-низаторов “Спартака союза”, член ЦК КПГ с 1919 г. В Коминтерне возглав-ляла международный женский секретариат, являлась руководителем МОПР. С 1920 г. депутат германского рейхстага. Похоронена в Москве, у Кремлев-ской стены.

Чапыгин Алексей Павлович (1870—1937) — русский советский писатель. Исторические романы: “Разин Степан” (ч. 1—3, 1926—1927), “Гулящие люди” (ч. 1—4, 1935—1937). Автобиографические повести.

Чернышевский Николай Гаврилович (1828—1889) — русский революционер-демократ, ученый, писатель, литературный критик. В 1856—1862 г. один из руководителей журнала “Современник”. Вождь революционного движения 60-х гг. в России, идейный вдохновитель “Земли и воли”. В 1862 г. арестован и заключен в Петропавловскую крепость; в 1864 г. подвергнут гражданской казни и отправлен на каторгу в Сибирь; в 1883 г. переведен в Астрахань, затем в Саратов. Разрабатывал вопросы социологии, этики, эстетики, педагогики.

Чичерин Георгий Васильевич (1872—1936) — советский государственный, партийный деятель. Член РСДРП с 1905 г., меньшевик, член партии с 1918 г. В 1904—1918 гг. вел революционную работу в эмиграции. В 1917 г. — один из организаторов возвращения политэмигрантов в Россию. В 1918—1930 гг. нарком иностранных дел РСФСР, СССР. Подписал Брестский мир; руководил советской делегацией на Генуэзской (1922), Лозаннской (1922—1923) конференциях. Член ЦК партии в 1925—1930 гг. Член ВЦИК, ЦИК СССР. Труды по международной политике.

Чужак (Насимович) Николай Федорович (1876—1937) — участник революционного движения, журналист, литературный критик. В партии с 1904 г. Участник революции и гражданской войны в Восточной Сибири, на Дальнем Востоке. Редактор ряда газет в Иркутске, Чите, Владивостоке; зав. отделом печати Дальбюро ЦК РКП(б). С конца 1922 г. — в Москве. Входил в ЛЕФ, один из авторов его основных теорий (“искусство — жизнестроение”, ориентация на “литературу факта”). В 1926—1932 гг. — редактор издательства Всероссийского общества бывших политкаторжан и ссыльнопоселенцев. Автор историко-революционных работ, исследований по сибирской литературе. Незаконно репрессирован, реабилитирован посмертно.

Шагинян Мариэтта Сергеевна (1888—1982) — русская советская писательница. Герой Социалистического Труда (1976), член-корреспондент АН Армянской ССР (1950). Член КПСС с 1942 г. Агитационно-приключенческая повесть “Месс Менд” (1923—1925). Роман “Гидроцентральный” (1930—1931) о социалистическом строительстве; очерки (“Путешествие по Советской Армении”, 1950; Гос. премия СССР, 1951); романы-хроники о В.И. Ленине (Ленинская премия, 1972): “Семья Ульяновых” (1938, перераб. изд. 1957), “Первая Всероссийская” (1965); книги о Гете, Т.Г. Шевченко, Низами. Мемуары.

Шевырев Степан Петрович (1806—1864) — русский критик, историк литературы, поэт, академик Петербургской АН (1847). Автор философских и исторических стихов, работ по истории и теории русской поэзии. Вместе с М.П. Погодиным возглавлял журнал “Москвитянин”. Теоретик “любомудров”, в 1840-е гг. деятель правого крыла славянофильства.

Шишков Вячеслав Яковлевич (1873—1945) — русский советский писатель. Много лет работал в Сибири в качестве инженера-изыскателя. Регулярно печатался с 1912 г. Главная тема творчества — настоящее и прошлое Сибири. Роман “Ватага” (1923) о гражданской войне, “Угрюм-река” (т. 1—2, 1933) о развитии и гибели русского капитализма, росте революционного сознания, эпопея “Емельян Пугачев” (кн. 1—3, 1938—1945), повести и рассказы. Государственная премия СССР (1946).

Штейнмец Чарльз Протеус (Карл Август Рудольф) (1865—1923) — инженер-электротехник. Родился в Германии, в 1889 г. эмигрировал в США. Главный инженер и руководитель проектов крупных электрических машин и

аппаратов “Дженерал электрик”. В письме к В.И. Ленину 16 февраля 1922 г. приветствовал социальные преобразования в России.

Шулятиков Владимир Михайлович (1872—1912) — русский литературный критик, публицист. Член РСДРП, большевик. Один из марксистских теоретиков искусства. Был склонен выводить идеологию непосредственно из производственной практики класса (избранные литературно-критические статьи, изд. “Земля и фабрика”, 1929), за что подвергался критике как “вульгаризатор” марксистской теории. В 20—30-е гг. существовал термин “шулятиковщина” как синоним грубого упрощения и опошления марксистского метода. В то же время Шулятиков одним из первых в марксистской литературной критике выдвинул ряд верных положений о единстве формы и содержания, о литературных влияниях и др.

Эйнштейн Альберт (1879—1955) — физик-теоретик, один из основателей современной физики. Иностраный член-корреспондент Российской АН (1922) и иностранный почетный член АН СССР (1926). Создал частную и общую теории относительности. Автор основополагающих трудов по квантовой теории света. Нобелевская премия (1921).

Эренбург Илья Григорьевич (1891—1967) — русский советский писатель, общественный деятель. В романах “Хулио Хуренито” (1922), “Падение Парижа” (1941) — критика буржуазного мира. Романы о советской жизни, социалистическом строительстве (“День второй”, 1933), второй мировой войне (“Буря”, 1946—1947). Острая антифашистская публицистика (кн. “Война”, 1942—1944). Сборники лирики. Критика. Художественные мемуары “Люди, годы, жизнь” (кн. 1—6, 1961—1965). Вице-президент Всемирного Совета Мира (с 1950 г.). Депутат Верховного Совета СССР с 1950 г. Государственная премия СССР (1942, 1948). Международная Ленинская премия (1952).

Яковлев (Эпштейн) Яков Аркадьевич (1896—1938) — советский государственный и партийный деятель. В партии с 1913 г. Один из руководителей борьбы за Советскую власть на Украине. В 1922—1923 гг. — заместитель заведующего Агитпромом ЦК РКП(б); в 1923—1924 гг. — заведующий отделом печати ЦК, затем редактор “Бедноты”. С конца 1923 г. организатор и редактор “Крестьянской газеты”. С 1926 г. — заместитель наркома РКИ СССР. В 1929—1934 гг. — нарком земледелия СССР. Автор ряда работ, в основном по крестьянскому вопросу. С 1934 г. — заведующий отделом ЦК ВКП(б). Член ЦКК партии в 1924—1930 гг. (член Президиума с 1926 г.), член ЦК партии с 1930 г. Член ЦИК, ВЦИК СССР. Незаконно репрессирован, реабилитирован посмертно.

Якубовский Георгий Васильевич (1891—1930) — пролетарский поэт и критик. Активный участник революционного подполья и гражданской войны в Крыму. Состоял в ВКП(б), редактировал ряд большевистских газет. Печатались начал в 1917 г. В критических работах много внимания уделял вопросам пролетарской культуры, оппонент Л. Троцкого в этих вопросах. В 1923—1925 гг. был одним из руководителей группы “Кузница”.

Ясный (Яновский) Александр Маркович (р. 1903) — поэт. Печатались начал с 1921 г. Основная тема творчества — романтика революции и гражданской войны, а затем — неприятие “будней строительства”, тоска по ушедшим годам (кн. стихов “Ветер в лицо”). Участник Великой Отечественной войны. Погиб на фронте.

ПРИЛОЖЕНИЕ

Н.М. СОМОВ

*Библиография русской общественности. К вопросу об интеллигенции**

- А. Русские настроения // Последние новости. — Париж, 1923. — № 1061, 1068.
- А.И. "О сдвигах" // Дни. — Берлин, 1923. — № 54.
- А.И. О "Смене вех" // Вестник литературы. — 1921. — № 12.
- А.Г. Народовластие и "Социалистический вестник" // Дни. — 1923. — № 61.
- А.О. Русская интеллигенция и пролетарская революция: Доклад проф. Потемкина // Накануне. — Берлин, 1923. — № 244.
- А.Р. "Раздавите гадину!" (На докладе проф. Лукьянова). "Ecrasez l'infame!" // Общее дело. — Париж, 1921. — № 229.
- Абстрактное и конкретное в спорах о республике // Последние новости. — 1923. — № 920.
- Аверченко Аркадий. Осколки разбитого вдребезги. — М.; Л., 1926.
- Авксентьев Николай. Patriotica // Современные записки. — Париж, 1920. — № 1.
- Авербах Леопольд. К вопросу о комсомольской интеллигенции // Молодая гвардия. — 1923. — № 6. — (По поводу повести В. Герасимовой "Ненастоящие").
- Аграрные споры // Последние новости. — 1923. — № 1018.
- Аксельрод П.Б. Пережитое и передуманное. — Берлин, 1923.
- Алданов М.А. Девятое термидора. — Берлин, 1923.
- Александров А.Д. Юношеское движение: (Систематический указатель книг, вышедших за годы революции). — Л., 1925.
- Александров А. и Балухатый С. Политпросветработа: (Систематический указатель литературы с отделом по ленинизму). — Л., 1925.
- Александров Ив. Русская интеллигенция и ее современные задачи // Россия. — 1923. — № 9.
- Альманах "Русская жизнь" // Вестник знания. — Харбин, 1923. — (К расколу среди сменовеховцев).
- Ан-ов Н. Конференция ОРЭСО // Последние новости. — 1924. — № 1228.
- Англия и русские учащиеся // Руль. — Берлин, 1923. — № 795.
- Андреев А. Формирование социально-реставрационной партии // Социалистический вестник. — Берлин, 1926. — № 7/8.
- Андреев Андрей. Неонигилисты. — М., 1922.
- Антонов (Саратовский). Еще о нашем студенчестве // Правда. — 1922. — № 16.
- Арапов Ал. Русская эмиграция // Накануне. — 1922. — № 54.

* Печатается по отдельному изданию, выпущенному в Москве в 1927 г. (с. 44—82).

- Арсеньев Д.* Отрывки из дневника “Сменовеховца” // Пролетарское студенчество. — Берлин, 1923. — № 1.
- Архипов Н.* Завоевания революции // Накануне. — 1922. — № 54.
- Он же.* Е.Д. Кускова в Париже // Накануне. — 1922. — № 97.
- Он же.* У входа // Накануне. — 1922. — № 157.
- Арцыбашев* о примирении с большевиками // Руль. — 1923. — № 871.
- Асеев Ник.* Художественная литература // Печать и революция. — 1922. — № 7.
- Астров В.* Ленин о внутрипартийной демократии // Правда. — 1926. — № 92. См. его же: О внутрипартийной демократии. — Л., 1926.
- Ашешов Ник.* К двенадцатому часу // Новая Россия. — 1922. — № 1.
- Ашкинази З.Г.* Душа народа // Последние новости. — 1921. — № 1.
- Б.И.* Мозг и интеллигенция // Руль. — 1923. — № 657.
- Б.Э.* Революционные дни: (Воспоминания участника февральских дней 1917 г.) // Общее дело. — 1921. — № 244—246.
- Б-ой Сергей (Алексеев Н.).* На службе у империалистов: (Англо-русский конфликт и белая эмиграция). — М., 1923.
- Он же.* О новых “демократических” исканиях // Коммунистическая революция. — 1922. — № 15.
- Бальмонт К.* Где мой дом? // Последние новости. — 1923. — № 1008.
- Безбородов С.* Ленин в отношении к буржуазным специалистам науки и техники. — М., 1925.
- Белов В.* Белое похмелье. — М., 1923.
- Он же.* По новым вехам. — Ревель, 1922.
- Белый Андрей.* О “России” в России и о “России” в Берлине // Беседа. — Берлин, 1923. — № 1.
- Бенедиктов М.* Две эмиграции // Последние новости. — 1923. — № 1064. — (По поводу книги И. Левина “Эмиграция французской революции”. — Берлин, 1923).
- Он же.* Рецензия на сборник “За чертой” // Последние новости. — 1922. — № 810.
- Бергман Генрих.* Диктатура пролетариата, нэп, интеллигенция: (По поводу некоторых выступлений проф. Ключникова) // Правда. — 1922. — № 150.
- Бердяев Николай.* Открытое письмо В.В. Бердяеву // Дни. — 1923. — № 133.
- Берлин,* 20 декабря // Накануне. — 1922. — № 216.
- Бернштейн Л.* “Ново-веховцы” // Общее дело. — 1922. — № 541.
- Благой Д.* Революционная Россия. — М.; Л., 1926.
- Бобрищев-Пушкин А.* Бесы и ангелы // Накануне. — 1922. — № 202.
- Он же.* Внутренняя эмиграция // Накануне. — 1923. — № 422.
- Он же.* Демократия // Накануне. — 1922. — № 120.
- Он же.* Новая вера // Смена вех: Сб. статей. — Прага, 1921.
- Он же.* Религия в России // Накануне. — 1923. — № 428.
- Он же.* Русский политический центр // Накануне. — 1923. — № 387.
- Он же.* Урок не по адресу // Накануне. — 1922. — № 56.
- Он же.* Факиры // Накануне. — 1922. — № 36.
- Боженко Конст.* Об общественных настроениях // Накануне. — 1922. — № 125.
- Он же.* Рубка вех // Вестник литературы. — 1922. — № 1.
- Большевики* и сменовеховцы // Последние новости. — 1923. — № 908.
- Борис С.* На новом пути // Новый мир. — Берлин, 1921. — № 218.
- Борисович Л.* “Русская мысль” // Общее дело. — 1921. — № 263.
- Борьба* за власть и против власти // Последние новости. — 1923. — № 870.

- Борьба со сменовеховцами* // Руль. — 1923. — № 876. См. также: Накануне. — 1923. — № 462. Ст. “Унтер Пришибеев”.
- Братание* // Накануне. — 1923. — № 449. — (О монархистах и евреях).
- Брежневская К.* О молодежи в изгнании // Дни. — 1923. — № 148.
- Брудный М.* О советской общественности // Правда. — 1924. — № 147.
- Бруцкус Б.* О грядущем народничестве // Руль. — 1924. — № 1028.
- Он же.* О крестьянской земельной собственности // Последние новости. — 1923. — № 1047.
- Он же.* Социалистическое хозяйство. Теоретические мысли по поводу русского опыта. — Берлин, 1923.
- Бронз Этьен.* Вдали от России: Роман из жизни русских эмигрантов. — Пг., 1924.
- Бубликов А.А.* Вехи // Общее дело. — 1921. — № 303.
- Бубнов А.* Возрождение буржуазной идеологии и задачи агитпропработы // Коммунистическая революция. — 1922. — № 8 (32); Правда. — 1922. — № 166.
- Он же.* Три лозунга // Правда. — 1923. — № 157.
- Будущее демократической группы* // Последние новости. — 1921. — № 437.
- Булгаков Михаил.* Москва в блок-ноте. Гнилая интеллигенция // Накануне. — 1922. — № 216.
- Бунаков И.* Пути России // Современные записки. — 1920. — № 2.
- Бунегин М.* Роль интеллигенции и культурчуждений в оживлении советов // Пути коммунистического просвещения. — 1926. — № 1.
- Бунин Ив.* Горький о большевиках // Общее дело. — 1922. — № 538.
- Буржуазная идеология и ее литературное выражение* // Печать СССР. — М.; Л., 1926. — С. 82—83.
- Буржуазная интеллигенция и Октябрьская революция* // Печать и революция. — 1921. — № 3.
- Бухарин Н.И.* “Апелляция” оппозиции. — М., 1927.
- Он же.* Атака. — М., 1924.
- Он же.* Борьба за кадры. — М.; Л., 1926.
- Он же.* Доклад на XIV съезде РКП(б) о работе комсомола // Известия ВЦИК Советов (далее — Известия). — 1926. — № 2.
- Он же.* Итоги XIV партсъезда // Известия. — 1926. — № 8-9.
- Он же.* К вопросу о троцкизме. — М.; Л., 1925.
- Он же.* К итогам дискуссии. — Л., 1926.
- Он же.* Коммунистическое воспитание молодежи. — М., 1925.
- Он же.* Культурный фронт и интеллигентский пессимизм // Правда. — 1923. — № 139.
- Он же.* Мистицизм и интеллигенция // Правда. — 1920. — № 145.
- Он же.* О мировой революции, нашей стране, культуре и прочем // Коммунистический интернационал. — 1924. — № 1-2.
- Он же.* Партия и оппозиционный блок. — Л., 1926.
- Он же.* Пролетарская революция и культура. — Пг., 1923.
- Он же.* Судьбы русской интеллигенции // Печать и революция. — 1925. — № 3.
- Он же.* Техническая интеллигенция и рабочий класс // Правда. — 1920. — № 48.
- Он же.* Три речи. — М.; Л., 1926.
- Он же.* Цезаризм под маской революции. — М., 1925; Правда. — 1925. — № 259—261. — (По поводу книги проф. Н. Устрялова “Под знаком революции”).
- Бывший студент.* Монархический молодняк // Дни. — 1923. — № 134.

- Быстрянский В.* Из исповеди контрреволюционера // Книга и революция. — 1921. — № 12.
- Он же.* Невольные признания // Книга и революция. — 1920. — № 5.
- В.Е.Т.* Из истории партии Народной Свободы // Руль. — 1923. — № 684, 693.
- В Россию через “Накануне”?* // Последние новости. — 1922. — № 630.
- Вакар Н.* Молодежь и демократизм // Последние новости. — 1923. — № 902.
- Валентинов Александр.* “Люди наибольшего удельного веса” // Последние новости. — 1922. — № 761.
- Он же.* Ледоход // Последние новости. — 1923. — № 929.
- Он же.* Шило в мешке: (О делах студенческих) // Последние новости. — 1922. — № 777.
- Ваня.* Смена вех // Красные огни. — 1922. — № 5.
- Варварин Д.* “Смена вех” // Новый путь. — Рига, 1921. — № 217.
- Вардин Ил.* Революция и меньшевизм. — М.; Л., 1925.
- Варшпер Татьяна.* Большевистское “просвещение” // Последние новости. — 1922. — № 771.
- Васильевский И. (Не-Буква).* Дедушка русской эмиграции // Накануне. — 1922. — № 154 (приложение № 21).
- Он же.* Молодая душа // Накануне. — 1922. — № 44.
- Он же.* На перевале // Накануне. — 1922. — № 7.
- Он же.* На развалинах // Накануне. — 1922. — № 115.
- Он же.* Письмо с родины // Накануне. — 1923. — № 454.
- Он же.* Сплетники: (Новейшие фасоны и моды эмиграции) // Накануне. — 1923. — № 390.
- Вересаев В.* В тупике: Роман // Южный альманах. — Симферополь, 1922 (впервые).
- Вершинин И.* Расплавленные льды // Накануне. — 1923. — № 500.
- Ветлугин А.* Бунтари купеческого клуба // Общее дело. — 1921. — № 240, 241.
- Он же.* Третья Россия. — Париж, 1923.
- “Вехи” и “Смена вех”* // Русская мысль. — Прага, 1922. — № 3.
- Вешнев В.* Андрей Соболев и Мих. Осоргин // Вечерние известия. — Москва, 1923. — № 46. См. также: Последние новости. — 1923. — № 1061.
- Вжесинский П.* Национализм и демократизм // Последние новости. — 1923. — № 983.
- Виленский Вл. (Сибиряков).* Клеймо предательства // Известия. — 1923. — № 191.
- Вишняк Марк.* “Берта” // Дни. — 1923. — № 278. — (По поводу журнала Петра Струве “Русская мысль”).
- Он же.* “Возрождение” // Современные записки. — 1925. — № 25.
- Он же.* Вынужденный ответ. Еще раз о родоначальниках большевизма // Дни. — 1923. — № 228.
- Он же.* Крестовый поход против демократии // Дни. — 1923. — № 214.
- Он же.* Оправдание демократии // Современные записки. — 1923. — № 3.
- Он же.* Рецензия на книгу “Смена вех” // Современные записки. — 1922. — № 8.
- Он же.* Родословная большевизма // Дни. — 1923. — № 207.
- Он же.* “Условные республиканцы” // Дни. — 1923. — № 138.
- Он же.* Черный год. — Париж, 1923.
- Владимиров Евг.* Кому возвращаться? // Последние новости. — 1923. — № 1055, 1072.

- Водов С. О "Борьбе" и о "Борцах" // Студенческие годы. — Прага, 1923. — № 4.
- Водовозов В. Открытое письмо Н.А. Бердяеву // Дни. — 1923. — № 126.
- Войтоловский Л. Ленин об интеллигенции // Печать и революция. — 1925. — № 2.
- Волин Бор. Меншевицкий интеллигентик и социал-демократический рабочий // Известия. — 1925. — № 182.
- Он же. Об эмигрантском "фон-Гривальдусе": (Исповедь А.В. Пешехонова в эзеровской "Воле России") // Известия. — 1925. — № 270.
- Он же. Рабочая интеллигенция // Рабочая Москва. — 1923. — № 2.
- Он же. Эмигрантский Колумб: (О А.В. Пешехонове) // Известия. — 1925. — № 275.
- Волин Ю. Вузы // Накануне. — 1923. — № 425. — (О пролетаризации высших учебных заведений).
- Он же. Интеллигенция на посту // Накануне. — 1922. — № 217.
- Он же. Новое студенчество // Накануне. — 1923. — № 346.
- Волковский Ник. В дни Мартобря // Дни. — 1923. — № 277. — (По поводу письма А. Соболя).
- Вольский А. Без лирики // Накануне. — 1922. — № 119.
- Вольфон С.Я. Интеллигенция как социально-экономическая категория. — М.; Л., 1926.
- Вопрос о признании большевиков // Последние новости. — 1923. — № 1042.
- Воронский А. Без иллюзий // Интеллигенция и революция: Сб. статей. — М., 1922.
- Он же. Из современных настроений // Там же.
- Он же. Старческое слабоумие // Там же.
- Он же. На новом пути // Печать и революция. — 1921. — № 3.
- Он же. На платформе затяжного характера Советской власти // Прожектор. — 1923. — № 8.
- Он же. От народнического утопизма и контрреволюционной кулацкой идеологии // Воронский А. На стыке. — М., 1923.
- Он же. Тугие дни подходят // Журналист. — 1926. — № 1.
- Всегда вперед! (О роли сменовеховской интеллигенции) // Накануне. — 1924. — № 134 (последний номер от 15 июня).
- Г.Д. Новое студенчество и нэп // Накануне. — 1922. — № 211.
- Гамма. "Тараканьи бега": (Из эмигрантских настроений) // Правда. — 1925. — № 286.
- Георгиев П. "Сменовехизм" и большевизм // Последние новости. — 1922. — № 638.
- Гессен И. Завоевания революции // Руль. — 1923. — № 742. — (По поводу книги А.В. Пешехонова "Почему я не эмигрировал?").
- Гессен В. Искания общественного идеала. — Берлин, 1922.
- Гиппиус З. Бесстрашная любовь: (Русский народ и Ив. Бунин) // Общее дело. — 1921. — № 463.
- Она же. Советский батюшка: (А. Введенский) // Последние новости. — 1923. — № 869, 870.
- Гиринос С. Ленин об интеллигенции. — М., 1925.
- Гладков Федор. Цемент: Роман. — М.; Л., 1926.
- Глазов Л. Путь комсомольской оппозиции. — Л., 1926.
- Глебов М. "Первые вехи" // Пролетарское студенчество. — Берлин, 1923. — № 1.
- Глезер З. Еще о сотрудничестве с деревенской интеллигенцией // Известия. — 1924. — № 157.

- Гоберман Г.* Современные крепостники и их идеология // Спутник коммуниста. — 1922. — № 17.
- Головачев В.Д.* Студенчество в Советской России // Руль. — 1922. — № 618; 1923. — № 660.
- Гольденвейзер А.А.* Якобинцы и большевики (психологические параллели). — Берлин, 1922.
- Горбачев Георгий.* Очерки современной русской литературы. — Л., 1925.
- Горбунов М.* Торгово-промышленная эмиграция и ее идеология // На идеологическом фронте борьбы с контрреволюцией: Сб. статей. — М., 1923.
- Горев Б.* Интеллигенция как экономическая категория // Пролетарское студенчество. — М., 1922. — № 1.
- Он же.* На идеологическом фронте: Сб. статей. — Пг.; М., 1923. — Из содержания: Русская литература и евреи; О сущности религии.
- Горький М.* О русском крестьянстве. — Берлин, 1922.
- Гредескул Н.А.* Интеллигенция и революция: (Еще о конференции научных работников) // Известия. — 1923. — № 268.
- Он же.* Россия прежде и теперь. — М.; Л., 1926.
- Он же.* “Смена вех” // Известия. — 1921. — 11 нояб.
- Он же.* “Смена вех” // Смена вех: Сб. статей. — Киев, 1922.
- Гримм Э.* Новая демократия // Новая Россия. — 1923. — № 41.
- Гришин М.И.* Об оппозиционном блоке и внутрипартийном положении. — М.; Л., 1927.
- Громобой.* Два национализма // Накануне. — 1922. — № 172.
- Губер П.* Наказанная опрометчивость // Литературные записки. — 1922. — № 2.
- Он же.* Судьбы Третьего Рима // О смене вех: Сб. статей. — Пг., 1922.
- Гурвич-Глуховский И.С.* Критикам демократии // Голос России. — Берлин, 1922. — № 1072.
- Гурович А.* Две ошибки // Накануне. — 1922. — № 87.
- Он же.* Логика упрямства // Накануне. — 1922. — № 100.
- Он же.* Певцы самогонки // Накануне. — 1923. — № 251.
- Он же.* Пути и цели // Накануне. — 1922. — № 60.
- Он же.* Ради толстосумов // Накануне. — 1923. — № 392.
- Он же.* Философия семечек // Накануне. — 1922. — № 93.
- Гурович И.* Записки эмигранта. — Пг., 1923.
- Д.Я.* Советское студенчество за рубежом // Известия. — 1926. — № 89.
- Даватц В.Х.* Борьба за дух // Новое время. — Белград, 1923. — № 742.
- Даватц В.Х. и Львов Н.Н.* Русская армия на чужбине. — Белград, 1923.
- Далин Д.* После войн и революций. — Берлин, 1922. См. ст. “Новая интеллигенция”.
- Дан Ф.* Два года скитаний (с 1919 до 1921). — Берлин, 1922.
- Он же.* Демократическая эмиграция и демократия в России // Социалистический вестник. — 1926. — № 7/8.
- Два отношения к советской власти* // Последние новости. — 1923. — № 1002. — (По поводу книги А.В. Пешехонова “Почему я не эмигрировал?”).
- Дело Бориса Савинкова.* — М., 1924. — См. также ст. В. Астрова. — Большевик. — 1924. — № 11.
- Демидов И.* Первый этап церковной смуты // Последние новости. — 1923. — № 1033.
- Он же.* Путь творчества и путь разрушения // Последние новости. — 1923. — № 1028.
- Он же.* Творимая легенда // Последние новости. — 1923. — № 1044.
- Он же.* Что дальше? // Последние новости. — 1921. — № 442.

- Демократическое студенчество* // Последние новости. — 1922. — № 764.
- Демократия в эмиграции* // Последние новости. — 1922. — № 757.
- Демократия и социализм* // Накануне. — 1923. — № 267.
- Демократия или... братство во Христе?* // Последние новости. — 1923. — № 868.
- Дивильковский А.* Самочувствие эмиграции // Печать и революция. — 1926. — № 6,8.
- Дикгоф-Деренталь А.В.* В наши дни. — Прага, 1922.
- Дионес. А.И. Зунделевич* // Последние новости. — 1923. — № 1035.
- Дионес.* Национальность и культура // Родная земля: Сб. статей. — Нью-Йорк, 1920. — Т. 1.
- Дионес. Сирены* // Последние новости. — 1923. — № 986.
- Дионес. Сморок* // Последние новости. — 1922. — № 757.
- Дифференциация эмиграции* // Последние новости. — 1923. — № 1020.
- Дмитриев Т.* Разброд. — [М.], 1925.
- Донской.* Русская общественность в Сербии // Дни. — 1923. — № 143.
- Дополнение к заметке "Веги" и "Смена веж"* // Русская мысль. — Прага, 1922. — № 4.
- Дроздов Александр.* Дар слез // Накануне. — 1922. — № 212.
- Он же.* Два слова о себе // Накануне. — 1922. — № 221.
- Он же.* Когда ушла молодежь // Накануне. — 1923. — № 259.
- Он же.* Разговор за сосисками // Накануне. — 1923. — № 496.
- Друг. Л. Войтоловский.* Азия и Европа. По поводу памфлета М. Горького "Русская жестокость". — Киев, 1922 // Правда. — 1922. — № 197 ("Библиография").
- Дурденевский В. и Берцинский С.* Опыт библиографии общественных наук за революционное трехлетие (1918—1920). — М., 1925.
- Дюшен Б.* Здесь и там // Накануне. — 1923. — № 249.
- Он же.* Изгнание интеллигентов // Накануне. — 1922. — № 195.
- Он же.* Лик зарубежной интеллигенции в зеркале газеты "Дни" // Накануне. — 1923. — № 261.
- Он же.* Мимикрия // Накануне. — 1923. — № 430.
- Он же.* Новые пути к прогрессивности // Накануне. — 1923. — № 239.
- Он же.* Разговор человека с эмигрантом // Накануне. — 1923. — № 471.
- Он же.* Смешение языков // Накануне. — 1922. — № 79.
- Он же.* Старое и новое // Накануне. — 1923. — № 231.
- Он же.* Удар по руке // Накануне. — 1923. — № 434.
- Еще о пособиях белого террора* // Известия. — 1923. — № 254.
- За ленинизм!* — М.: Новая Москва, 1925.
- За ленинизм:* Сб. статей. — М.; Л., 1925. — Приложение: Л. Троцкий. "Уроки Октября" и письмо т. Л. Троцкого к т. М. Ольминскому от 6 дек. 1921 г.
- За чертой.* Первый сборник (студенческий). — Прага, 1922.
- Загорский С.* К вопросу об аграрной реформе // Последние новости. — 1923. — № 1023.
- Он же.* Фактическая справка к докладу Кусковой // Последние новости. — 1922. — № 1828.
- Зайцев Н.* Письмо в редакцию // Дни. — 1923. — № 295.
- Залкинд А.Б.* Очерки культуры революционного времени. — М., 1924.
- Замятин Евг.* Пещера // Записки мечтателей. — 1922. — № 5.
- Заславский Д.* Мертвые монархические души // Известия. — 1926. — № 249.
- Зензинов В.* Из жизни революционера. — Париж, 1919.
- Он же.* Легенда и действительность // Дни. — 1923. — № 274, 276.

- Он же.* Психология вместо логики // Дни. — 1923. — № 256.
- Он же.* Там и здесь // Дни. — 1923. — № 219.
- Зиновьев Григорий.* Большевизм или троцкизм? — Л., 1925.
- Он же.* Возрождение буржуазной идеологии и задачи партии // Спутник коммуниста. — 1922. — № 16.
- Он же.* Из истории большевизма // Зиновьев Г.Е. Сочинения. — Т. 1. — Пг., 1921.
- Он же.* Интеллигенция и революция. — М., 1924.
- Он же.* Интеллигенция и революция: Доклад на I Всероссийском съезде научных работников // Известия. — 1923. — № 270; Правда. — 1923. — № 268, 269.
- Он же.* Ленинизм. Введение в изучение ленинизма. — Л., 1925.
- Он же.* Марксизм и ленинизм // Звезда. — 1925. — № 3 (9).
- Он же.* Мировая партия ленинизма. — М., 1924.
- Он же.* На пороге новой истории. Коммунисты и беспартийные. — Пг., 1921.
- Он же.* Наука и революция. — Л., 1925.
- Он же.* Об антисоветских партиях и течениях. — Пг., 1922.
- Он же.* Пролетарская революция и учительство. — М., 1924.
- Он же.* Рабочий класс и крестьянство. — Л.; М., 1925.
- Он же.* Студенчество и пролетарская революция. — Пг., 1921.
- Он же.* Умные речи приятно слушать // Правда. 1923. — № 149. — (По поводу книжки А.В. Пешехонова “Почему я не эмигрировал?”).
- Он же.* Философия эпохи // Правда. — 1925. — № 214—216. Есть отд. изд. — М.; Л., 1925. См. речь т. М.И. Калинина. — Правда. — 1925. — № 269.
- Он же.* “Философия эпохи” (о лозунге “равенство”) // Известия. — 1925. — № 297.
- Знамение времени: (“Декларация трудовой интеллигенции”)* // Известия. — 1920. — № 48.
- Зорич А.* Голос “оттуда”: (на конференции сельской интеллигенции) // Правда. — 1924. — № 208.
- Зритель.* О российской интеллигенции // Голос России. — Берлин, 1922. — № 1052.
- И.* “Новая культурная эра” // Последние новости. — 1923. — № 916.
- Иванович Ст.* О врагах социализма // Современные записки. — 1923. — № 4.
- Он же.* Сумерки русской социал-демократии. — Париж, 1921.
- Иванов-Разумник.* Пролетарская культура и пролетарская цивилизация // Знамя. — Берлин, 1921. — № 2.
- Он же.* Что такое интеллигенция. — Берлин, 1920.
- Иванчиков В.* Смена // Пролетарское студенчество. — М., 1922. — № 1/2.
- Идеология “второго дня”* // Путь. — Гельсингфорс, 1921. — № 206.
- Изгоев А.С.* Большевики и коммунисты // Руль. — 1923. — № 872.
- Он же.* “Вехи” и “Смена вех” // О смене вех: Сб. статей. — Пг., 1922.
- Он же.* Власть и личность // Вестник литературы. — 1922. — № 1.
- Он же.* Истерика в политике // Руль. — 1923. — № 857.
- Он же.* О задачах интеллигенции // Парфенон: Сб. 1. — Спб., 1922.
- Он же.* О настроениях студенчества // Руль. — 1923. — № 834, 843.
- Он же.* Объединение эмиграции // Руль. — 1923. — № 808.
- Он же.* Политические партии // Русская мысль. — Прага, 1923. — № 3/4.
- Он же.* Старина и новизна // Руль. — 1923. — № 867.
- Из петербургских писем* // Последние новости. — 1922. — № 727.
- Из речи В.М. Молотова об оппозиционном блоке* // Известия. — 1926. — № 229.

- Интеллигентские настроения и чаяния. От октябрьских дней до поражений белогвардейщины // Спутник коммуниста. — 1922. — № 15.*
- Интеллигентское примиренчество и большевизм // Революционная Россия. — Париж, 1921. — № 14/15.*
- Интеллигенция и революция: (Сб. статей М.Н. Покровского, Н.Л. Мещерякова, Вяч. Полонского и А. Воронского). — М., 1922.*
- Интеллигенция и революция // Последние новости. — 1923. — № 1110.*
- Интеллигенция и Советская власть: (Беседа с редактором газ. “Накануне” проф. Ю.В. Ключниковым) // Известия. — 1922. — № 126.*
- Иорданская Мария. Эмиграция и смерть Леонида Андреева // Родная земля: Сб. статей 1. — Нью-Йорк, 1920.*
- Иорданский Н. Белое народничество // Коммунистическая революция. — 1923. — № 2.*
- Он же. Обнищание интеллигенции // Коммунистическая революция. — 1922. — № 13/14.*
- Исбах. Уэллс, Ключников и Вандервельде // Рабочая Москва. — 1922. — № 124.*
- Исключение сменовеховства // Последние новости. — 1922. — № 653.*
- Исповедь эмигранта поневоле // Последние новости. — 1923. — № 942. — (По поводу книжки А.В. Пешехонова “Почему я не эмигрировал?”).*
- К.Т. “Профессионалы” // Накануне. — 1922. — № 219.*
- К высылке контрреволюционной профессуры // Правда. — 1922. — № 194.*
- К позорному столбу! // Накануне. — 1923. — № 472. — (Ответ г-жи Кусковой).*
- К призыву “Стремления”. Студенты // Революционная Россия. — Берлин, 1923. — № 30.*
- К протесту Горького // Накануне. — 1922. — № 86.*
- К учёным России // Коммунистический труд. — 1920. — № 222.*
- Казанский Ф. Еще о работе среди беспартийных // Правда. — 1922. — № 242.*
- Казачьи думы. Общеказачий журнал. — София, 1923. — № 1—6. См. статью С. Серапина “Идеология русской контрреволюции”.*
- Казмин М. Эмигрантские газеты // Печать и революция. — 1923. — № 4.*
- Калинин М.И. Роль интеллигенции в нашем строительстве // Известия. — 1925. — № 287.*
- Каменев Л. Рабочая революция и наука. — М., 1926.*
- Каменецкий Б. Литературные заметки // Руль. — 1923. — № 652.*
- Он же. Карфаген или Каносса? // Руль. — 1923. — № 797.*
- Он же. Пережить Россию // Руль. — 1923. — № 845.*
- Каменка Б. Врач, исцелился сам // Руль. — 1923. — № 857. См. также: Последние новости. — 1923. — № 1044.*
- Каминка А. Завоевания революции и отдаленные перспективы // Руль. — 1923. — № 820.*
- Камский. Русские белогвардейцы в Китае. — М., 1923.*
- Кантор М. О “Смене вех” // Правда. — 1922. — № 141.*
- Кареев Н. Философия дворянина нашего времени // Под знаменем марксизма. — 1923. — № 10.*
- Каренин Е. Дезертир разлагается // Накануне. — 1923. — № 249.*
- Он же. Рыцари без Дамы: (“Русская армия на чужбине”) // Накануне. — 1923. — № 451.*
- Карсавин Л. Восток, запад и русская идея. — Пг., 1922.*
- Он же. О философской публицистике // Дни. — 1923. — № 128.*
- Каталог книг по общественным вопросам. — М.; Л.: Госиздат, 1926.*

- Кедр-Ливанский*. Об экономистах из "Экономиста" и интеллигенции за границей // Книга и революция. — 1922. — № 7(19).
- Керенский А.* Человеческий документ // Дни. — 1923. — № 161. — (По поводу книжки А.В. Пешехонова "Почему я не эмигрировал?").
- Кизеветтер А.* Кокошкин и Шингарев // Руль. — 1923. — № 671.
- Кин Ф.* "Спецы": (Опыт статистического обследования) // Правда. — 1922. — № 197.
- Кипарисов Ф.* К съезду работников науки // Известия. — 1923. — № 266.
- Кирдецов Г.* О Ленине и сменовеховцах // Накануне. — 1922. — № 32.
- Кирион В.* Эмиграция и оппозиция. — М.; Л., 1927.
- "Классовый прием" // Руль. — 1923. — № 841.
- Клейнборг Л.М.* Очерки рабочей интеллигенции. — Пг., 1923.
- Слеменс J.* Новые вехи и русская государственность // О "Смене вех": Сб. статей. — Пг., 1922.
- Ключников Ю.В.* На великом историческом перепутьи. — Берлин, 1922.
- Он же.* Наш ответ // Смена вех. — Париж, 1921. — № 4.
- Он же.* Смена вех // Смена вех: Сб. статей. — Прага, 1921.
- К-ов С.* Запутавшиеся // Последние новости. — 1923. — № 1060.
- Он же.* Монархисты русские и еврейские // Последние новости. — 1923. — № 1051.
- Ко второму общестуденческому съезду:* ("Идеология и практика") // Последние новости. — 1922. — № 739.
- Кольцов Михаил.* Философия мракобесия // Правда. — 1924. — № 12.
- Он же.* Изгнание из рая // Правда. — 1925. — № 268.
- Коммунизм* и "Смена вех". Перелеты // Общее дело. — 1921. — № 498.
- Коммунист* о "нововеховцах" // Вестник литературы. — 1922. — № 1.
- Кондратьев Д.* Зыбь эмигрантская // Последние новости. — 1923. — № 924.
- Кононенко П.* Словарь-справочник по истории рабочего движения в России. — М.; Л., 1925.
- Корнюшин.* О внутривнутрипартийной демократии. — Харьков, 1926.
- Кочаровский К.* Обновление народничества // Дни. — 1923. — № 176.
- Кочаровский К.Р.* Возврат интеллигенции к крестьянству // Крестьянская Россия. — Прага, 1923. — № 5/6.
- Он же.* Крестьянство и интеллигенция // Современные записки. — 1921. — № 5.
- Он же.* Трудовая демократия // Современные проблемы: Сб. статей. — Париж, 1922.
- Краткий очерк* возникновения деятельности совещаний и совета общественных деятелей // Правда. — 1920. — № 66.
- Критика* "Накануне" // Последние новости. — 1923. — № 1029.
- Кричевский М.* Россия № 2 и Генуя // Вестник Народного комиссариата иностранных дел. — 1922. — № 4/5.
- Ксенофонтов Ф.* К вопросу о советской демократии // Правда. — 1926. — № 37.
- Кудрявцев Ф.* Классовые теории В.А. Маклакова // Накануне. — 1922. — № 47.
- Он же.* П.Н. Милуков и "Смена вех" // Накануне. — 1922. — № 26.
- Кулишер А.* Новое положение и старый враг // Последние новости. — 1923. — № 907.
- Он же.* Эмбриология большевизма // Последние новости. — 1923. — № 874.
- Курпин А.И.* Сволючь // Русская газета. — Париж, 1923. — № 9.
- Курганский В.* Русские в Китае // Руль. — 1923. — № 849, 876.
- Курчинский М.А.* Социальный закон, случай и свобода. — Юрьев, 1922.

- Кускова Е.* “Большевики — наши дети” // Последние новости. — 1922. — № 737—738.
- Она же.* Борьба за власть // Дни. — 1923. — № 82.
- Она же.* Возбудители энергии // Последние новости. — 1922. — № 749.
- Она же.* Житейское // Дни. — 1923. — № 150.
- Она же.* Или — или // Последние новости. — 1923. — № 1045, 1048, 1050, 1062, 1063, 1065, 1066. См. в № 1066 отклик на эти статьи.
- Она же.* Ю.О. Мартов — Цедербаум // Последние новости. — 1923. — № 913.
- Она же.* Монархист — комсомолец // Последние новости. — 1923. — № 1028.
- Она же.* Неосновательные упреки // Последние новости. — 1922. — № 756.
- Она же.* Нутро и разум // Дни. — 1923. — № 155.
- Е.Д. Кускова* об интеллигенции // Последние новости. — 1922. — № 702.
- Е.Д. Кускова* об утопиях, реальностях и загадках // Современные записки. — 1925. — № 26.
- Она же.* Письма из Берлина // Последние новости. — 1923. — № 905, 910, 918, 922, 927, 942.
- Она же.* Последыши // Дни. — 1923. — № 105.
- Она же.* Прочные истины Г. Зиновьева // Дни. — 1923. — № 217.
- Она же.* Следователям // Дни. — 1923. — № 297.
- Л. Столпы* Пражской эмиграции // Накануне. — 1922. — № 129.
- Л-Б.* Собеседование о русской интеллигенции // Руль. — 1922. — № 375.
- Л-р А.* Разложение правых студенческих организаций // Руль. — 1922. — № 592.
- Л-р А.* Русское студенчество и монархия: Доклад В.Д. Головачева // Руль. — 1923. — № 668.
- Л-р А.* Студенчество в Советской России // Руль. — 1922. — № 574.
- Лаврецкий Вл.* Новые и старые “Вехи” // Смена вех. — Париж, 1922. — № 16.
- Лазерсон М.* Национал-большевизм // Заря. — Берлин, 1922. — № 2.
- Ландау Григорий.* В шорах // Руль. — 1923. — № 804.
- Он же.* Гуманность и демократизм // Руль. — 1923. — № 866.
- Он же.* Демократия и социализм // Руль. — 1923. — № 686, 687.
- Он же.* О бурном протесте // Руль. — 1922. — № 606.
- Он же.* Полемиическая жестикуляция // Руль. — 1923. — № 875.
- Ларин Ю.* Интеллигенция и советы. — М., 1924.
- Лебедев-Полянский П.И.* О пролетарской культуре. — Ростов-на-Дону; М., 1921.
- Левидов М.* Организационное упрощение культуры // Красная новь. — 1923. — № 1.
- Левин Н. и Троцкий И.* Гражданская война в художественной прозе. — Л., 1925.
- Легимистская* молодежь // Последние новости. — 1923. — № 929.
- Лежнев И.* Два поколения // Россия. — 1923. — № 5.
- Он же.* О зоркости одноглазой и двуглазой // Россия. — 1922. — № 3.
- Он же.* Письмо проф. Н.В. Устрялову // Россия. — 1923. — № 9.
- Он же.* Размен вех // Россия. — 1923. — № 5.
- Он же.* “Смена вех” // Новая Россия. — 1922. — № 1.
- Леонидов Мих.* Организованное понижение культуры // Накануне. — 1922. — № 113, 114.
- Леонов Леонид.* Барсуки: Роман. — М., 1924.
- Лери.* Что видели сменовеховцы // Россия. — 1922. — № 551.

- Либединский Юрий.* Неделя: Повесть // Наши дни: Альманах. — 1922. — № 2. (Есть др. издания).
- Он же.* Комиссары. — Л., 1926.
- Ливицкий Я.* “Вехи” и “Смена вех”: (Диспут в Доме литераторов) // Летопись Дома литераторов, 1922. — № 1/2.
- Он же.* Новые и старые вехи: (Два обследования в Доме литераторов о сборнике “Смена вех”) // Летопись Дома литераторов. — 1921. — № 3.
- Лозовский А.* Дискуссии на эмигрантском кладбище // Правда. — 1923. — № 212.
- Лори В.* Онегин наших дней. — Берлин, 1922.
- Лукоцкий Г.М.* Архивы России и интеллигенция // Накануне. — 1922. — № 129.
- Лукьянов С.С.* Еще о диктатуре // Накануне. — 1923. — № 234.
- Он же.* История творит людей! // Накануне. — 1922. — № 179.
- Он же.* Мысли о революции // Новая Россия. — 1922. — № 1.
- Он же.* От старого к новому // Накануне. — 1922. — № 81.
- Он же.* Равнодействующая // Накануне. — 1922. — № 108.
- Он же.* Революционное творчество культуры // Смена вех. — 1921. — № 2.
- Он же.* Революция и власть // Смена вех: Сб. статей. — Прага, 1921.
- Он же.* Эволюция // Смена вех. — 1921. — № 5.
- Он же.* Эмигрантская культура // Накануне. — 1923. — № 267.
- Луначарский А.В.* Всероссийский съезд работников науки // Известия. — 1923. — № 275.
- Он же.* Интеллигенция в ее прошлом, настоящем и будущем. — М., 1924.
- Он же.* Интеллигенция и религия. — М., 1925.
- Он же.* Об интеллигенции: Сб. статей. — М., 1923.
- Он же.* Праздник сплочения науки с Советской властью // Известия. — 1923. — № 267.
- Он же.* Смена вех интеллигентской общественности // Культура и жизнь. — 1922. — № 1.
- Он же.* III Интернационал и интеллигенция // Коммунистический Интернационал. — 1921. — № 17.
- А.В. Луначарский* об интеллигенции // Известия. — 1924. — № 65.
- Лутохин Д.А.* Интеллигенция под советами // Крестьянская Россия. — 1923. — № 5/6.
- Лядов М.* О студенчестве, академизме и демократии // Правда. — 1924. — № 6.
- Он же.* Развернутая “рабочая демократия” и академизм // Правда. — 1923. — № 287.
- М.М.* Трагедия русской интеллигенции: Прения по докладу Н.В. Авксентьева // Последние новости. — 1923. — № 977, 984, 990, 994.
- М.Р.* О социализме: (Теоретические мысли по поводу русского опыта) // Руть. — 1923. — № 692.
- М.Ю.* Русская интеллигенция и ее отношение к советской власти: (Доклад С.С. Лукьянова) // Накануне. — 1924. — № 20.
- Mayor Paul.* Немецкие писатели и экономический кризис // Накануне. — 1923. — № 470.
- Майский И.* Демократическая контрреволюция. — М., 1923.
- Макаров А.* К психологии пролетарского студенчества // Путь просвещения. — 1923. — № 5.
- Он же.* Рабфаковец // Последние новости. — 1923. — № 6.
- Максим Горький* о большевиках и интеллигенции // Последние новости. — 1922. — № 746.

- Мальт М.* Рецензия на книгу Н. Мещерякова "На переломе" (М., 1922) // Пролетарская революция. — 1922. — № 10.
- Мартов Л.* Первый вывод // Социалистический вестник. — 1924. — № 7/8.
- Мартынов А.С.* О меньшевизме и большевизме. — М., 1923.
- Матусевич Иосиф.* В Советском заgone: (По поводу письма Андрея Соболя) // Руль. — 1923. — № 865.
- Медвinsky Е.* Пробуждаясь... // Красная новь. — 1923. — № 5.
- Меж трех сосен* // Руль. — 1923. — № 846. — (По поводу "Социалистического вестника").
- Между двумя утопиями* // Последние новости. — 1923. — № 1023.
- Мельгунов С.* "Мы и они" // Последние новости. — 1923. — № 1000. — (По поводу книги А.В. Пешехонова "Почему я не эмигрировал?").
- Он же.* Один документ // Последние новости. — 1923. — № 930. — (По поводу "Общественного комитета помощи голодающим"). См. в № 941 поправки С. Прокоповича.
- Он же.* Несколько слов об интеллигенции // Дни. — 1922. — № 45.
- Он же.* "Путь революции" // Дни. — 1923. — № 156.
- Меньшевицкие мечты и оппозиция* // Известия. — 1925. — № 298.
- Меньшой А.* Россия № 2, эмигрантская. — М., 1922.
- Мережковский Д.С.* Толстой и большевизм // Общее дело. — 1921. — № 188, 198.
- Меркель И.* Ответ Г. Валентинову // Последние новости. — 1922. — № 789.
- Мещеряков Н.Л.* Без дороги // Интеллигенция и революция. — М., 1922.
- Он же.* Волна мистики: (Из настроений современной эмиграции) // Печать и революция. — 1922. — № 2.
- Он же.* Еще о "Смене вех" // Правда. — 1921. — № 261.
- Он же.* Знамение времени // Правда. — 1921. — № 231; Смена вех. — Киев, 1922.
- Он же.* Крестьянство и революция. — М.; Л., 1927.
- Он же.* Мечты сменовеховства и их судьба // На идеологическом фронте борьбы с контрреволюцией. — М., 1923.
- Он же.* На переломе: (Из настроений белогвардейской эмиграции). — М., 1922.
- Он же.* Новые вехи // Красная новь. — 1921. — № 3; Интеллигенция и революция. — М., 1922.
- Он же.* О новых настроениях русской буржуазной интеллигенции // Печать и революция. — 1921. — № 3.
- Он же.* Современное студенчество и его нужды // Высшая школа в РСФСР и новое студенчество. — Пг., 1923.
- Миллер В.* Упрощенный рецепт создания рабочей интеллигенции // Знамя рабфаковца. — 1922. — № 4/5.
- Милоков П.* Логика ренегата // Последние новости. — 1922. — № 698.
- Он же.* Мой ответ // Последние новости. — 1921. — № 427.
- Он же.* В.Д. Набоков // Последние новости. — 1923. — № 901.
- Он же.* Новое в прежнем и прежнее в новом // Последние новости. — 1921. — № 417.
- Он же.* Ответ Е.Д. Кусковой // Последние новости. — 1922. — № 741.
- Он же.* Привет В.Я. Мякотину: (По поводу его приезда в Париж) // Последние новости. — 1923. — № 854.
- Он же.* Республика и монархия: (Доклад в собрании респ.-дем. клуба в Париже, 22 февр. 1923 г.) // Последние новости. — 1923. — № 877—878.
- Он же.* Россия и демократическая эмиграция: (Доклад в первом публичном заседании респ.-дем. клуба в Праге, 5 июня 1923 г.) // Последние новости. — 1923. — № 983/984.

- Он же.* М.А. Стахович // Последние новости. — 1923. — № 1052; Руль. — 1923. — № 863; Дни. — 1923. — № 277.
- Он же.* Эволюция — моя или России? // Последние новости. — 1922. — № 692.
- Минский Н.М.* Манифест интеллигентных работников // Современные проблемы. — Париж, 1922.
- Мирский Бор.* Без идеи // Дни. — 1923. — № 255.
- Он же.* Борьба за человека // Последние новости. — 1923. — № 1051.
- Он же.* В изгнании. — Париж, 1923.
- Он же.* Власть и родина // Последние новости. — 1923. — № 1025.
- Он же.* Внутренняя эмиграция // Последние новости. — 1922. — № 728.
- Он же.* Гизо “Нового времени” // Последние новости. — 1923. — № 1058.
- Он же.* Дурные пастыри // Последние новости. — 1923. — № 1039.
- Он же.* Искатели прошлого // Последние новости. — 1923. — № 1066.
- Он же.* Клерикалы // Дни. — 1923. — № 250.
- Он же.* Ненаписанная книга // Последние новости. — 1921. — № 441.
- Он же.* Новые люди // Последние новости. — 1922. — № 791.
- Он же.* О смысле спора // Последние новости. — 1923. — № 927.
- Он же.* Обывательское покаяние // Последние новости. — 1923. — № 858.
- Он же.* “Отечество и собственность” // Последние новости. — 1923. — № 903.
- Он же.* Пастыри реакции // Последние новости. — 1923. — № 903.
- Он же.* “Подорожная книга” // Последние новости. — 1922. — № 766.
- Он же.* Сказка о царевиче // Последние новости. — 1923. — № 793.
- Мирянин.* Батюшки // Руль. — 1923. — № 793.
- Митрофанов А.* Деревенская производственно-техническая интеллигенция как объект идеологического воздействия партии // Коммунистическая революция. — 1923. — № 1.
- Он же.* Об идеологическом фронте в деревне // Коммунистическая революция. — 1923. — № 7/8. Есть отд. изд.
- Много шума...* // Последние новости. — 1926. — № 1827.
- Монархисты* // Последние новости. — 1921. — № 445.
- Монархисты без монархии* // Последние новости. — 1923. — № 921, 1021.
- Монархический “молодняк”* // Последние новости. — 1923. — № 923.
- Морфология и физиология большевизма* // Последние новости. — 1923. — № 882.
- Мужик и цилиндр* // Последние новости. — 1922. — № 721.
- Мужель В.* Жабы // Смена вех. — 1921. — № 3.
- Он же.* История одного романа // Новая Россия. — 1922. — № 1.
- Муйсин Б.* Рабочая демократия // Накануне. — 1923. — № 503, 505.
- Мякотин В.* Памяти В.Г. Короленко // Последние новости. — 1923. — № 991.
- Н.А.* Национальный вопрос: (Доклад П.Н. Милукова в Праге 17 апреля 1924 г.) // Последние новости. — 1924. — № 1229—1230, 1234.
- Н.А.* Русское студенчество и чешская буржуазия // Накануне. — 1922. — № 98.
- Н.К.* За бортом жизни // Руль. — 1922. — № 570.
- Н.М.* Горькое признание // Смена вех: Сб. статей. — Киев, 1922.
- Н.П.* “Социалистические” идеологи бонапартизма // Коммунистическая революция. — 1923. — № 2.
- Н.П.В.* “Сдвиги в России и эмиграции” // Последние новости. — 1926. — № 1821, 1826.
- Н.П.В.* Четвертый фронт // Последние новости. — 1926. — № 1824.
- На двух языках* // Накануне. — 1923. — № 471.

- На докладе Н.А. Бердяева // Руль. — 1923. — № 672, 678.
- На идеологическом фронте борьбы с контрреволюцией. — М., 1923.
- "На чужой стороне": (По поводу сборника "На чужой стороне") // Последние новости. — 1923. — № 883.
- Надо создать кадр строителей индустрии. — Из доклада И.В. Сталина // Известия. — 1926. — № 89.
- Наживин И. Среди потухших маяков. — Берлин, 1922.
- Накануне. (Передовая статья) // Накануне. — 1922. — № 1.
- Настроения интеллигенции // Последние новости. — 1923. — № 1014.
- "Национально-мыслящая" молодежь и революция // Последние новости. — 1923. — № 913.
- Невский А. Предметный указатель избранной литературы по политпросветработе. — М.; Л., 1925.
- Никитин Вас. Три тройки // Смена вех: Сб. статей. — Киев, 1922.
- Новая интеллигенция // Последние новости. — 1922. — № 810.
- Новая оппозиция: Сб. материалов о дискуссии 1925 г. — Л., 1926.
- Новгородцев П. Об общественном идеале. — Берлин, 1921.
- Новое славянофильство // Последние новости. — 1923. — № 947.
- Новомирский Я. На пороге: (Коммунизм и интеллигенция) // Книга и революция. — 1920. — № 5.
- Новорезимные реакционеры // Последние новости. — 1922. — № 791.
- Новые мирнообновленцы // Последние новости. — 1921. — № 428.
- Новые свидетели // Последние новости. — 1922. — № 763.
- Норин А. Объективный приговор // Накануне. — 1923. — № 269.
- Н-ский Б. Исторические журналы в Советской России // Летопись революции. — Берлин, 1923. — № 1.
- О делах церковных // Руль. — 1923. — № 844.
- О демократической аграрной программе // Последние новости. — 1923. — № 1017.
- О закрытии высших учебных заведений в России // Накануне. — 1922. — № 33.
- "О любви к отечеству" // Дни. — 1923. — № 257.
- О настроениях российской интеллигенции // Накануне. — 1923. — № 265.
- О политическом реализме // Последние новости. — 1921. — № 446.
- О смене вех: Сб. статей А.С. Изгоева, Ж. Слеменс'а, П.К. Губера, А.К. Петрищева. — Пг., 1922.
- Обручев К. Что стоит на пути в Россию? // Дни. — 1923. — № 197.
- Оболенский В. О кризисе социализма // Последние новости. — 1924. — № 1156.
- Обращение к ученым // Коммунистический труд. — 1920. — 14 дек.
- ой. Голодающая интеллигенция // Последние новости. — 1923. — № 1034.
- Окунев Як. "Бестактные речи": (Записки интеллигента) // Правда. — 1922. — № 160, 164, 172, 185.
- Он же. Мертвый писатель // Правда. — 1922. — № 225.
- Олар А. о русской демократии // Последние новости. — 1923. — № 1034.
- Ольшовец М. Вечерком за чаем... (О профессорско-кулацком "сродстве душ") // Известия. — 1926. — № 129, 138, 231, 275.
- Оппозиционный блок на трибуне ИККИ // Большевик. — 1926. — № 23/24.
- Ор. Бор. "Разногласия в русском вопросе": (Доклад Е.Д. Кусковой) // Руль. — 1922. — № 527.
- Д'Ор О.Л. Зарубежная белогвардейщина // Правда. — 1923. — № 116.
- Оречкин Бор. Анархисты // Руль. — 1923. — № 803.
- Он же. Кризис русской колонии // Руль. — 1923. — № 868—869.
- Орланский А. Когда молодежь пришла... // Накануне. — 1923. — № 275.

- Он же.* Предстоящий съезд российских студентов, обучающихся за рубежом // Накануне. — 1922. — № 217, 221, 223, 224, 230, 239.
- Он же.* Студенческая жизнь // Накануне. — 1922. — № 138, 144, 183, 193, 206.
- Осинский Н.* Современные писатели и революционный народ // Правда. — 1922. — № 192.
- Осоргин Мих.* Андрею Соболю // Последние новости. — 1923. — № 1061.
- Он же.* “Взаимное понимание” // Последние новости. — 1923. — № 1122.
- Он же.* Новая интеллигенция // Дни. — 1922. — № 32.
- Он же.* Описка Андрея Белого // Последние новости. — 1923. — № 1031.
- Он же.* О студенчестве // Дни. — 1922. — № 49.
- Оссовский Я.* Партия к XIV съезду // Большевик. — 1926. — № 14. См. здесь же статью А. Слепкова.
- От парижской демократической группы партии Народной Свободы* // Последние новости. — 1921. — № 426.
- От реакционности* — к признанию Советской власти: (Из доклада т. Троцкого на Всероссийском съезде политпросветов) // Смена вех: Сб. статей. — Киев, 1922.
- Ответ* М[осковского] К[омитета] РКП(б) на декларацию Ленинградской губпартконференции // Известия. — 1925. — № 296.
- Открытое письмо* т. Троцкому членов РКП, учащихся вузов и рабфаков г. Москвы // Правда. — 1924. — № 7,9.
- Офицерство* и политика // Последние новости. — 1923. — № 1055.
- П.В.* Два доклада // Последние новости. — 1923. — № 1010.
- П-в А.* “Разногласия в русском вопросе” // Накануне. — 1922. — № 115.
- П.М. Е.* Кускова и эмиграция // Последние новости. — 1922. — № 756.
- П.Ш.* Интеллигенция и эмиграция // Известия. — 1925. — № 185.
- П.Ш.* Три конфликта // Известия. — 1926. — № 9—10.
- П.Ш.* Уже! // Известия. — 1926. — № 7.
- П.Ш.* “Смена вех” // Руль. — 1921. — № 313.
- Павлович М.* Профессор-идеалист на великом перепутьи // Печать и революция. — 1923. — № 2.
- Панов Л.* Русская общественность и государственность // Накануне. — 1924. — № 37.
- Парнах Валентин.* Эмиграция в Париже и Берлине // Известия. — 1922. — № 296.
- Партия* и воспитание смены. — Л., 1924.
- Пасманик Д.* “Благотворные плоды яда”: (По поводу сборника статей “Смена вех”) // Общее дело. — 1921. — № 452.
- Он же.* Интеллигентские позиции // Общее дело. — 1921. — № 348.
- Он же.* Кризис партии Народной Свободы // Общее дело. — 1921. — № 364.
- Он же.* Правый и левый кадетизм // Общее дело. — 1921. — № 419.
- Он же.* Примиренчество проф. Н. Устрялова // Общее дело. — 1921. — № 355.
- Он же.* Приспособление или протест? (По поводу книги проф. Устрялова) // Общее дело. — 1921. — № 231.
- Он же.* Русская революция и еврейство (большевизм и иудаизм). — Париж, 1923.
- Первое предостережение* // Правда. — 1922. — № 571.
- Первухин М.* “Урок русской революции” // Руль. — 1922. — № 571.
- Первые шаги* р[еволюционно]-д[емократического] объединения студенчества // Последние новости. — 1923. — № 928.
- Передовая* статья // Накануне. — 1922. — № 187.

- Петрищев А.* Бахари // Дни. — 1923. — № 141.
- Он же.* Гастрономия и патриотизм П.Б. Струве // Дни. — 1923. — № 141.
- Он же.* Забытая годовщина // Литературные записки. — 1922. — № 1.
- Он же.* По этапам демагогии // Дни. — 1923. — № 256.
- Он же.* Сменовеховство или безвеховство? // Дни. — 1923. — № 101.
- Он же.* Чужие земляки // О смене вех: Сб. статей. — Пг., 1922.
- Петроградские письма* // Накануне. — 1922. — № 116.
- Пешехонов А.В.* К вопросу о социальной трансформации России // Современные записки. — 1923. — № 3.
- Он же.* Не много о “лице”, а больше о “деле”: (Ответ С. Маслову) // Дни. — 1923. — № 59.
- Он же.* Почему я не эмигрировал? — Берлин, 1922. — (Книга написана в течение ноября 1922 г. в Риге).
- Письмо тов. Троцкого* о “Новом курсе” и ответ на него редакции Центрального органа РКП “Правды”. — Тверь, 1924.
- Письмо Горького* // Накануне. — 1922. — № 139. — (Из письма: “Людей разума не так много на земле, чтобы мы имели право не ценить их значение”).
- Письмо Ленина* // Последние новости. — 1921. — № 416.
- Письмо Маяковского Горькому* // Новый Лиф. — 1927. — № 1.
- Платонов А.* Душеспасительное самосечение // Коммунистическая революция. — 1923. — № 5.
- Платформа Шляпникова и Медведева.* — М.; Л., 1927. См. также: Большевик. — 1926. — № 17.
- По газетным столбцам:* (Бывший министр иностранных дел Эстонии проф. Пейн о новой русской интеллигенции) // Накануне. — 1923. — № 459.
- Победит пролетарий* // Гудок. — 1921. — № 428.
- Познер С.* Большевики и государственность // Последние новости. — 1923. — № 988, 997. — (По поводу книжки А.В. Пешехонова “Почему я не эмигрировал?”).
- Он же.* Загонщики // Последние новости. — 1923. — № 1052.
- Он же.* Компартия // Последние новости. — 1923. — № 925.
- Он же.* На распутье // Последние новости. — 1923. — № 873.
- Он же.* “Новая интеллигенция” // Последние новости. — 1922. — № 817.
- Он же.* Русское студенчество // Последние новости. — 1922. — № 613.
- Он же.* Служба большевикам и служба России // Последние новости. — 1923. — № 981. — (По поводу книжки А.В. Пешехонова “Почему я не эмигрировал?”).
- Он же.* “Что делать?” // Последние новости. — 1923. — № 859.
- Он же.* Эмиграция и Россия // Последние новости. — 1922. — № 767.
- Покровский М.Н.* Кающаяся интеллигенция // Коммунистический интернационал. — 1922. — № 20; Интеллигенция и революция: Сб. статей. — М., 1922.
- Он же.* Московская интеллигенция и контрреволюция // Правда. — 1920. — № 66.
- Он же.* Наши спецы в их собственном изображении // Красная новь. — 1922. — № 1.
- Он же.* Противоречия г. Милюкова // Интеллигенция и революция. — М., 1922.
- Он же.* Разложение продолжается // Там же.
- Он же.* Старое о Наркомпросе // Правда. — 1920. — № 150. — (Ответ на статью “Новое среди интеллигенции”).
- Он же.* Что установил процесс так называемых “социалистов-революционеров”. — М., 1922.

- Полемика* берлинской группы // Последние новости. — 1921. — № 435.
- Полемика* о демократии // Последние новости. — 1923. — № 934.
- Политика* // Накануне. — 1923. — № 464.
- Положение* интеллигенции в России // Руль. — 1923. — № 866/867.
- Политическая* эволюция казачества // Последние новости. — 1923. — № 989.
- Политические* споры в Берлине // Последние новости. — 1923. — № 907.
- Полонский Вяч.* Заметки о культуре и некультурности // Красная новь. — 1923. — № 3.
- Он же.* Заметки об интеллигенции // Красная новь. — 1924. — № 1.
- Он же.* Из белой литературы // Красная новь. — 1923. — № 4.
- Он же.* Интеллигенция и революция в романе В.В. Вересаева: (“В тупике”) // Печать и революция. — 1924. — № 1.
- Он же.* Искатели “объективной” истины // Интеллигенция и революция: Сб. статей. — М., 1922.
- Он же.* Русский обыватель в эпоху великой революции // Там же.
- Он же.* На распутии // Там же; Печать и революция. — 1921. — № 3.
- Он же.* Новые похождения Ивана Наживина // Печать и революция. — 1923. — № 2.
- Он же.* Уходящая Русь: Статьи об интеллигенции. — М., 1924.
- Он же.* Человек в маске // Печать и революция. — 1923. — № 4.
- Полукоммунист.* История одного завода и интеллигентская мягкотелость // Правда. — 1922. — № 189.
- Поляков С. (Литовцев).* Апостольство или недоразумение? // Последние новости. — 1924. — № 1175.
- Он же.* Русская интеллигенция и русская литература // Дни. — 1923. — № 67.
- Полянский В.* Социологический метод проф. Сакулина // Воинствующий материалист. — М., 1925. — Кн. 5.
- Помощь* интеллигенции // Последние новости. — 1922. — № 710.
- Попов Н.Н.* Мелкобуржуазные антисоветские партии. — М., 1924.
- После* термидора // Смена вех. — 1921. — № 9.
- Пособники* // Накануне. — 1923. — № 472.
- Пособничество* белому террору? Ждем ответа! // Накануне. — 1923. — № 466, 468/469.
- Потехин Ю.* Без союзников и без тактики // Накануне. — 1922. — № 20.
- Он же.* Борьба за личность // Смена вех. — 1921. — № 10.
- Он же.* Павлины без перьев. — М., 1924.
- Он же.* Фатальный тупик // Смена вех. — 1921. — № 2.
- Он же.* Физика и метафизика русской революции // Смена вех. — Прага, 1921.
- Он же.* Цвета и цветы эмиграции // Накануне. — 1922. — № 205.
- Он же.* Церковное омоложение // Накануне. — 1923. — № 420.
- Правда* о нашей позиции // Ленинградская правда. — 1925. — № 298.
- Правые* и левые с[оциалисты]-р[еволюционеры] // Последние новости. — 1923. — № 880.
- Правый* кадетизм // Последние новости. — 1921. — № 422.
- Пределы* лояльности и революционности // Последние новости. — 1923. — № 1016.
- Преображенский Е.* Обломки старой России // Под знаменем марксизма. — 1922. — № 1/2.
- Он же.* Пятое сословие // Правда. — 1920. — № 66.
- Преследование* “России 2¹/₂” // Последние новости. — 1922. — № 737.
- Преследования* интеллигенции // Последние новости. — 1922. — № 724.

- Приживальщики* революции или сторонники ее? // Правда. — 1922. — № 163. — (О сменовеховцах).
- “*Приживальщики* революции или сторонники ее” // Накануне. — 1922. — № 96.
- Признания* Горького // Последние новости. — 1921. — № 446.
- Провал* монархистов // Последние новости. — 1923. — № 988.
- Программа* монархической партии // Там же. — № 886.
- Программа* р[еволюционных] д[емократов] теперь и в 1917 г. // Там же. — № 980.
- Программная* статья // Смена вех. — 1921. — № 1.
- Прокопович* С. Нет элементарной порядочности // Дни. — 1923. — № 282.
- Он же.* Пора // Последние новости. — 1923. — № 1017.
- Путь* советской общественности // Известия. — 1926. — № 4.
- Пчелинцев* И. Смена вех: Рассказ // Молодая гвардия. — 1923. — № 6.
- Пятнадцатая* конференция Коммунистической партии (б): Стенограф. отчет. — М.; Л., 1927.
- Р.Д.* Зарубежное студенчество // Известия. — 1923. — № 29.
- Р.С.* Положение интеллигенции в России // Последние новости. — 1924. — № 1207.
- Р.Ш.* Без пафоса // Руль. — 1923. — № 792.
- Рабочие* и буржуазная интеллигенция на процессе эсеров // Правда. — 1922. — № 127.
- Рабы* лукавые // Дни. — 1923. — № 260.
- Радек* К. Для нашей интеллигенции // Правда. — 1920. — № 54.
- Он же.* Партия капиталистической реставрации // Спутник коммуниста. — 1922. — № 17.
- Разложение* социализма // Руль. — 1923. — № 796.
- Разочарованный* Ключников // Последние новости. — 1922. — № 722; Известия. — 1927. — № 13. — С. 7.
- Ракутин* Ю. Двойная обида // Новое время.—Белград, 1923. — № 727.
- Раковский Григорий.* На съезде казаков // Дни. — 1923. — № 277,281.
- Он же.* Современная Россия и задачи эмиграции // Дни. — 1923. — № 188.
- Раковский* и лояльность // Последние новости. — 1923. — № 1033.
- Расправа* // Накануне. — 1923. — № 239.
- Реальная* политика в революции // Последние новости. — 1923. — № 1039.
- Революционная* последовательность // Руль. — 1923. — № 839.
- Рейснер* Лариса. Против литературного бандитизма // Журналист. — 1926. — № 1.
- Рейснер* М.А. Государство буржуазии и РСФСР. — М., 1923.
- Он же.* Интеллигенция как предмет изучения в плане научной работы // Печать и революция. — 1922. — № 1.
- Респ[убликанско]-демократические* группировки // Последние новости. — 1923. — № 903.
- Республиканско-демократический* клуб в Праге // Последние новости. — 1923. — № 917.
- Реставрация* народничества // Последние новости. — 1923. — № 901.
- Розанов* Я. “Сменовеховский” генерал о Красной Армии // Смена вех: Сб. статей. — Киев, 1922.
- Роль* заграницы // Последние новости. — 1923. — № 1067.
- Роль* интеллигенции в советском строительстве // Пути коммунистического просвещения. — 1926. — № 2.
- Ропшин* В. (Савинков Б.) Конь вороной. — М., 1924.
- Рославлев* Б.А. Audiatu et altera pars // Накануне. — 1922. — № 118.
- Россиянин.* Бессмысленные мечтания // Дни. — 1923. — № 113.

- Ростовцев М.* Большевики и интеллигенция // Родная земля. — Нью-Йорк, 1920. — Сб. 1.
- Он же.* Наука и классовый фанатизм // Общее дело. — 1921. — № 267.
- Он же.* Русская интеллигенция // Общее дело. — 1921. — № 334.
- Русakov С.Т.* О современных настроениях интеллигенции // Пути марксизма. — Томск, 1923. — Вып. 1.
- Русская интеллигенция в Советороссии* // Общее дело. — 1921. — № 306.
См. также: Красная газета. — 1921. — № 85, 89, 93; Маховик. — 1921. — № 79.
- Русская эмиграция в Бразилии* // Руль. — 1923. — № 875, 877.
- Русская эмиграция и Нансен* // Руль. — 1923. — № 846.
- Русские в Париже* // Руль. — 1923. — № 844.
- Русские студенты в Харбине* // Руль. — 1923. — № 860.
- Русский студент* // Студенческие годы. — Прага, 1923. — № 4.
- Русское православие и революция* // Последние новости. — 1923. — № 857.
- Русское студенчество в Тунисской области: (По материалам Союза русских студентов)* // Последние новости. — 1922. — № 731.
- Рыклин Г.* В борьбе за советскую общественность // Известия. — 1924. — № 175.
- Рыков А.И.* “Платформа четырех” // Известия. — 1925. — № 297.
- Рысс Петр.* Без вех // Последние новости. — 1921. — № 439.
- Он же.* Без изменения // Последние новости. — 1921. — № 435.
- Он же.* Русский опыт. — Paris, 1921.
- Он же.* Старый спор // Последние новости. — 1922. — № 814.
- Рютин М.* Сменовеховцы и пролетарская революция. — Ростов-на-Дону, 1924.
- С.* Отношение к революции русской интеллигенции в Советской России и за рубежом // Русская мысль. — Прага, 1923. — № 1/2.
- С.* “Смена вех” перед судом Москвы // Последние новости. — 1922. — № 84.
- С.Л.* На полпути // Накануне. — 1922. — № 6.
- С.Я.* Беседа об эмиграции // Дни. — 1923. — № 140.
- С.Я.* Демократия и социализм как проблемы духа // Дни. — 1923. — № 89.
- С.Я.* О социализме и большевизме // Дни. — 1923. — № 109. — (Доклад Бруцкуса).
- С другого берега* // Смена вех. — 1921. — № 6. — (По поводу “Смены вех”).
- С того берега* // Смена вех. — 1921. — № 6. — (Советская и пролетарская печать о “Смене вех”).
- Съезд Национального объединения* // Общее дело. — 1921. — № 325—333, 337.
- Съезд русского студенчества* // Общее дело. — 1921. — № 470, 498, 508.
- Съезд русской профессуры в Праге* // Общее дело. — 1921. — № 454, 458, 460.
- Савинков Борис.* Посмертные статьи и письма. — М., 1926.
- Он же.* Почему я признал Советскую власть // Правда. — 1924. — № 208, 210.
- Савич Ив.* О “новом” студенчестве // Последние новости. — 1923. — № 862.
- Он же.* Сменовеховство и молодежь // Последние новости. — 1923. — № 911—912.
- Савич К.И.* Что ждет возвращающихся в СССР // Накануне. — 1924. — № 91.

- Садыкер П. "Вехи Смен" // Смена вех. — 1922. — № 11. — (Лекция проф. А.М. Городцева).
- Сафаров Г. Как было дело // Ленинградская правда. — 1925. — № 298.
- Он же. Нэпман на службе у нэпмана // Правда. — 1922. — № 117.
- Он же. Основы ленинизма. — Л., 1925.
- Он же. "Россия № 2^{1/2}" // Правда. — 1922. — № 192.
- Свердловы. Развернутая демократия и академизм // Правда. — 1924. — № 6. — (Ответ на статью т. Лядова «Развернутая "рабочая демократия" и академизм»).
- Светлый луч // Руль. — 1923. — № 676.
- Свияжский В. Студенческая жизнь // Накануне. — 1922. — № 151.
- Он же. Съезд эмигрантских юристов // Накануне. — 1922. — № 199.
- Он же. Обывательская социология // Накануне. — 1923. — № 257.
- Свияжский Л. Новый студенческий праздник // Накануне. — 1924. — № 44.
- Своевременно ли "строительство партии" // Последние новости. — 1923. — № 938.
- Седьмой расширенный пленум ИККИ: Стеногр. отчет. — М.; Л., 1927.
- Семашко Н. Интеллигенция и голод // Правда. — 1922. — № 19.
- Серафимович А. Железный поток: Повесть. — М., 1924.
- Сергеев В. Три года в Советской России. — Paris, 1921.
- Серебрянский З. Иного нет пути // Смена вех: Сб. статей. — Киев, 1922.
- Сизов Ан. Историческое заседание питерских ученых // Известия. — 1923. — № 259.
- Сиповский В.В. Интеллигенция и народ. См.: Сиповский В.В. Поэзия народа. — Пг., 1923.
- Скачко А. Попутчики. — М., 1923.
- Слепков А. Оппозиционные течения внутри ВКП(б). — М.; Л., 1926.
- Сложение сил // Накануне. — 1923. — № 503.
- Смена вех: Еженедельный журнал под ред. Ю.В. Ключникова. — Париж, октябрь 1921 г. — декабрь 1924 г.
- Смена вех: Сб. статей Ю.В. Ключникова, Н.В. Устрялова, С.С. Лукьянова, А.В. Бобрищева-Пушкина, С.С. Чахотина и Ю.Н. Потехина. — Прага, 1921.
- Смена вех. — Киев, 1922. — (Сб. статей о "Смене вех" Н. Мещерякова, Ю. Стеклова, З. Серебрянского, Н. Гредескула, Л. Троцкого, Н.М., Х.Т., Я. Розанова и Вас. Никитина).
- "Смена вех" и студенчество // Последние новости. — 1922. — № 689.
- Сменовеховцы в Москве // Там же.
- "Сменовеховцы", эмиграция и Россия // Там же. — 1922. — № 597.
- Смычка науки и труда // Накануне. — 1923. — № 488.
- "Смычка" с наукой // Последние новости. — 1923. — № 1115.
- Соболь Андрей. Открытое письмо // Правда. — 1923. — № 207; На посту. — 1923. — № 2/3.
- Современные писатели и революционный народ // Правда. — 1922. — № 188.
- Современные проблемы: Сб. статей. — Париж, 1922.
- Сорин Вл. Партия и оппозиция: (Из истории оппозиционных течений). — М., 1925.
- Сорокин Пит. Как мы жили...// Дни. — 1922. — № 3.
- Он же. Основы идеологии грядущей России. — Прага, 1923. — (В этом докладе говорится о будущей американизированной интеллигенции).
- Он же. "Смена вех" как социальный симптом // Вестник литературы. — 1921. — № 12.

- Он же. Современная интеллигенция // Дни. — 1922. — № 20.
- Сосновский Л. Новое среди интеллигенции // Правда. — 1920. — № 148.
- Он же. Предостережение русской интеллигенции // Правда. — 1923. — № 247.
- Социализм и демократия // Последние новости. — 1923. — № 866.
- Социализм и революция // Последние новости. — 1923. — № 979.
- Социалисты между собою // Руль. — 1923. — № 792.
- Социальная физиономия интеллигенции // Бюллетени литературы и жизни. — 1924. — № 1.
- Социальные последствия русской революции // Дни. — 1923. — № 216. — (Доклад А.В. Пешехонова в Иене).
- Спа. Долгожданный союз // Накануне. — 1923. — № 491.
- Спаский А. Разговор с Шаляпиным // Накануне. — 1922. — № 134.
- Он же. Что Вы называете “понижением”? // Накануне. — 1922. — № 123.
- Среди студентов // Дни. — 1922. — № 45, 50, 52. — (Съезд иждивенцев Совнаркома. Съезд сменовеховского студенчества).
- “Срединное” студенчество // Последние новости. — 1922. — № 777.
- С[оциалисты-революци]оны о признании // Последние новости. — 1923. — № 1052.
- Сталин И.В. Ответ оппозиции. — Л., 1926.
- Старики и молодежь // Руль. — 1922. — № 583.
- Старчаков А. Раб лукавый // Известия. — 1926. — № 197.
- Старый и новый кадетизм // Последние новости. — 1921. — № 427.
- Стеклов Ю. Буржуазная интеллигенция в русской пролетарской революции // Коммунистический интернационал. — 1921. — № 19.
- Он же. Пособники и укрыватели // Известия. — 1923. — № 264.
- Он же. Прощение обманутым // Смена вех. — Киев, 1922.
- Он же. Психологический перелом. (О сборнике “Смена вех”) // Там же.
- Он же. Психологический перелом // Известия. — 1921. — № 229.
- Он же. Работники науки и пролетариат // Известия. — 1923. — № 259.
- Он же. Разоблаченный сучий куток // Известия. — 1923. — № 254.
- Степанов И. О “Смене вех” в церкви и наших задачах // Коммунистическая революция. — 1923. — № 9/10.
- Стенун Ф. По поводу письма Н.А. Бердяева // Современные записки. — 1925. — № 23—24.
- Сторонники интервенции // Последние новости. — 1923. — № 1026.
- Стремление. Студенческий журнал. — Москва, 1923. — № 1 (январь—февраль). Переиздан редакцией газеты “Дни”. — Берлин, 1923.
- “Стремление” № 2 // Революционная Россия. — Берлин, 1923. — № 31.
- “Стремление” // Последние новости. — 1923. — № 985.
- Струев Петр. На духовных развалинах народничества и марксизма // Русская мысль. — Прага, 1923. — № 3/4.
- Студент. “Истинно русское” студенчество // Последние новости. — 1922. — № 779.
- Студент. Раскол пражского студенчества // Накануне. — 1922. — № 16.
- Студент. Русское студенчество в Праге // Смена вех. — 1921. — № 4.
- Студенты // Последние новости. — 1922. — № 593.
- Студенческие годы. — Берлин, 1923. — № 3. См. в публицистическом отделе статьи о различных идеологических течениях в среде эмигрантского студенчества.
- Студенческие настроения // Руль. — 1923. — № 703.
- Субботовский И. Союзники, русские реакционеры и интервенция. — Л., 1926.
- Суд над “кадетской тактикой” // Последние новости. — 1923. — № 1000.

- Судьбы современной интеллигенции.* — М., 1925. — (Доклад А.В. Луначарского и речи П.Н. Сакулина, Н.И. Бухарина, Ю.В. Ключникова).
- Сухомлин В.В.* Демократия и революция // Воля России. — Прага, 1923. — № 11.
- Существует ли не социалистическая демократия* // Последние новости. — 1923. — № 924.
- Тан.* Надо жить // Новая Россия. — 1922. — № 924.
- Тан.* “Сменовехи” в Петрограде // Россия. — 1922. — № 1.
- Тасин Н.* Два слова о Дроздове // Дни. — 1922. — № 46.
- Татаринов В.* Социалистический иезуит // Руль. — 1923. — № 701.
- Терне А.М.* Новое учение о социологии. — Берлин, 1921.
- Тимашев Н.С.* Что же нам делать? // Руль. — 1923. — № 690. — (Из серии писем о старой и новой России, помещенных в этой газете за 1922 и 1923 гг.).
- Толстой А.Н.* Черная пятница: Рассказы. — Л., 1924.
- Томский М.* Партия и оппозиция. — М.; Л., 1926.
- Тр. Ал.* “Безбожник” // Дни. — 1923. — № 250.
- Треплев К.* Пражская буффонада // Накануне. — 1923. — № 471.
- Трехлетие “Последних новостей”* // Последние новости. — 1923. — № 926.
- Троцкий Л.* Внеоктябрьская литература // Правда. — 1922. — № 209—210, 221—222. См. также его: Литература и революция. — М., 1924.
- Он же.* К первому Всероссийскому съезду научных работников // Известия. — 1923. — № 269; Правда. — 1923. — № 267.
- Он же.* Новый курс. — М., 1924.
- Он же.* Партийная политика в искусстве // Правда. — 1923. — № 209.
- Он же.* Предусмотрительная гуманность // Правда. — 1922. — № 193. См.: Беседа т. Троцкого с американской журналисткой.
- Он же.* Пять лет Коминтерна. — М., 1924.
- Он же.* Речь на II Всероссийском съезде политпросветов (октябрь 1921 г.) // Правда. — 1921. — 25, 27, 28 окт. — (О книге “Смена вех”).
- Углубление перелома* // Известия. — 1920. — № 122. — (Лекция Н.А. Гредескула.)
- Устрялов Н.* Две реакции // Смена вех. — 1921. — № 4.
- Он же.* Народ в революции // Накануне. — 1922. — № 1.
- Он же.* Национал-большевизм // Смена вех. — 1921. — № 3. — (Ответ П.Б. Струве.)
- Он же.* Обмирщение // Россия. — 1923. — № 9.
- Он же.* Patriótica // Смена вех. — Прага, 1921.
- Он же.* Перспективы примирения // Накануне. — 1922. — № 42.
- Он же.* Под знаком революции. — Харбин, 1925.
- Он же.* Проблема “возвращения” // Смена вех. — 1922. — № 11.
- Он же.* Пророческий бред: (Герцен в свете русской революции) // Смена вех. — 1922. — № 18.
- Он же.* Смысл встречи // Накануне. — 1922. — № 34.
- Он же.* Старорежимным радикалам // Накануне. — 1922. — № 185.
- Он же.* Три борьбы // Смена вех. — 1922. — № 16.
- Он же.* 1917—1922 // Накануне. — 1922. — № 223.
- Он же.* У окна вагона // Новая Россия. — 1926. — № 2/3. Есть отд. изд. — Харбин, 1926.
- Он же.* Фрагменты // Накануне. — 1922. — № 49.
- Он же.* Фрагменты: (К модной теме о “кризисе демократии”) // Накануне. — 1924. — № 43.
- Он же.* Эволюция и тактика // Смена вех. — 1922. — № 13.

- Ф. Высшая школа в Советской России // Последние новости. — 1922. — № 762.
- Ф. Русское студенчество в Америке // Руль. — 1923. — № 676.
- Фаусек Ю. Молодежь // Новая Россия. — 1922. — № 1.
- Федин Конст. Города и годы: Роман. — М., 1924.
- Федоров А. Леонид Андреев // Общее дело. — 1921. — № 247—249.
- Фердман Юлий. Один Плеханов или несколько // Последние новости. — 1923. — № 995.
- Он же. Плеханов и Ленин // Дни. — 1923. — № 174.
- Фридлянд Ц. Идеологии буржуазной реставрации // Печать и революция. — 1923. — № 1.
- Фриче В. Корифеи мировой литературы и Советская Россия. — М., 1922.
- Фурицки М. К вопросу о возрождении буржуазной идеологии // Сибирские огни. — 1922. — № 5.
- Х.Т. О политических свободах и буржуазной демократии, терроре и проч. // Смена вех. — Киев, 1922.
- Халатов Арт. О специалистах. К последнему решению пленума ЦК РКП(б). — М.; Л., 1926.
- Харитон Б. К истории нашей высылки // Дни. — 1923. — № 88.
- Он же. История одной книги: (Из воспоминаний о недавнем прошлом) // Руль. — 1923. — № 695.
- Харченко А. Гальванизированный мертвец // Накануне. — 1922. — № 163.
- Он же. Паноптикум // Накануне. — 1922. — № 116.
- Х-ин И. “Мы” и “Они” // Руль. — 1921. — № 278.
- Ходоровский И. Подготовка красных спецов // Правда. — 1925. — № 273.
- Ценная характеристика // Руль. — 1923. — № 866.
- Ц-к Як. “Добитое” студенчество // Последние новости. — 1922. — № 764.
- Он же. Петроградское студенчество // Последние новости. — 1922. — № 768.
- Чахотин С.С. В Каноссу! // Смена вех. — Прага, 1921.
- Он же. Интеллигенция, сменовеховство, коммунизм // Накануне. — 1922. — № 135.
- Он же. Лицо трудовой интеллигенции // Накануне. — 1922. — № 137.
- Он же. Психология примирения // Смена вех. — 1922. — № 15.
- Он же. Старый спор // Накануне. — 1923. — № 257.
- Чернов Виктор. Горький — защитник и Горький — обвинитель // Голос России. — Берлин, 1922. — № 1076.
- Он же. Горький и крестьянство // Голос России. — 1922. — № 1073, 1074.
- Он же. О демократии и трудовом цензе // Революционная Россия. — Берлин, 1923. — № 30.
- Черновцы о [революционно]-[демократическом] “объединении” // Последние новости. — 1923. — № 949.
- Черно-красная демагогия // Последние новости. — 1923. — № 1051.
- Чертков Д.К. Общественные классы. — Л., 1926.
- Чесляр Р. Русское студенчество в Германии // Последние новости. — 1923. — № 1038.
- Четырнадцатый съезд Всесоюзной Коммунистической партии (б): Стеногр. отчет. — М., 1926.
- Чуриков Евгений. Карамазовский черт // Общее дело. — 1921. — № 138.
- Он же. Смердяков русской революции. — София, 1921.
- Членов С. Интеллигенция на распутье // Смена вех. — 1921. — № 9.
- Он же. Новая интеллигенция // Смена вех. — 1921. — № 4.
- Шаг вперед в аграрном споре // Последние новости. — 1923. — № 1047.
- Шаг назад // Последние новости. — 1923. — № 861.

- Ш-д Б. Доклад С.А. Лозовского "Интеллигенция и профессиональное движение в России" // Накануне. — 1923. — № 298.
- Шенфельд Б.М. (Россов). Заживающая рана // Накануне. — 1923. — № 497.
- Шифман М.Л. Об интеллигенции // Вечерние известия. — 1922. — № 26.
- Школа в Советской России // Последние новости. — 1922. — № 747, 748.
- Шмидт Л. "Отечественные эмигранты" // Правда. — 1922. — № 133.
- Шмурло Е. История России. 1862—1917. — Мюнхен, 1922.
- Шпюнька Иван. О том, как поссорились... // Известия. — 1926. — № 77.
- Шрейдер А. Очерки философии народничества. — Берлин, 1923.
- Шрейдер Гр. Демократические свободы и сильная власть // Революционная Россия. — 1923. — № 30.
- Штейн Сергей. В ударном порядке // Последние новости. — 1923. — № 1052. — (О помощи интеллигенции в России).
- Штейнберг А.З. Система свободы Достоевского. — Берлин, 1923.
- Штерн С. В тисках нищеты // Последние новости. — 1923. — № 1114.
- Шульгин В. Записки. — София, 1922.
- Щербина Ф.А. Законы эволюции и русский большевизм. — Белград, 1921.
- Э.Б. Художественная интеллигенция на переломе // Вестник работников искусств. — 1920. — № 1.
- Эволюционируют ли большевики // Последние новости. — 1923. — № 934. — (Доклад П.Н. Милюкова).
- Эйхенбаум Б. В ожидании литературы // Русский современник. — 1924. — № 1.
- Эльяшов Мих. Беседа с А.В. Пешехоновым // Последние новости. — 1922. — № 763.
- "Эмигрантская" ли точка зрения // Последние новости. — 1923. — № 918.
- "Эмигранты" внутри России // Последние новости. — 1922. — № 657.
- Эмиграция и Россия // Последние новости. — 1923. — № 1122.
- Эрдэ. Конец сменовеховства // Известия. — 1924. — № 142.
- Он же. Максим Горький и интеллигенция. — М., 1923.
- Он же. Русская интеллигенция, эмиграция и "Смена вех" // Известия. — 1922. — № 142.
- Он же. Советская общественность // Известия. — 1923. — № 264.
- Эренбург Илья. Жизнь и гибель Николая Курбова: Роман. — М., 1923.
- Юшкевич П.С. Российский иллюзионизм: (К вопросу об интеллигенции) // Объединение. — 1920. — № 5.
- Я.Ц. Из черной книги: (Жизнь зарубежного студенчества) // Последние новости. — 1922. — № 718.
- Яблоновский Александр. Короткая память // Руль. — 1923. — № 726.
- Он же. Семь образованных мужчин // Общее дело. — 1921. — № 427.
- Яковлев Л. Ценные признания // Накануне. — 1922. — № 34.
- Яковлев Я. Буржуазия против буржуазной революции // Коммунистическая революция. — 1923. — № 5.
- Он же. Ленин о советской демократии // Советское строительство. — 1926. — № 4/5.
- Янишевский А. Русская революционная стихия и ее деятели // Общее дело. — 1921. — № 339.

- Ярославский Е.м.* Новая оппозиция и троцкизм. — Л., 1926.
- Ять.* Интеллигенция и советская власть // Дни. — 1922. — № 35.
- Яценко А.С.* Кризис интеллигенции и новая идеология. // Руль. — 1923. № 688.
- Н.* “Азбука коммунизма” // Последние новости. — 1923. — № 998.
- Н.* За чтением Герцена // Последние новости. — 1923. — № 889.
- Н.* Русские студенты в Праге // Последние новости. — 1922. — № 686.
- Н.* О критике “Смены вех” // Смена вех. — 1921. — № 1.
- И. Репин* // Руль. — 1922. — № 576.
- З.* К познанию происшедшего // Русская мысль. — Прага, 1923. — № 3/4

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие	3
Будущее интеллигенции.....	15
Судьбы современной интеллигенции	18
О политике партии в художественной литературе	54
Троцкий Л. Д. Партийная политика в искусстве	129
Зиновьев Г. Е. Интеллигенция и революция	137
Примечания	159
Биосправки.....	173
Приложение. Сомов Н.М. Библиография русской общественности.	195

Научное издание

**СУДЬБЫ
РУССКОЙ
ИНТЕЛЛИГЕНЦИИ**

Материалы дискуссий
1923—1925 гг.

Редактор издательства

Н.М. Анджиевская

Художник

И.Б. Елистратов

Технический редактор

Л.П. Минеева

Корректор

С.М. Позудина

Оператор

Н.М. Лантеева

Оператор электронной верстки

Е.Н. Зимина

ИБ № 42650

Сдано в набор 19.04.91. Подписано в печать 20.08.91. Формат 84x108¹/₃₂. Бумага типографская № 2. Гарнитура таймс. Офсетная печать. Усл. печ. л. 11,8. Усл. кр.-отт. 11,8. Уч.-изд. л. 14,6. Тираж 4600 экз. Заказ № 894. Цена 4 р. 20 к.

Ордена Трудового Красного Знамени издательство "Наука",
Сибирское отделение. 630099 Новосибирск, ул. Советская, 18.

Оригинал-макет изготовлен на настольной издательской системе.
4-я типография издательства "Наука". 630077 Новосибирск, ул. Станиславского, 25.

Вниманию читателей

СИБИРСКОЕ ОТДЕЛЕНИЕ
ИЗДАТЕЛЬСТВА “НАУКА”

готовит в 1991 г. к печати книги:

Сагалаев А.М., Крюков В.М.

ПОТАНИН Г.Н.: ОПЫТ ОСМЫСЛЕНИЯ ЛИЧНОСТИ.

Научно-популярное издание повествует об одной из самых ярких и противоречивых фигур дореволюционной Сибири — Г.Н. Потанине (1835—1920), который много и успешно работал в области этнографии, истории, фольклористики, ботаники, геологии и географии, публицистики и издательского дела. Авторы попытались показать личность выдающегося ученого и общественного деятеля, пламенного патриота Сибири во всем ее своеобразии и сложности. События из жизни Г.Н. Потанина даются на фоне общественно-политических событий той эпохи.

*Заказы направляйте по адресу:
630090 г. Новосибирск, Морской проспект, 22,
магазин “Наука”, “Книга — почтой”*

РУССКАЯ ЭПИЧЕСКАЯ ПОЭЗИЯ СИБИРИ
И ДАЛЬНЕГО ВОСТОКА
*“Памятники фольклора народов Сибири
и Дальнего Востока” — 36 л.*

Книга раскрывает интереснейший исторический процесс распространения русской эпической традиции далеко на восток. В ней содержится 255 сибирско-дальневосточных текстов: варианты классических богатырских былин Древней Руси, баллад, исторических песен XVI—XVIII веков, записанных от Алтая и Кургана до Анадыря, Южного Сахалина и Приморья с 1871 по 1989 г. Значительная часть публикуется впервые.

Тексты выверены по первичным изустным записям, которые разысканы в архивах (собрания С.И. Гуляева и др.) Десятки произведений обнаружены только в Сибири и не имеют аналогов в европейской части страны (“Калинин царь увозит девушку с Алтая”, “Федор Колыческой” и др.).

Очень своеобразны пересказы русских эпических сюжетов эвенками, бурятами, якутами, юкагирскими исполнителями. По своему богатству публикуемый репертуар занимает второе место после сборников с Русского Севера.

В целом это первый и самый полный корпус русского эпоса — подлинное отображение его сибирско-дальневосточной ветви. В нем содержится текстологический анализ всех существующих материалов, изучаются скрытые перепечатки и подделки, выясняются текстовые и музыкальные связи с Европейским Севером и другими зонами, а также специфика местных процессов.

Система указателей обобщает географию распространения, круг исполнителей и собирателей XIX—XX вв., состав сюжетов и мотивов.

Благодаря новейшим уникальным находкам поющих былин (индигирские и другие новооткрытые очаги) укомплектована пластинка, прилагаемая к тому.

Книга объявлена в Плате выпуска изд-ва “Наука”, 1991, I полугодие, № 695.

*Заказы направляйте по адресу:
630090 г. Новосибирск, Морской проспект, 22,
магазин “Наука”, “Книга — почтой”*

